

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1863.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено
было въ Цензурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Марта 7 дня.
1863 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

**Цензоръ, экстраординарный профессоръ богословія,
священникъ *Филаретъ Сергіевскій.***

10.) Ибо Евномій говоритъ: «рожденнаго прежде всей твари», и, какъ бы изреченія сего недостаточно было къ показанію нечестія, помѣщаетъ хулу въ слѣдующемъ за тѣмъ словѣ, сказавъ: «не сотвореннаго». Посему какъ же не сотвореннаго называетъ истиннымъ Сыномъ? Ибо если сотвореннаго надлежитъ называть истиннымъ Сыномъ, то, конечно, и небо есть истинный сынъ; потому что и оно не сотворено. Такъ и солнце есть истинный сынъ, и все, что въ твореніи есть малаго и великаго, безъ сомнѣнія, достойно названія истиннымъ сыномъ. Какъ же созданнаго называетъ Единороднымъ? Ибо всѣ созданные, конечно, братья между собою, по самому, какъ разумѣю, понятію: быть созданнымъ. Кѣмъ же и созданъ? Ибо все, что только приведено въ бытіе, конечно, приведено Сыномъ, такъ свидѣтельствуется Іоаннъ, говоря: *вся Тьма быша* (Іоан. 1, 3.). Поэтому, если, по словамъ Евномія, и Сынъ приведенъ въ бытіе, то и онъ, конечно, состоитъ въ естествѣ созданныхъ существъ. Итакъ, если все созданное приведено въ бытіе Словомъ, Оно же есть одно изъ существъ созданныхъ; то кто столько несмысленъ, чтобы не видѣть нелѣпости положенія, будто бы, какъ утверждаетъ новый сей догматовводитель, Владыка сталъ произведеніемъ Себя Самаго. Евномій же ясно говоритъ, что Господь, Создатель всей твари, не

несотворенъ. Пусть скажетъ, откуда у него такая смѣлость? Въ какомъ богодухновенномъ изреченіи почерпнута? Какой евангелистъ, какой апостоль изрекъ подобное сему слово? Какой пророкъ, или законодатель, или патріархъ, или иной кто изъ вдохновенныхъ Святымъ Духомъ, и которыхъ рѣчи преданы письмени, былъ вводителемъ такового изреченія? Отца и Сына и Святаго Духа дознали мы въ преданіи вѣры отъ самой Истины. Или надлежало вѣровать, что Сынъ сотворенъ? Почему же истина, предающая намъ тайну, узаконила вѣру въ Сына, а не въ тварь? Почему божественный апостоль, поклоняясь Христу, о служащихъ твари вмѣсто Творца опредѣленно говоритъ, что служатъ они идоламъ? Или не поклонялся бы самъ апостоль, если бы Христосъ былъ сотворенъ, или служащихъ твари не причислялъ бы къ идолослужителямъ. чтобы, принося поклоненіе сотворенному, и самому не быть признану идолослужителемъ. Но зналъ онъ, что Тотъ, Кому онъ поклоняется, есть надъ всеми Богъ; ибо такъ въ словѣ къ римлянамъ именуетъ Сына (Римл. 9, 5.). Посему не присвояющіе Сыну сущности Отца и называющіе Его сотвореннымъ, для чего въ посмѣяніе уступаютъ Ему лжеименное названіе, чуждому истиннаго Божества воснисуя напрасное имя Бога, какъ Вилу, или Дагону, или дракону? Поэтому утверждающіе, что Онъ

сотворень, пусть или не исповѣдуютъ Его Богомъ, чтобы явно быть іудействующими, или, если сотвореннаго исповѣдуютъ Богомъ, не отрицаются, что они идолослужители. Но, конечно, представлять они приточное изреченіе, въ которомъ сказано: *Господь созда Меня начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Прит. 8, 22.).

Чтобы привести сіе въ возможную ясность, слѣдовало бы изложить пространнѣе; однакоже благомыслящимъ можно передать мысль и не въ многихъ словахъ. Ибо нѣкоторые, въ точности изучавшіе божественныя Писанія, говорятъ слѣдующее: у евреевъ не написано: *созда* (*ѣхтѣ*), и въ древнѣйшихъ книгахъ читали мы вмѣсто *созда* *ля* написано: *стяжа* (*ѣхтѣбато*). А твореніе въ приточномъ и загадочномъ смыслѣ означаетъ, конечно, раба, ради насъ пріившаго на Себя *зракъ раба* (Фил. 2, 7.). Но если кто въ разсужденіи сего мѣста противопоставитъ намъ и преобладающее въ церквахъ чтеніе: то не отвергаемъ и слова *созда*. Ибо и оно служить къ означенію раба въ приточномъ смыслѣ, такъ какъ вся тварь въ работѣ, по слову апостола (Римл. 8, 21.). Потому утверждаемъ, что и это слово даетъ благочестивую мысль. Ибо истинно сотворень на послѣдоѣ дней Тотъ, Кто ради насъ содѣлался подобенъ намъ, Кто, въ началѣ будучи Словомъ и Богомъ, послѣ сего сталъ плотію и человѣкомъ. Сотворено же естество плоти, ко-

тору ю Онъ воспринялъ *по всяческииъ по подобію развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.); но сотворено по Богу, а не по человѣку, какъ выражается апостолъ, новымъ иѣкимъ образомъ, а не какъ обычно у людей. Ибо научены мы, что Духомъ Святымъ и силою Вышняго, однакоже сотворенъ сей новый человѣкъ, облечся въ котораго повелѣваетъ и намъ истолкователь неизреченныхъ таинъ Павелъ, двойко называя сіе одѣяніе, то говоря: *облекитесь въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу* (Еф. 4, 24.), то: *облецытесь Господемъъ Исусомъъ Христомъъ* (Римл. 13, 14.); ибо въ такомъ случаѣ для насъ, облекшихся въ Него, дѣлается началомъ путей спасенія Изрекшій: *Азъ есмь путь* (Іоан. 14, 6.), да сотворитъ насъ дѣломъ рукъ Своихъ, изъ худаго зданія грѣха претворивъ опять въ собственный Свой образъ. Самъ же дѣлается для насъ и основаніемъ прежде будущаго вѣка, по слову Павла, который говоритъ, что *основанія никтоже можетъ положить паче лежащаго* (1 Кор. 3, 11.), *и прежде неже произыти источникомъ водъ, и прежде неже горамъ водрузитися, и прежде неже бездны содѣлати, и прежде всѣхъ холмовъ раздѣаетъ Мя* (Прит. 8, 24. 25.). Каждое изъ сихъ выраженій, по обычаю приточной рѣчи понятое, въ переносномъ смѣслѣ можетъ быть принаровлено къ Слову. Ибо великій Давидъ *горы Божія* именуеть правдою, а суды—*бездною* (Пса. 35, 7.), *источ-*

никами же—учителей въ церквахъ, говоря: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источникъ Израилевыхъ* (67, 27.), и холмами—незлобіе, которое изобразилъ скаканіемъ аглицевъ (113, 6.). Посему прежде нихъ раждается въ насъ ради насъ сотворенный человѣкъ, чтобы нашло въ насъ мѣсто сотвореніе и того, что подобно Ему. Но отложить, думаю, надлежитъ слово о семъ, такъ какъ для благомыслящихъ достаточно доказана истина въ немногихъ словахъ.

Поступимъ же къ слѣдующимъ словамъ у Евномія. «Въ началѣ сущаго, говоритъ онъ, не безначальнаго». Такъ-то понимаетъ божественныя изреченія думающій о себѣ, что всѣхъ превосходитъ разумніемъ! Въ началѣ Сущій, по его толкованію, имѣетъ начало. И не знаетъ онъ, что, если имѣетъ начало въ началѣ Сущій, то непременно и начало имѣетъ у себя другое начало. Ибо что можно сказать о началѣ, то по необходимости признаетъ, безъ сомнѣнія, и о сущемъ въ началѣ. Какъ сущее въ началѣ отдѣлится отъ начала? Какъ то, чего не было, представить себѣ кто-либо прежде того, что было? Что бы кому-либо, возводя мысль свою къ умопредставленію начала, простереть ее далѣе, для сего, безъ сомнѣнія, представить онъ, что сущее въ началѣ Слово не можетъ быть отдѣлено отъ начала, въ которомъ оно, какъ не начинающее и не пере-

стающее быть въ началѣ. Но никто поэтому да не дѣлать догмата на два начала. Ибо одно, какъ и дѣйствительно, есть начало, въ которомъ неотлучно умопредставляется Слово, по всему состоящее въ единеніи со Отцемъ. Держась сего образа мыслей, Евномій не дастъ никакого доступа ереси повредить благочестію новизною имени: нерожденный. Но въ изложенномъ далѣе слово его походитъ на хлѣбъ, въ которомъ большая примѣсь песку. Ибо, къ сказанному здраво примѣшавъ еретическія понятія, дѣлаетъ и пищу негодною ко вкушенію, по причинѣ примѣшаннаго камня. Называетъ Господа «живою премудростію, дѣйственной истиною, существенною силою, жизнію»; это еще пища, но Евномій влагаетъ въ сказанное и ядъ ереси; ибо, наименовавъ жизнь рожденною, противопоставленіемъ жизни нерожденной даетъ разумѣть нѣчто другое, и не предполагаетъ дѣйствительной жизни—Сына. Потомъ говоритъ: «какъ Сына Божія, животворящаго мертвыхъ, *свѣтъ истинный, свѣтъ просвѣщающей всякаго чловѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9.), благаго и подателя благъ». Все это вмѣсто какого-то меда подавая простодушнымъ, подъ сладостію сихъ словъ скрываетъ отраву. Ибо немедленно присовокупляетъ къ сказанному тлетворную свою мысль, говоря: «не съ Родшимъ раздѣлившаго достоинство, и не съ другимъ кѣмъ отеческую сущность, но отъ

рожденія содѣлавшагося славнымъ, и Господомъ славы, и пріившимъ славу отъ Отца, а не переевшимъ у Него славу; потому что не сообщима слава Вседержителя, какъ сказалъ Онъ: *славы Моя яному не дамъ*» (Иса. 42, 8.). Вотъ тѣ смертоносныя составы, которые распознаются только упражнявшими чувствилица души.

Смертельный вредъ ихъ яснѣе открывается изъ окончательныхъ словъ сказаннаго. «Пріившимъ, говоритъ онъ, славу отъ Отца, а не переевшимъ у Него славу; потому что не сообщима слава Вседержителя, какъ сказалъ Онъ: *славы Моя яному не дамъ*». Кто этотъ иный, которому, сказалъ Богъ, *славы Моя не дамъ*? Хотя пророкъ говоритъ о противникѣ; однакоже Евномій переноситъ пророчество на Самаго Единороднаго Бога. Пророкъ, сказавъ отъ лица Божія: *славы Моя яному не дамъ*, присовокупилъ: *ниже добродѣтелей Моихъ истуканнымъ*. Поелику люди должное Богу служеніе и поклоненіе по обольщенію воздавали противнику, въ храмахъ посвященныхъ истуканамъ чувствуя врага Божія, во многихъ видахъ представляемаго у людей идолами; то врачующій недужныхъ, пожалѣвъ о человѣческой гибели, какое человѣколюбіе оказалъ Онъ на послѣдокъ времянь уничтоженіемъ идоловъ, предрекъ о томъ устами пророка, говоря: когда явлена будетъ истина, тогда слава Моя не будетъ воз-

даваема иному, и добродѣтели Мои не будутъ приписываемы истуканамъ; потому что люди, познавъ Мою славу, не стануть служить не сущимъ по естеству богамъ. Итакъ, что пророкъ отъ лица Господня говорить о сопротивной дѣятельности, то самое этотъ богоборецъ относитъ къ Самому Господу, изрекшему сіе чрезъ пророка. Упоминается ли о какомъ мучителѣ, что содѣлался онъ подобнымъ гонителемъ вѣры? Кто навелъ на эту мысль, будто бы явившійся во плоти для спасенія душъ нашихъ не истинный Богъ, какъ мы вѣровали, но противникъ Богу, въ истуканныхъ и въ идолахъ производящій обольщеніе человѣковъ? Ибо что о семъ противникѣ сказано у пророка, то Евномій перелагаетъ на единороднаго Бога, не уразумѣвъ того самаго, что провѣщавшій это въ пророкѣ есть Самъ Единородный, какъ самъ Евномій говорить въ послѣдствіи, что Онъ глагола въ пророкахъ.

11. Надобно ли мнѣ разсуждать о семъ болѣе? Ибо къ той же принадлежитъ хулѣ и сказанное предъ этимъ. «И пріившимъ славу отъ Отца, сказано у Евномія, а не переевшимъ у Него славу; потому что несообщима слава Вседержителя Бога». А я, если бы шларѣчь и о Моисѣ, прославившемся въ служеніи закону, не такъ произнесъ бы подобное сему слово. Моисей, хотя онъ у себя самаго не имѣлъ никакой славы, по пріятному имъ отъ

Бога дару, вдругъ въ славѣ явился израильтянамъ. Ибо эта, бывшая у законодателя, слава принадлежала не иному кому, но самому Богу, и ея Господь въ Евангеліи повелѣваетъ искать всѣмъ, и обвиняетъ поставляющихъ въ великое славу человѣческую, и не ищущихъ славы *отъ единого Бога* (Іоан. 5, 44.). А тѣмъ самымъ, что повелѣлъ искать этой *отъ единого Бога* славы, обѣтовалъ Онъ, что возможно улучшить искомое. Поэтому какъ же несообщима слава Вседержителява, если надобно просить славы, *яже отъ единого Бога*, и *всякъ просай*, по Господнему слову, приѣмлетъ (Матѣ. 7, 8.)? Но утверждающій о Сіяніи славы, что имѣетъ славу пріять, не иное чтó говоритъ, а то, что Сіяніе славы само посебѣ не славно; потребно же Ему пріять славу отъ другаго, чтобы въ такомъ случаѣ и самому со временемъ стать Господомъ нѣкой славы. Посему, гдѣ дадимъ мѣсто словамъ истины; и когда сказается, что Христосъ явится въ славѣ Отчей (Филип. 2, 11.), и еще: *вся елика и мать Отецъ, Моя суть* (Іоан. 16, 10.)? Кому долженъ внимать слушающій? Тому ли, кто говоритъ, что не причастенъ Отчей славы *Насльдникъ всльмъ* во Отцѣ (Евр. 1, 2.), какъ называетъ апостоль? Или исповѣдующему, что все, чтó имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Онъ? Въ числѣ же всего, безъ сомнѣнія, заключается и слава. Но. Евномій говоритъ, что не сообщима Вседержителява

слава. Сего не подтверждаютъ ни Іоиль, ни великій Петръ, въ рѣчи къ іудеямъ усвоившій себѣ сіе пророческое слово. Ибо отъ лица Божія говоритъ и пророкъ и апостоль: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іон. 2, 26. Дѣян. 2, 17.). Посему ужели непоскупившійся на сообщеніе Духа Своего всякой плоти не сообщаетъ собственной славы своей Единородному Сыну, сущему *въ лоно Отца*, имѣющему все, что имѣетъ Отець? Или, можетъ быть, скажетъ кто нибудь, что Евномій въ этомъ и не хотя говоритъ правду? Ибо о не имѣющемъ у себѣ славы употребляется въ собственномъ смыслѣ слово: сообщеніе; у него обладаніе начинается не по природѣ, но со стороны. Гдѣ одно и тоже естество; тамъ не имѣетъ потребности въ сообщающемъ ему каждый разъ Сущій по естеству тѣмъ, чѣмъ, по нашему вѣрованію, есть Отець. Но лучше сказать о семъ яснѣе и прямѣе. Какая потребность въ славѣ Отчей Тому, Кто имѣетъ въ себѣ всецѣлаго Отца, не исключая ничего умопредставляемаго во Отцѣ? Да и какое это достоинство Вседержителя, не причастенъ котораго, по Евноміеву утверженію, Сынъ? Посему пусть скажутъ мудрые въ себѣ *самихъ и предъ собою разулные* (Иса. 5, 21.), *изъ земли*, какъ говоритъ пророкъ, глася земныя ученія свои (Иса. 19, 3.); однакоже всѣ мы, которые покланяемся Слову, и пребываемъ учениками истины,

лучше же сказать, о томъ молимся, чтобъ быть ими, и это слово не оставимъ не обозрѣннымъ. Ибо знаемъ, что изъ всѣхъ именованій, которыми означается Божество, иныя, сами по себѣ произносимыя и умопредставляемыя, указуютъ на величіе Божіе, а иныя придаются дѣятельностямъ, и насъ и всю тварь превышающимъ. Ибо когда божественный апостолъ говоритъ: *нетльннному, невиднмому, единому премудрому Богу* (1 Тим. 1, 17.) и подобное сему, тогда симъ именами указуетъ понятія, представляющія превысшую Силу. Когда же говорится въ Писаніи: милосердый, милостивый, многомилостивый, истинный, Христось, Господь, врачъ, пастырь, путь, хлѣбъ, источникъ, царь, творецъ, создатель, защитникъ, Тотъ, Кто надъ всѣми и чрезъ всѣхъ, Кто все во всѣхъ; сіи и подобныя симъ именованія заключаютъ въ себѣ означеніе дѣйствій въ твари Божіи челоуѣколюбія. Посему имя: Вседержитель точныя изслѣдователи находятъ не иное что означающимъ въ разсужденіи божественной силы, какъ слѣдующее: словомъ «Вседержитель» показывается, какая и къ чему относится дѣятельность, державствующая надъ видимымъ въ твари. Какъ не былъ бы врачомъ, если бы не нужно то было для больныхъ, не именовался бы милосердымъ и милостивымъ и подобными сему именами, если бы не было имѣющаго нужду въ милосердіи и ми-

лости: такъ не былъ бы и вседержителемъ, если бы вся тварь не имѣла потребности въ содержащемъ и соблюдающемъ ее въ бытіи. Посему какъ врачомъ бываетъ для нуждающагося во врачеваніи, такъ и вседержителемъ для требующихъ поддержки. Какъ во врачѣ имѣютъ потребность не здоровые, но чувствующіе себя худо: такъ на семъ основаніи справедливо можно сказать, что и въ поддерживающемъ нѣтъ потребности Тому, въ Комъ естество непогрѣшительно и неизмѣнно. Посему, когда услышимъ слово: Вседержитель, будемъ разумѣть, что все, и мысленное, и вещественное по естеству, содержитъ въ бытіи Богъ. Ибо для этого содержитъ *кругъ земли* (Иса. 40 22.), для этого имѣетъ *въ руцѣ концы земли* (Иса. 94 4.), для этого объемлетъ *небо пядію*, для этого измѣряетъ *горстію воду* (Иса. 40, 12.), для этого всю умную тварь въ Себѣ содержитъ, чтобы все содержимое всеобъемлющею силою пребывало въ бытіи.

Посему изслѣдуемъ, кто есть *дѣйствующій всѣ во вѣкъ* (1 Кор. 12, 7.)? Кто все сотворилъ, и ни одно существо не пришло въ бытіе безъ Него? Кто есть Тотъ, въ Комъ все создано, и въ Комъ имѣютъ пребываніе всѣ существа? О Комъ *живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28.)? Кто имѣющій въ Себѣ все, что имѣетъ Отецъ? Ужели не узнаемъ еще по сказанному сущаго надъ всѣми Бога, такъ именуемаго

у Павла (Римл. 9, 5.), Господа нашего Иисуса Христа, Который, имѣя въ рукѣ все принадлежащее Отцу, какъ Самъ говорить, безъ сомнѣнія, много вмѣщающею Своею дланію объятъ все, и содержитъ объемлемое, и никто не возметъ изъ руки Его, содержащаго рукою все? Посему, если все имѣеть, а что имѣеть, то содержитъ; конечно, Содержащій все не иный Кто, какъ Вседержитель? Если же ересь скажетъ, что Отецъ содержитъ и Сына и Духа, то пусть сперва покажутъ, что Сынъ и Духъ Святойъ измѣняемаго естества, и тогда уже къ превратному приставляютъ Содержащаго, чтобы при помощи, подаваемой свыше, содержимое пребывало непреклоннымъ къ злу. Если же естество Божіе недоступно пороку, не превратно, не измѣнно, всегда одинаково; на что ему потребуется Содержащій? Оно по собственной силѣ Своей обладаетъ всею тварею, само же не имѣеть нужды въ содержащемъ по своей непревратности. Поэтому *о илени Христовѣ всяко колено поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 10.). Ибо не поклонилось бы, если бы не познало несомнѣнно, что Онъ содержитъ во спасеніе. Сказать еще, что Сынъ рожденъ по благодати Отца, не иное что значить, какъ представить Его равночестнымъ послѣдней изъ тварей. Ибо что не по благодати Сотворившаго пришло въ бытіе? Кому вмѣняется устрой-

ство естества человѣческаго: лукавой силѣ, или благодати Творца? кому рожденіе животныхъ, естество растений и прозябеній? Нѣтъ ничего такого, что имѣло бы свое бытіе не по благодати Сотворившаго. Посему что разумъ усматриваетъ во всѣхъ существахъ, то Евноміи по человѣколюбію уступаетъ Сыну. А что Сынъ не дѣлитъ съ Отцемъ сущность, или достоинство, или все сему подобное, что Евномій перечисляетъ шутя, отвергнуто уже нами въ словахъ объ Отцѣ, такъ какъ Евноміемъ брошено сіе ни къ чему и безъ мысли; потому что раздѣленія сущности не бываетъ и у насъ раждаемыхъ другъ отъ друга. Въ каждомъ, въ рожденномъ и въ родившемъ, мѣра сущности остается цѣлою; ни въ раждающемъ умаленія, ни въ раждаемомъ приращенія не пріемлетъ мѣра сущности. Раздѣленіе же достоинства, или царства, имѣющимъ все, что у Отца, не содержитъ въ себѣ никакой мысли, и служитъ только обличеніемъ нечестія. Поэтому излишнимъ будетъ дѣломъ до безмѣрности продолжать рѣчь, толкуя о подобномъ сему.

Поступимъ же къ послѣдующему за симъ. Евномій говоритъ: «прежде вѣковъ прославленнаго у Отца». Доказано ученіе истины, поддерживаемое свидѣтельствомъ враговъ. Ибо главизна нашей вѣры въ томъ, что Сынъ отъ вѣчности прославляется у Отца. А выраженіе: прежде вѣковъ, по понятію одно и тоже съ

словомъ: въ вѣчности; такъ пророчество толкуетъ намъ вѣчность Божию, когда говоритъ: *Сый прежде вѣкъ* (Пса. 54, 20.). Посему, если быть прежде вѣковъ значитъ быть внѣ всякаго начала; то усвоившій Сыну предвѣчную славу гораздо прежде засвидѣтельствовалъ этимъ о бытіи Его отъ вѣчности. Ибо прославляется, безъ сомнѣнія, не то, чего нѣтъ, но что существуетъ. Послѣ же сего Евномій полагаетъ себѣ сѣмена хулы на Духа Святаго, не для того, чтобы Сына прославить, но чтобы поругать Духа Святаго; ибо, намѣреваясь доказать, что Духъ Святой есть часть ангельской силы, прибавилъ это, сказавъ: «прославляемаго въ вѣкъ Духомъ и всякою разумною и рожденною сущностию»; такъ что у Духа Святаго нѣтъ никакой разности со всѣмъ сотвореннымъ, если только Духъ Святой такъ прославляетъ Господа, какъ и все иное, перечисляемое пророкомъ: *Ангели, силы, небеса небесъ, премірная вода, все, что отъ земли, змѣе, бездны, огонь, градъ, снѣгъ, золото, духъ буренъ, горы и вси холми, древа плодоносная и вси кедри, звѣрие и вси скоти, гади и птицы пернаты* (Пса. 148, 2. 5. 7—10.). Посему, если Евномій говоритъ, что съ сими славить Господа и Духъ Святой, то богоборный языкъ утверждаетъ, что и Онъ, безъ сомнѣнія, въ томъ же состоитъ числѣ.

А что приложено далѣе безъ связи съ

этимъ, о томъ, разсуждаю, не должно (что и хорошо будетъ) и распространяться, не потому, что сіе ни въ чемъ не укоризнено, но потому что можетъ быть читаемо и благочестивыми, если только не будетъ сопряжено съ злонамѣренными намеками. Ибо у Евномія, если и прилагается что относящееся къ благочестію, то все подобное сему предлагается простодушнымъ вмѣсто приманки, чтобы вмѣстѣ съ этимъ поглощена была и уда нечестія. Сказавъ нѣчто такое, что можно было бы сказать и принадлежащему къ церкви, присовокупляетъ онъ: «послушливъ въ созданіи и приведеніи въ бытіе существъ, послушливъ во всякомъ распоряженіи, не въ слѣдствіе послушанія воспріявъ то, чтобъ Ему быть Сыномъ Богомъ, но потому, что Сынъ, и родился единороднымъ Богомъ, содѣлавшись послушливымъ въ словахъ, послушливымъ въ дѣлахъ.» И кто изъ занимавшихся Божіимъ словомъ не знаетъ, когда сказано у великаго Павла, и притомъ однажды, о Сынѣ, что *послушливъ былъ*? Когда пришелъ исполнить крестную тайну, *истоцивъ Себе въ рабіемъ зракъ и смиривъ себе въ подобіи челоувчестльмъ, и образомъ обрътеса якоже челоувкъ въ смиренномъ естествѣ челоувческомъ*, тогда бываетъ *послушливъ* (Фил. 2, 7. 8), и наши воспріявъ на Себя немощи, наши понесши болѣзни, преслушаніе челоувческое врачуя собственнымъ Своимъ

послушаніемъ , чтобы Его язвою исцѣлень
 былъ нашъ струнъ, и собственною Своею
 смертію уничтожить Ему общую смерть чело-
 вѣковъ; тогда ради насъ бываетъ послушливъ,
 какъ по домостроительству о насъ содѣлался
ирѣхомъ (2 Кор. 5, 21.) и *клятвою* (Гал. 3,
 13.), не по естеству будучи этимъ, но дѣлаясь
 по чловѣколюбію. Но изъ какого Писанія
 Евномій узчалъ этотъ списокъ послушаній?
 Вопреки сему все богодухновенное Писаніе
 приписываетъ Ему полную и самодержавную
 власть, говоря: *Той рече, и быша: Той повель, и*
создашася (Иса. 146, 5.). Ибо явно, что про-
 рокъ говоритъ это о Носящемъ *всяческая ма-*
голомъ силы Своя (Евр. 1, 9.), Котораго власть
 единымъ движеніемъ воли создала всякую сущ-
 ность, всякое естество, все умопредставляемое
 и видимое въ твари. Поэтому чѣмъ подвигну-
 тый Евномій Царю твари въ тысячи видахъ
 жалуется послушаніе, называя послушливымъ
 во всякомъ созданіи, послушливымъ во вся-
 комъ распоряженіи, послушливымъ въ словахъ
 и дѣлахъ; хотя таково положеніе извѣстное
 всякому: послушливымъ другому въ словахъ
 и дѣлахъ бываетъ тотъ одинъ, кто не при-
 обрѣлъ еще себѣ навыка соблюдать въ дѣлахъ
 точность и въ словахъ непогрѣшительность,
 но, смотря на своего учителя и руководителя,
 по его урокамъ учится точности въ словахъ
 и дѣлахъ. Но думать, что Премудрость имѣеть

нужду въ приставникѣ и учителѣ, который бы въ соблюденіи порядка или справедливости направлялъ ее, къ чему должно, свойственно Евноміевой только сообразительности. И объ Отцѣ онъ говоритъ, что вѣренъ въ словахъ и вѣренъ въ дѣлахъ; Сыну же не приписалъ вѣрности въ дѣлаемомъ и сказуемомъ, но опредѣлилъ быть Ему послушливымъ, а не вѣрнымъ въ словахъ, чтобы во всемъ, что говоритъ, хула на Сына была равная. Странность же и невразумительность вставленныхъ между симъ реченій прилично, можетъ быть, прейти молчаніемъ, чтобы кто по неосмотрительности не сталъ смѣяться пустословію, когда плакать должно о гибели самыхъ душъ, а не смѣяться странности словъ. Ибо мудрый и осмотрительный этотъ учитель говоритъ: «не въ слѣдствіе послушанія воспріемлетъ онъ, чтобъ быть ему Сыномъ.» Какая тонкость ума! Какъ необходимо было сказать намъ объ этомъ опредѣленно! Не прежде сталъ Онъ послушливымъ, а потомъ и Сыномъ, не надобно думать, что послушливость старше Его рожденія. А если бы Евномій не опредѣлилъ намъ этого напередъ, кто былъ бы столько глупъ и простъ, что подумалъ бы, будто и рожденіе въ награду за послушаніе дано Отцемъ Ему, до рожденія еще показавшему благопокорность и послушливость? Но чтобы неразуміемъ сказаннаго не былъ кто тотчасъ же вовлеченъ въ смѣхъ,

пусть размыслить, что въ этой странной рѣчи есть нѣчто и достойное слезъ. Ибо Евномію угодно привести этимъ къ такой мысли, будто бы послушаніе—естество Сына, такъ что, если бы и хотѣлъ, не можетъ сдѣлаться непослушнымъ.

12. Ибо такимъ уготованъ Сынъ, говоритъ Евномій, «чтобы естество Его было способно только къ послушанію»: какъ и орудіе, получившее наружный видъ для какаго нибудь изображенія, по необходимости на веществѣ, подлежащемъ его дѣйствию, изображаетъ этотъ видъ, какой при уготовленіи орудія придалъ ему мѣдникъ, но невозможно ему на приѣмлющемъ слѣдъ его веществѣ или произвести прямую черту, если дѣйствование его будетъ по окружности, или показать въ изображеніи кругъ, если наружный видъ орудія пригоденъ для изображенія прямой черты. Но сколько хульнаго въ этой мысли, надобно ли открывать въ нашемъ словѣ, когда еретическое слово само вопіеть о нелѣпости? Если послушливъ потому, что такимъ рожденъ, то, безъ сомнѣнія, не равняется и съ естествомъ человѣческимъ. У насъ душа свободна, и не имѣетъ надъ собою властелина, самовластно на свободѣ избирая вождѣваемое. А связанный необходимостію естества всегда дѣйствуетъ изъ послушанія, лучше же сказать, страдаетъ отъ послушанія; потому что, если бы и не хотѣлъ

сего сдѣлать, не дозволяетъ естество. Въ слѣдствіе того, что Сынъ, и родился такъ, сталъ Онъ послушливымъ въ словахъ, и послушливымъ въ дѣлахъ. Какое малосмысленное ученіе! Слову послушнымъ дѣлаешь Слово, и прежде сущаго Слова примышляешь иныя Слова, и въ началѣ сущему Слову посредникомъ служить другое Слово, сообщающее Ему изволеніе начала. И не одно Слово сіе, напротивъ того многія нѣкія Слова, вставленныя Евноміемъ среди начала и Слова и въ угодность себѣ пользующіяся послушливостію Его. Но какая надобность тратить время надъ этою пустотою сказаннаго Евноміемъ? Ибо всякому явно, что, когда Павелъ сказалъ о Сынѣ, что содѣлался послушливъ, слово: содѣлался употребилъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и говоря о Немъ, что ради насъ сталъ плотію и рабомъ, клятвою и грѣхомъ, и что тогда Господь славы, *о срамнотѣ* нерадившій (Евр. 12, 2.) и пріявшій страданіе плотію (1 Петр. 4, 1.), не лишилъ Себя полновластія, говоря: *разорите церковь сію, и трети денми воздвину ю* (Іоан. 2, 19.); и еще: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене: область и намъ положить ю, и область и намъ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18.). И когда въ ночь предъ страданіемъ приближались къ Нему вооруженные мечами и дрекольми, всѣхъ ихъ обратилъ *вспять*, сказавъ: *Азъ есмь* (Іоан. 18, 6.). И еще когда разбойникъ просилъ по-

мянуть его, показалъ власть Свою надъ всѣмъ словами: *днесь со Мною будещи въ рай* (Лук. 23, 43.). Посему, если во время страданія не слагаетъ съ Себя власти, когда же ересь видѣть Царя славы подвластнымъ? Да и что это за многообразное ходатайство, которое провозглашаетъ въ Богѣ, называя ходатаемъ въ ученіяхъ, ходатаемъ въ законѣ? Не этому обучены мы высокимъ словомъ апостола, который говоритъ, что *законъ заповѣдей учении упразднилъ* (Еф. 2, 15.), Онъ есть Ходатай Бога и человѣковъ. Сказавъ это изреченіе: *единъ есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и человѣковъ, человекъ Христосъ Иисусъ* (1 Тим. 2, 5.), апостоль открылъ здѣсь намъ всю цѣль таинства, заключивъ ее въ словѣ: ходатай. А цѣль слѣдующая: человѣчество по злобѣ сопротивника стало нѣкогда отступникомъ, поработившись грѣху, и содѣлавшись чуждымъ дѣйствительной жизни. Послѣ сего снова призываетъ къ Себѣ тварь Свою Господь твари, и дѣлается человѣкомъ будучи вмѣстѣ Богомъ, и Богомъ будучи всецѣло, и человѣкомъ дѣлаясь всецѣло; и такимъ образомъ человѣчество срастворено было Богомъ, когда совершилъ ходатайство человекъ во Христѣ, въ Которомъ отъ воспринятаго у насъ начатка все смѣшеніе срастворилось силою. Посему, такъ какъ Ходатай не возможенъ при одномъ, а Богъ одинъ, и нераздѣленъ въ Лицахъ, о Которыхъ предано

намъ вѣрою, ибо одно Божество въ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ; то Ходатаемъ Бога и человѣковъ однажды на всегда дѣлается Господь, Собою сопрягая человѣка съ Божествомъ. Но и понятіемъ о Ходатаѣ научены мы благочестивому ученію вѣры. Ибо Ходатай Бога и человѣковъ, какъ вступилъ въ общеніе съ естествомъ человѣческимъ, содѣлавшись не мнимымъ, но дѣйствительнымъ человѣкомъ, такъ, и будучи истиннымъ Богомъ, не однимъ именованіемъ только почтенъ Божества, какъ это угодно Евномію.

А что прилагаетъ онъ къ сказанному, то отличается тѣмъ же скудоуміемъ, вѣрнѣе же сказать, злоуміемъ. Ибо, назвавъ Сыномъ Того, о Комъ въ сказанномъ не задолго передъ тѣмъ ясно утверждалъ, что Онъ сотворенъ, и наименовавъ едиnorodнымъ Богомъ, Кого причислялъ къ прочимъ посредствомъ творенія приведеннымъ въ бытіе, сказалъ, что Онъ «одинъ подобенъ Родшему преимущественнымъ подобіемъ въ особомъ смыслѣ сего слова». Посему надлежитъ сперва разобрать значеніе слова: подобный, въ какихъ случаяхъ употребляется оно по обычаю не точно; а потомъ уже приступить къ изслѣдованію предложеннаго. Ибо вопервыхъ всѣ тѣ вещи, которыя обманываютъ наши чувства, не по природѣ будучи между собою тѣми же, но отъ чего нибудь сопровождающаго, разумѣю очер-

таніе, цвѣтъ, звукъ, и все, что вкусомъ, обоняніемъ, прикосновеніемъ приводитъ къ ложному заключенію, хотя иное онѣ по природѣ, но не такими почитаются, каковы онѣ по природѣ,—всѣ эти вещи обычай называетъ подобными. Напримѣръ, когда неодушевленному веществу придано подобіе живаго существа искусствомъ, рѣзбою, живописью, лѣплениемъ; подражаніе называется подобнымъ первообразу. Ибо здѣсь иное естество животнаго, а иное у того, что обманываетъ зрѣніе однимъ цвѣтомъ и очертаніемъ. Того же рода подобіе имѣетъ изображеніе въ зеркалѣ, которое представляетъ ясныя черты первообразнаго вида, не будучи однако по естеству тѣмъ, что есть первообразъ. Такъ же и слухъ можетъ въ равной мѣрѣ подвергнуться этому, когда кто, собственнымъ своимъ голосомъ подражая пѣнію соловья, увѣритъ слухъ въ томъ, что слушаетъ онъ птицу. Въ подобное же обольщеніе впадаетъ и вкусъ, когда сокъ изъ винныхъ ягодъ представляется имѣющимъ пріятность меда, потому что въ сокѣ этого плода есть нѣкоторое сходство съ сладостію меда. Такъ иногда и обонянію можно обмануться подобіемъ, когда запахъ травы ромашки, сходный съ благоуханіемъ самаго благовоннаго яблока, обманываетъ чувство. А такимъ же образомъ въ разныхъ случаяхъ подобіе и для осязанія ложно показываетъ истину. Ибо серебряная

или мѣдная монета, равная съ золотою по величинѣ, и по вѣсу имѣющая съ нею сходство, признается за золотую, потому что зрѣніе не разбираетъ истины.

Сіе сказано вообще въ краткихъ словахъ о случаяхъ, въ которыхъ производится въ чувствилищахъ ложное представленіе по какому нибудь подобію, и вещь признается чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, что она въ дѣйствительности. Но по тщательнѣйшемъ изслѣдованіи можно распространить слово и на такія вещи, которыя разнородны между собою, но по чему нибудь сопровождающему ихъ почитаются одна другой подобными. Ужели же Евномій такой родъ подобія приписываетъ Сыну? Но не дойдетъ онъ до такой мѣры туоумія, чтобы видѣть обманчивое подобіе въ истинѣ. Еще иному подобію научены мы въ богодухновенномъ Писаніи Изрекшимъ: *сотворилъ чело-вѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Но не думаю, чтобы Евномій сей родъ подобія видѣлъ въ Сынѣ и Отцѣ, и тѣмъ еди-нороднаго Бога признавалъ за одно и тоже съ челоуѣкомъ. Знаемъ и другой родъ подобія, какой Писаніе въ книгѣ міробыгія приписываетъ Снѣу, а именно, что Адамъ *роди Снѣа по виду своему, и по подобію* (Быт. 5, 3.): и если бы о семъ подобіи говорилъ Евномій, не отринулъ бы слова сего и мы: потому что здѣсь и естество другъ другу уподобляемыхъ

не разное, и отличительное ихъ свойство и видъ имѣють между собою общеніе. Сіе-то и подобное сему уразумѣли мы касательно разностей подобнаго. Посему посмотримъ, что имѣя въ виду, Евномій свидѣтельствуеть о преимущественномъ ономъ подобіи Сына Отцу, говоря: «одинакъ подобенъ Родшему преимущественнымъ подобіемъ, въ особомъ смыслѣ, не какъ Отець Отцу; потому что не два Отца». Обѣщавшись показать преимущественное подобіе Сына Отцу, доказываетъ въ словѣ, что не надлежитъ представлять Его себѣ подобнымъ. Ибо сказавъ, что уподобляется не какъ Отець Отцу, этимъ словомъ привелъ къ мысли, что не уподобляется. И еще присовокупляетъ: «и не какъ нерожденный нерожденному», и симъ воспрещаетъ думать о подобіи Сына Отцу. Потомъ прибавляя: «ни какъ Сынъ Сыну», представилъ третіе понятіе, въ слѣдствіе котораго вовсе устраняется мысль о подобіи. Итакъ Евномій слѣдуетъ собственнымъ своимъ законамъ, доказательствомъ подобія дѣлая показаніе неподобія. Однако же изслѣдуемъ его мудрость и простоту, какую высказываетъ въ опредѣленіяхъ. Ибо сказавъ, что Сынъ подобенъ Отцу, обезопасиваетъ слухъ, и прибавляетъ: не должно думать, что Сынъ уподобляется, какъ Отець Отцу. Кто же изъ людей столько малосмысленъ, что, дознавъ о подобіи Сына Отцу, увлечется помыслами

къ подобію Отца Отцу? «Ни какъ Сынъ Сыну», продолжаютъ Евномій. Опять въ опредѣленіи—равной мѣры тонкость. Сказавъ, что Сынъ подобенъ Отцу, опредѣляетъ при семъ, что не долженъ быть подобнымъ, какъ другому Сыну. Вотъ тайны досточтимыхъ ученій Евномія, отъ которыхъ ученики его дѣлаются премудрѣйшими другихъ, дознавъ, что Сынъ, уподобившись Отцу, не уподобляется Сыну, потому что Сынъ не Отецъ, и не уподобляется, какъ нерожденному нерожденный, потому что Сынъ не нерожденный! А наше таинство, когда нарекаетъ Отца, безъ сомнѣнія, повѣлываетъ разумѣть Сыновяго Отца, и когда именуетъ Сына, учить представлять себѣ Отца-ва Сына. И до нынѣ не имѣли мы никакой нужды въ этой излишней мудрости, чтобы въ Отцѣ и Сынѣ предполагать двоихъ Отцевъ и двоихъ Сыновъ, двоицу Нерожденныхъ.

Но къ чему у Евномія клонится великая тщательность о Нерожденномъ, многократно уже было сіе открываемо, да и теперь еще кратко будетъ о семъ сказано. Поелику значеніе слова: Отецъ не показываетъ никакой по естеству разности съ Сыномъ; то, если бы на семъ остановилось слово, не возымѣло бы силы вечестіе, потому что естественный смыслъ именъ не допускаетъ отчужденія въ сущности. Но теперь, говоря: нерожденное и рожденное, посліку между сими именами есть

непосредственная противоположность, какъ между реченіями: смертный и бессмертный, словесные и бессловесные, и между всѣми, подобнымъ сему образомъ произносимыми, которыя по противоположности означаемого ими одному другому противопоставляются, Евномій сими именами проложилъ путь хулѣ, чтобы въ отношеніи рожденнаго къ нерожденному усматривать разность смертнаго съ бессмертнымъ; и какъ иное естество у смертнаго, и иное у бессмертнаго, и существенныя свойства словеснаго и бессловеснаго не согласны, такъ Евномію угодно доказать, что иное естество нерожденнаго, а иное рожденнаго, чтобы, какъ бессловесное естество создано подручнымъ естеству словесному, такъ доказать, что рожденное по естественной необходимости подчинено нерожденному. Потому съ именемъ: Нерожденный сочетается имя: Вседержитель, подъ которымъ Евномій не разумѣетъ промыслительную дѣятельность, какъ предварительно показало сіе слово, но толкуетъ, что словомъ Вседержитель означается власть самоуправная, чтобы и Сына содѣлать частію и начальствующаго и подчиненнаго естества, вмѣстѣ со всѣми служащимъ Тому, Кто по своей самоуправной власти преобладаетъ равно надъ всѣми. И что, сіе имѣя въ виду, пользуется подобными различеніями слова, объясняется это изъ послѣдующаго. Ибо, сказавъ мудрыя эти

и обдуманная слова, что не уподобляется, ни какъ Отець Отцу, ни какъ Сынъ Сыну (хотя, безъ сомнѣнiя, никакой нѣтъ необходимости уподоблять Отца Отцу и Сына Сыну; ибо одинъ отецъ у эѳіоповъ, а другой у скиѳовъ, и у каждаго изъ нихъ есть сынъ, у эѳіопа черный, а у скиѳа бѣлый съ золотистыми волосами, и при всемъ этомъ, по той причинѣ, что каждый изъ нихъ отецъ, и скиѳъ не дѣлается чернымъ ради эѳіопа, и у эѳіопа не мѣняется тѣло на бѣлое ради скиѳа); сказавъ все это въ угодность себѣ, Евномій присовокупилъ: «подобенъ какъ Сынъ Отцу».

Поелику же такое положенiе показываетъ близость по естеству, какъ богодухновенное ученiе свидѣтельствуемъ о Сиѳѣ и объ Адамѣ; то преподаватель догматовъ, мало позаботившись о разумныхъ слушателяхъ, приложилъ пустое истолкованiе именованiя: Сынъ, опредѣливъ его образомъ и печатiю Вседержителевой дѣятельности. Ибо говорить: «Сынъ есть образъ и печать Вседержителевой дѣятельности». *Ильѳий уши слышати* (Матѳ. 11, 15.) пусть разсмотритъ сперва это самое: какая это печать дѣятельности? Ибо всякая дѣятельность умопредставляется въ трудящемся надъ обрабатываемымъ, по окончанiи же обрабатываемаго сама по себѣ не существуетъ; напри- мѣръ дѣятельность въ пути есть движенiе ногъ; по прекращенiи же сего движенiя нѣтъ уже и

дѣтельности, отдѣльно въ себѣ самой взятой. Такъ равно можно сказать и о всякомъ занятіи, что съ усиліемъ трудящагося надъ чѣмъ либо оканчивается и дѣтельность. А сама по себѣ не существуетъ она, когда какой либо дѣйствующій или не предположить себѣ употребить усиліе, или прекратить усиліе свое. Да и чѣмъ, по словамъ Евномія, будетъ сія дѣтельность, сама по себѣ взятая, не будучи ни сущностію, ни отличительнымъ свойствомъ, ни недѣлимымъ? Слѣдовательно Сына назвалъ онъ подобіемъ не осуществленнаго; а подобіе несуществующаго, конечно, и само не существуетъ. Вотъ странность пустыхъ ученій — вѣровать въ несуществующее! Ибо что подобно несуществующему, того, безъ сомнѣнія, нѣтъ. О, Павелъ, Іоаннъ и прочій ликъ евангелистовъ и апостоловъ! И противъ вашего слова иные вооружаютъ ядоносные языки свои! И противъ небесныхъ вашихъ громовъ возвыщаютъ свои лягушечьи голоса! И такъ что говоритъ сынъ громовъ? *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.). Что же слѣдующій за нимъ, этотъ другой, бывшій внутри небесныхъ святилищъ, посвященный въ неизглаголанная тайны въ раю? *Сый*, говоритъ онъ, *сіяніе славы и образъ вѣчности Его* (Евр. 1, 3.). Что же послѣ нихъ сказуетъ этотъ чревоушатель? «Печать дѣтельности Вседержителя», говоритъ онъ; третьимъ дѣлаетъ Его

по Отцѣ, при посредствѣ несуществующей оной дѣятельности, лучше же сказать, мнимымъ отпечатлѣніемъ несуществующаго. Печать есть дѣятельности—Сый въ началѣ, Богъ Слово, умопредставляемый въ вѣчности начала существъ, едиnorodный Богъ, *Сый въ лонѣ Отчи* (Юан. 1, 16.), *всяческая носяй глаголомъ силы Своя* (Евр. 1, 3.), Творецъ вѣковъ, изъ Него же всяческая (Римл. 11, 36.), и *Имже всяческая* (Евр. 2, 10.), *содержай кругъ земли* (Иса. 40, 22.), *объявшій небо пядію, измѣряющій горстію воду* (12), *объемлющій дланію всѣ существа, на высокихъ живый, и на смиренныя призираяй* (Пса. 112, 5. 6.), вѣрнѣе же сказать, *призрѣвшій*, чтобы подножіемъ своимъ содѣлать цѣлую вселенную, запечатлѣнную слѣдами Слова! Печать дѣятельности—образъ Божій! Слѣдовательно Богъ—дѣятельность, а не впостась; хотя Павелъ, толкуя сіе самое, говоритъ: *образъ, не дѣятельности, но впостаси* (Евр. 1, 3.). Или *сіяніе славы* есть печать дѣятельности Божіей? Какое нечестивое невѣжество! Какая же среда между Богомъ и вѣчнымъ образомъ? Что посредствуетъ между впостасію и ея образомъ? Что умопредставляется въ промежуткѣ славы и сіянія? Но при такихъ и столько многочисленныхъ свидѣтельствахъ, въ которыхъ величіе Владыки твари проповѣдуется увѣровавшими въ проповѣдь, что повѣствуетъ о Немъ этотъ

предтеча отступничества? что́ сказуеть онъ? «Какъ образъ, говорить, и печать всякой дѣятельности и силы Вседержителя». Почему же извращаетъ слова великаго Павла? Тотъ говоритъ, что *сила Божія* есть Сынъ (1 Кор. 1, 24.), а этотъ называетъ его печатію силы, а не силою.

И опять возвращаясь къ той же рѣчи, что́ присовокупляетъ къ сказанному? Называетъ «печатью дѣлъ и совѣтовъ Отца». Какимъ же дѣламъ Отца подобенъ Онъ? Безъ сомнѣнія Евномій укажетъ на міръ, и на все, что́ въ немъ. Но что все это—дѣла Единороднаго, засвидѣтельствовало Евангеліе. Посему, какимъ дѣламъ Отца угодился Онъ? Какихъ дѣлъ содѣлался печатію? И какое писаніе наименовало Его печатію Отчихъ дѣлъ? Но если кто уступитъ Евномію и это,—невозбранно сочинять слова, какія угодно, хотя Писаніе не соглашается на это; то пусть скажетъ, какія дѣла у Отца, отдѣльныя отъ совершенныхъ Сыномъ,—дѣла, которыхъ печатію, по сказанному Евноміемъ, содѣлался Сынъ? Дѣла Слова—все видимое и невидимое; въ видимомъ цѣлый міръ и все, что́ въ немъ; въ невидимомъ премірная тварь. Посему какія же Отчія дѣла остаются кромѣ видимыхъ и невидимыхъ, усматриваемыя сами по себѣ, которыхъ печатію, говоритъ онъ, содѣлался Сынъ? Или, можетъ быть, въ такой тѣснотѣ снова возвра-

тится къ зловонному изверженію ереси, и скажетъ, что Сынъ есть дѣло Отца? Посему какъ же Сынъ дѣлается печатію сихъ дѣлъ, Самъ будучи дѣломъ, какъ говоритъ Евномій? Уже ли одного и того же называетъ и дѣломъ и подобіемъ дѣла? Пусть будетъ уступлено это. Пусть скажетъ прочія дѣла, создателемъ которыхъ называетъ Отца, и которымъ уподобился Сынъ, если подъ печатію разумѣтъ Евномій подобіе. Какія же иныя слова Отчія зналъ онъ кромѣ Слова, всегда во Отцѣ сущаго, Которое именуется печатію, Слова въ собственномъ смыслѣ истинно и первоначально и сущаго и именуемаго Словомъ? Какіе же разумѣтъ Евномій совѣты, отдѣльные отъ Божіей премудрости, которымъ уподобляется Божія премудрость, дѣлаясь печатію совѣтовъ? Посмотрите на эту безъ разбора и безъ осмотрительности сложенную кучу словъ; къ какому ведетъ таинству Евномій, не зная, и что говоритъ, и о чемъ ведетъ рѣчь? Ибо имѣющій въ Себѣ всецѣлаго Отца, и всецѣло сущій во Отцѣ, какъ Слово, и Премудрость, и Сила, и Истина, и Образъ, и Сіяніе, Самъ во Отцѣ есть все, не дѣлаясь образомъ и печатію, и подобіемъ чего либо инаго, умопредставляемаго во Отцѣ прежде Него. Потомъ Евномій уступаетъ ему истребленіе при Ноѣ людей водою, одождженіе огня на Содомъ, справедливос наказаніе египтянъ, какъ нѣчто великое, усвоая сіе Содер-

жащему въ длани концы вселенной, Тому, въ Комъ, какъ говоритъ апостоль, *всяческая состоится* (Кол. 1, 17.); и какъ будто не зная, что все содержащему, ведущему и направляющему, куда Ему угодно, и что уже было, и что будетъ, два или три напоянутыя чуда не сдѣлають такого приращенія, какое умаленіе и какой ущербъ произведеть умолчаніе прочихъ чудесъ. Но если и умолчаны они будутъ, то достаточно одинаго Павлова слова, которое, объемля собою все, показываетъ сіе и говоритъ, что Онъ *надъ всми и чрезъ всхъ и во всхъ* (Еф. 4, 6.).

13. Потомъ Евномій говоритъ: «узаконяеть по повелѣнію вѣчнаго Бога». Кто этотъ вѣчный Богъ? И кто служацій Ему въ законоположеніи? Но всякому явно это, что чрезъ Моисея Богъ даетъ законъ пріемлющимъ его. Поелику же самъ Евномій признаеть, что Вѣщающій Моисею есть единородный Богъ: то почему настоящее его слово въ чинѣ Моисея поставляетъ вмѣсто него Владыку вселенной? А означаемое словомъ: вѣчный Богъ усвояеть одному Отцу, разностию съ Вѣчнымъ думая доказать, что Творецъ вѣковъ не вѣчный, а недавній единородный Богъ. Но забылъ, кажется мнѣ, этотъ любовѣдущій и памятливыій, что все это о себѣ самомъ говоритъ Павелъ, *возвѣщающая людямъ проповѣданіе благовѣствованія по повелѣнію Бога* (Римл. 14, 24. 25.). Посему

что апостолъ сказываетъ о себѣ, то Евномій не стыдится приписать Владыкѣ пророковъ и апостоловъ, чтобы Господа представить равночестнымъ Павлу, собственному Его рабу. И какая мнѣ надобность, обличая одно за другимъ подробно, вводить въ слово многое? О чемъ изъ написаннаго Евноміемъ читающій въ простотѣ подумаетъ, что говоритъ онъ согласно съ Писаніемъ; о томъ способный каждую мысль изслѣдовать съ разборомъ докажетъ, что все это нисколько не далеко отъ еретическаго злоухищренія. Ибо и принадлежащій къ церкви и еретикъ говорятъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Юан. 5, 22.); но тотъ и другіи не одинаково разумѣютъ сказанное: принадлежащій къ церкви подъ сими реченіями разумѣетъ власть надъ всѣмъ, а еретикъ доказываетъ ими недостаточность и подчиненность.

Но къ сказанному надлежитъ присовокупить то, изъ чего дѣлаютъ они какое-то основаніе нечестія, въ словѣ о домостроительствѣ опредѣляя, что не цѣлый человѣкъ спасенъ Господомъ, но половина человѣка, разумѣю тѣло. А цѣль таковаго злоухищренія надъ догматомъ у еретиковъ—показать, что унижительныя реченія, которыя Господь заимствуетъ отъ человѣчества, произошли, по видимому, отъ самаго Божества, и чрезъ это придать ббльшую силу хуль, подтверждаемой собствен-

нымъ признаніемъ Господа. Для сего-то Евномій говоритъ, что «въ послѣдніе дни Содѣлавшійся человѣкомъ, не изъ души и тѣла воспріялъ на Себя человѣка». А я, изслѣдовавъ все богодухновенное и святое Писаніе, не вижу, гдѣ было бы написано сіе изреченіе, что Сотворившій все, во время домостроительства о человѣкѣ, воспріялъ на Себя одну плоть безъ души. Посему по необходимости попытаюсь изобличить уготовляемое въ сей части нечестіе, имѣя въ виду цѣль нашего спасенія, отеческіе догматы и богодухновенныя изреченія. *Пріиде Господь възискати и спасти погибшаго* (Лук. 19, 10.); погибало же не тѣло, но гибъ всецѣлый человѣкъ, срастворенный душею. И если надлежитъ сказать слово справедливѣе, то прежде тѣла гнила душа; потому что преслушаніе есть грѣхъ произволенія, а не тѣла; произволеніе же, отъ котораго возымѣло начало все бѣдствіе естества, есть собственность души; какъ неложная Божія угроза свидѣтельствуеть, сказавъ: *въ онъже аще день* коснутся запрещеннаго, за вкушеніемъ безъ замедленія послѣдуетъ смерть (Быт. 2, 17.). Послѣнку же составъ человѣческой двоякъ; то смерть соотвѣтственно тому и другому производитъ лишеніе двоякой жизни, дѣйствующей въ умерщвляемомъ. И какъ есть смерть тѣлесная, угашеніе чувствилищъ и разложеніе стихій на сродное имъ; такъ, по сказанному, *душа со-*

грѣшающая, та умретъ (Иезек. 18, 20.). А грѣхъ есть отчужденіе отъ Бога, сей истинной и единственной жизни. Посему многія сотни лѣтъ по преслушаніи жилъ первозданный; но не солгалъ Богъ, сказавъ: *въ онъже аще день съесте, смертію умрете* (Быт. 2, 17.); ибо по причинѣ отчужденія его отъ дѣйствительной жизни, въ тотъ же самый день утвержденъ надъ нимъ смертный приговоръ, а послѣ сего въ послѣдствіи времени послѣдовала съ Адамомъ и тѣлесная смерть. Посему Пришедшій для того, чтобы взыскано и спасено было погибшее, что Пастырь въ притчѣ именуеть овцею, и находитъ погибшее, и воспріемлетъ на собственныя рамена цѣлую овцу, а не одну только кожу овцы (Лук. 15, 3. 4.), да *совершеннымъ содѣлаеть Божія челоуька* (2 Тим. 3, 17.), и по душѣ и по тѣлу введеннымъ въ единеніе съ Богомъ. И такимъ образомъ ничего въ естествѣ нашемъ не оставилъ не воспринятымъ *Искушенный по всяческимъ по подобію, разве грѣха* (Еф. 4, 15.). Но душа не грѣхъ, содѣлалась же пріемлющею грѣхъ по безразсудству. Посему освящаетъ ее Господь единеніемъ съ Собою, да *начаткомъ освятится все прильшеніе* (Римл. 11, 16.). Посему - то и Ангелъ, возвѣщая Іосифу о погибели враговъ Господнихъ, говорятъ: *изомроша ищущіи души Отроцате* (Матѣ. 2, 20.). И Господь сказуеть іудеямъ: *ищете Мене убити, челоуька, иже ис-*

тину вамъ глаголахъ (Іоан. 8, 40.); человекѣмъ же называется не тѣло человекѣское, но сложенное изъ того и другаго. И еще спрашиваетъ ихъ: *на Мя ли члнваетеся, яко всего чловкка здрава сотворихъ въ субботу* (Іоан. 7, 23.)? Понятіе же цѣлаго объяснилъ Господь въ другихъ Евангеліяхъ, спущенному съ одромъ на среду сказавъ: *оставляются грѣси* (Лук. 3, 20.), что есть исцѣленіе души, и: *востани и ходи* (23), что относится къ плоти. А въ Евангеліи отъ Іоанна, послѣ того какъ даруетъ здравіе тѣлу, и душу освободилъ отъ свойственной ей болѣзни, когда говоритъ: *здравъ еси: ктому не согрѣшай* (Іоан. 5, 14.), съ этого времени уврачеванный по тому и другому, разумѣю по душѣ и по тѣлу. Ибо такъ говоритъ и Павелъ: *да оба созиждетъ Собою во единая новаго чловкка* (Еф. 2, 15.). И такимъ образомъ во время страданія предрекаетъ Господь, что добровольно разлучаетъ душу Свою съ собственнымъ тѣломъ, говоря: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене: но Азъ полагаю о Себѣ. Область и мнѣз положити душу Мою, и область и мнѣз пакы пріяти ю* (Іоан. 10, 18.). Да и пророкъ Давидъ, по изъясненію великаго Петра, провидя о Христѣ, сказалъ: *яко не оставиши душу мою во адъ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Дѣян. 2, 20.); такъ апостоль Петръ протолковалъ изреченіе сіе: *яко не оставися душа Его во адъ,*

ни плоть *Ею видь истлѣнія* (31.); потому что Божество и до плоти и во плоти, и по страданіи, всегда одинаково, какъ неизмѣнно сущее и ввѣкъ пребывающее, чѣмъ бымо по естеству: а во время страданія естества человѣческаго привело въ исполненіе домостройство о насъ, разлучивъ на время душу съ тѣломъ, но не отдѣлившись ни отъ той, ни отъ другаго изъ принятаго Имъ однажды въ единеніе, и снова сочетавъ разлученное, чтобы всему человѣческому естеству дать возможность и начало къ воскресенію изъ мертвыхъ, да *тлѣнное все облечется въ нетлѣніе, и мертвенное въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53.); потому что начатокъ нашъ, единеніемъ съ Богомъ, претворенъ въ Божественное естество, какъ сказала Петръ, *яко Господа и Христа Ею Богъ сотворилъ есть, сею Исуса, Еюже вы распяте* (Дѣян. 2, 36.). И изъ святыхъ Евангелій можно заимствовать многое въ защищеніе такого догмата, а именно какъ Господь, человѣческимъ естествомъ во Христѣ *міръ примирятъ Себѣ* (2 Кор. 5, 19.), совершаемое Имъ людямъ благодѣяніе удѣлилъ душѣ и тѣлу, душою изволяя, и тѣломъ касаясь самага дѣла. Но излишнимъ будетъ, распространяясь о всемъ, производить безпорядокъ въ словѣ.

Но перейду къ дальнѣйшему, приложивъ къ сказанному еще слѣдующее: *разорите церковь сію, и трети деиши воздвигну ю* (Іоан. 2, 19.).

Какъ мы изъ души и тѣла составляемъ собою *церковь* Вселяющагося и Ходящаго въ насъ (2 Кор. 6, 16.): такъ Господь душу и тѣло, взятыя вмѣстѣ, именуеть церковью, разореніе которой означаетъ разрѣшеніе души отъ тѣла. Если же представляютъ изреченіе Евангелія: *Слово плоть бысть* (Иоан. 1, 14.), и тѣмъ, что не упомянуто о душѣ, думаютъ доказать, что плоть воспринята безъ души: то пусть дознаютъ, что святому Писанію обычно подъ частию разумѣть цѣлое. Ибо сказавшій: *къ Тебѣ всяка плоть придетъ* (Пса. 64, 3.), говоритъ не то, что плоть отрѣшенная отъ душъ предстанеть Судіѣ. И слыша въ исторіи объ *Иаковѣ въ седмидесяти и пяти душахъ* снисшедшемъ во *Египетъ* (Второзак. 10, 22), вмѣстѣ съ душами разумѣли мы и плоть. Такъ и Слово, ставъ плотію, воспріяло съ плотію всецѣлое естество человѣческое. Потому и алкать, и жаждасть, и приходитъ въ боязнь и въ страхъ, и вожделѣвать, и спать, и смущаться, и плакать, и быть во всякомъ подобномъ сему состояніи—имѣло въ Немъ мѣсто. Ибо ни Божество по собственному Своему естеству не допускаеть до Себя какаго либо подобнаго страданія, ни плоть сама по себѣ не бываетъ въ ономъ, если съ тѣломъ не сопряжена душа.

14. Вотъ наше слово о хулѣ на Сына; посмотримъ же, что говоритъ Евномій и о Свя-

томъ Духъ. «Послѣ сего», говоритъ онъ, «вѣруемъ въ Утѣшителя, Духа истинны». Но всѣмъ читающимъ, думаю, явно, что имѣя въ виду, въ словахъ о Сынѣ и Отцѣ извращаетъ изложеніе вѣры преданное Господомъ. Хотя несообразность сія обличена; однакоже и теперь попытаюсь въ немногихъ словахъ представить на видъ цѣль этого Евноміева злоухищренія. Какъ тамъ не назвалъ Отца, чтобы вѣчностію Отца не указать и на Сына, не именовалъ и Сына, чтобы этимъ реченіемъ не утвердить вмѣстѣ и свойства по естеству; такъ и теперь не говоритъ: Святой Духъ, чтобы симъ именемъ не исповѣдать величія Его славы и единства во всемъ съ Отцемъ и Сыномъ. Послику въ Писаніи Отцу и Сыну равно прилагается названіе и Духа и Святаго (*духъ есть Богъ* (Іоан. 4, 24.); и: *духъ предъ лицемъ нашимъ помянутый* (и) *Господь* (Плач. Іер. 4, 20.); и: *святъ Господь Богъ* (Лев. 20, 26.); и: *единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ*); то, чтобы въ слышащихъ о Святомъ Духѣ не произошло отъ этого какаго либо благочестиваго предположенія, пораждаемаго общностію славнаго сего названія съ именами Отца и Сына, Евномій для сего самаго, обольщая слухъ неразумныхъ, переначиваетъ реченія въ преданіи таинства изложенной Богомъ вѣры, какъ

(и) Христосъ.

бы въ слѣдъ за симъ пролагая путь нечестію въ ученіи о Духѣ Святомъ. Ибо если бы сказалъ: вѣруемъ въ Духа Святаго; духъ же есть Богъ: то обученный вѣдѣнію божественнаго подсказалъ бы: если надлежитъ вѣровать въ Духа Святаго, а Духомъ именуется Богъ; то Онъ не иное что по естеству, какъ то самое, что именуется въ собственномъ смыслѣ тѣми же именами. Ибо все то, что не ложно, и не по злоупотребленію, но въ собственномъ смыслѣ представляется подъ одними и тѣми же именами, по всей необходимости должно признавать однимъ и тѣмъ же естествомъ, означаемымъ одними и тѣми же именами. Посему-то, умолчавъ реченіе, узаконенное Господомъ въ изложеніи вѣры, говорить: «вѣруемъ въ Утѣшителя». А я дозналъ, что то же самое имя въ богодухновенномъ Писаніи есть общее Отца и Сына и Духа Святаго. Ибо Сынъ равно и Себя и Духа Святаго именуетъ Утѣшителемъ. Отецъ же тѣмъ самымъ, чѣмъ производитъ утѣшеніе, присвояетъ, безъ сомнѣнія, Себѣ имя Утѣшителя: ибо, совершая дѣло Утѣшителя, не отвергаетъ и имени принадлежащаго дѣлу. А Давидъ говоритъ Отцу: *яко Ты Господи помогъ ми и утѣшилъ мя еси* (Псѣ. 85, 17.); и великій апостолъ тоже излагаетъ объ Отцѣ, говоря: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, утѣшяяй насъ о всякой скорби нашей* (2 Кор. 1, 3. 4.). А Сына

Іоаннъ въ одномъ изъ соборныхъ посланій прямо именуеть *Ходатаемъ* (1 Іоан. 2, 1.) (о); и самъ Господь, когда, говоря о Духѣ, сказалъ, что *иного Утѣшителя* (Іоан. 14, 16.) пошлетъ намъ, безъ сомнѣнія, напередъ призналъ тѣмъ, что имя сіе принадлежитъ и Ему самому. По велику же значеніе слова: призывать въ помощь (*παρακαλεῖν*) двояко: одно—почтительными реченіями и положеніями тѣла приводитъ въ сострадательность того, въ комъ имѣемъ какую либо нужду, а другое—находить врачебное пособіе отъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій; то святое Писаніе свидѣтельствуетъ, что Божію естеству понятіе призваннаго на помощь (*παρακλητος*) въ каждомъ изъ сихъ значеній равно прилично. И Павелъ, то врачующую насъ силу Божію представляетъ намъ подъ видомъ утѣшенія, говоря: *утѣшаяй смиренныя, утѣши насъ пришествіемъ Титовымъ* (2 Кор. 7, 6.); то опять въ другомъ смыслѣ, пиша къ коринѣянамъ, говоритъ такъ: *по Христъ посолствуемъ, яко Богу молящу (παρακαλοῦντος) нами: молимъ по Христъ, примиритесь съ Богомъ* (5, 20.).

Послику же сіе дѣйствительно такъ; то какъ ни будешь о Духѣ разумѣть именованіе: Утѣшитель, въ томъ и другомъ значеніи, не от-

(о) Въ греческомъ *Παράκλητος*, слово означающее также: *Утѣшитель*.

ступишь отъ общенія съ Отцемъ и Сыномъ. Посему въ этомъ отношеніи Евномій, если бы и хотѣлось ему, не могъ умалить славу Святаго Духа, приписывая Ему то, что въ святомъ Писаніи присвоается Отцу и Сыну. Но назвавъ Духомъ истины, Евномій самъ, какъ думаю, хотѣлъ таковымъ реченіемъ выразить подчиненность Духа, потому что Христосъ есть истина, а Духа наименовалъ онъ духомъ истины, какъ бы сказалъ кто: Онъ достояніе истины и ея подчиненный, не зная того, что Богъ называется правдою, и однакоже не разумѣли мы Бога достояніемъ правды. Посему, услышавъ о Духѣ истины, съ симъ реченіемъ пріяли мы боголѣпное разумѣніе, руководясь къ лучшему присовокупленнымъ словомъ. Ибо Господь, сказавъ: Духъ истины, немедленно присовокупилъ: *уже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26.). А сего Господне слово не засвидѣтельствовало ни о чемъ умопредставляемомъ въ числѣ тварей: ни о *видимомъ*, ни о *невидимомъ*, ни о *престолахъ*, ни о *началахъ*, ни о *властяхъ*, ни о *исподствіяхъ* (Кол. 1, 16.), ни о другомъ какомъ *имени именуемомъ* и *во вѣщъ семъ* и *во врядущемъ* (Еф. 1, 21.). Посему чего непричастна вся тварь, то, какъ очевидно, непремѣнно составляетъ свойство и преимущество естества несозданнаго. А Евномій велить вѣровать въ «наставника благочестія». Посему пусть вѣруетъ въ Павла, Варнаву,

Тита, Силуана, Тимофея, и всѣхъ тѣхъ, которые путеваютъ насъ къ вѣрѣ. Ибо надлежитъ вѣровать, какъ въ Отца и Сына, такъ и въ наставляющихъ въ благочестіи; всѣ пророки, законодатели, патріархи, проповѣдники, евангелисты, апостолы, пастыри и учителя должны быть равно чествуемы, какъ и Святой Духъ, потому что содѣланы наставниками благочестія для жившихъ послѣ нихъ. «Получивъ бытіе», говоритъ Евномій о Духѣ, «отъ единого Бога чрезъ Единороднаго». Въ этихъ словахъ во едино сводится все нечестіе Евномія. Опять Отца именуетъ единымъ Богомъ, употребившимъ Единороднаго въ орудіе къ произведенію Духа. Какую же тѣнь подобной мысли нашедши въ Писаніи, отваживается говорить это? Отъ какаго начала по порядку довелъ онъ нечестіе до таковаго предѣла? Кто изъ евангелистовъ утверждаетъ сіе? Какій апостоль? Какій пророкъ? Совершенно вопреки сему все богодухновенное Писаніе, написанное по вдохновенію Духа, свидѣтельствуется о Божествѣ Духа. Такъ напримѣръ (ибо лучше доказать слово самими свидѣтельствами), пріявшіе *область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12.) свидѣлствуютъ о Божествѣ Духа: ибо кто не знаетъ изреченія Господня, что рожденные отъ Духа суть чада Божіи. Господь Духу Святому точными словами приписываетъ рожденіе чадъ Божіихъ, сказавъ: какъ *рожденное отъ*

плоти, плоть есть: такъ и рожденное отъ Духа, духъ есть (Іоан. 3, 6.). Всѣ же, которые родились отъ Духа, наречены чадами Божиими. Такъ и о Господѣ, Который дуновеніемъ даровалъ ученикамъ Духа Святаго, Іоаннъ говорить: *отъ исполненія Ею мы вси пріяхомъ* (Іоанн. 1, 16.); *въ Томъ же живетъ исполненіе Божества*, свидѣтельствуеъ великій Павелъ (Кол. 2, 9.). Да еще и чрезъ пророка Исаію о бывшемъ ему богоявленіи, когда видѣлъ онъ *сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Иса. 6, 1.), древнѣйшее преданіе сказуетъ, что видѣнный имъ есть Отецъ. Евангелистъ же Іоаннъ относитъ пророчество къ Господу, говоря о невѣровавшихъ іудеяхъ словами, изреченными о Господѣ у пророка: *сія рече Исаія, егда видѣ славу Ею, и глагола о Немъ* (Іоан. 12, 41.). А великій Павелъ сіе же самое слово приписалъ Святому Духу, во всенародной рѣчи, произнесенной имъ къ іудеямъ въ Римѣ, когда сказалъ: *добрь глагола о васъ Духъ Святый: слышомъ услышите, и не имате разумѣти* (Дѣян. 28, 25. 26.), изъ самаго святаго Писанія, какъ думаю, доказывая, что всякое божественное видѣніе, всякое богоявленіе, и всякое слово, отъ лица Божія произносимое, могутъ быть разумѣемы объ Отцѣ, и о Сынѣ, и о Святомъ Духѣ. Посему-то Давидъ сказалъ: *прогнѣваша Бога въ пустыни и раздражиша Ею въ земли безводнѣй* (Пса. 77, 40.

41), а апостоль къ Духу Святому относить учиненное израильтянами противъ Бога, такъ выразивъ сіе словомъ: *тѣмже, якоже глаголетъ Духъ Святый: не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ проиньваніи въ день искушенія въ пустыни: идѣже искушиша Мя отцы ваши* (Евр. 3, 7—9.), и все прочее, что пророчество относить къ Богу, приписуетъ лицу Святаго Духа. На основаніи же таковыхъ догматовъ толкуюшіе, что три у насъ Бога, должно быть, не научились еще и считать. Ибо если Сынъ и Отець не дѣлятся одинъ отъ другаго въ двойственное значеніе, потому что, по гласу Господа, Онъ и Отець едино (Іоан. 10, 30.), а не два, едино же и Духъ Святый: то почему по приложеніи къ единому дѣлится на число трехъ боговъ? Или не явно ли, безъ сомнѣнія, что никто не укоритъ насъ въ числѣ трехъ боговъ, не признавая сперва самъ въ собственномъ своемъ догматѣ двоицы боговъ? Одно Божество, прилагаемое къ двумъ, составляетъ троицу боговъ. А которые подъ именемъ Отца и Сына и Святаго Духа поклоняются единому Богу, тѣхъ касается ли обвиненіе въ признаніи трехъ боговъ?

Но повторимъ всю рѣчь Евномія. «Получивъ бытіе», говоритъ онъ и о Духѣ, «отъ единого Бога чрезъ Единороднаго». Посему въ чемъ же доказательство тому, что и Духъ есть одинъ изъ приведенныхъ въ бытіе Единород-

нымъ? Безъ сомнѣнія скажутъ: въ томъ, что *вся Тьмъ быша* (Іоан. 1, 3.), а въ словѣ: *вся Тьмъ быша*; но *быша*, какъ говоритъ Павелъ, *видимая и невидимая, престоли, власти, начала, господствія* (Кол. 1, 16.), силы, изъ сихъ же исчисленныхъ престолами и силами у Павла названы Херувимы, Серафимы; симъ ограничивается слово: *вся*.—А о Духѣ Святомъ, какъ высшемъ естества приведенныхъ въ бытіе существъ, въ семъ перечисленіи оныхъ Павелъ умолчалъ, не показывая намъ въ словахъ своихъ ни того, что приведенъ Онъ въ бытіе, ни того, что подчиненъ; а напротивъ того, какъ пророкъ именуетъ Духа Святаго *благимъ* (Пса. 142, 10.), *правымъ, владычимъ* (Пса. 50, 12. 14.), словомъ: *владычній* указуя на Его начальство, такъ и апостоль, утверждая, что Духъ *вся во всѣхъ дѣйствуетъ, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.), достоинству Его приписываетъ самодержавную власть. А Господь о свободной Его силѣ и дѣятельности объявляетъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, говоря: *Духъ, идъже хочетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8.). Посему какъ же Евномій утверждаетъ, что и Духъ есть одинъ изъ получившихъ бытіе отъ Сына, и осужденъ на вѣчное подчиненіе? «Однажды навсегда, говоритъ онъ, Духъ подчиненъ», не знаю, какимъ родомъ подчиненія связавъ владычественнаго и начальственнаго;

ибо такое реченіе въ святомъ Писаніи много имѣетъ значеній, и многоразлично понимается и употребляется. Ибо и о неразумномъ еществѣ пророкъ говорить, что оно *покорено* (Иса. 8, 7.), и тѣхъ, которые одолѣны на брани, подводитъ подъ то же именованіе (17, 4. 8.), и апостолъ рабамъ поставляетъ въ законъ *своимъ господемъ повиноватися* (Тит. 2, 9.), и предстоятелямъ во священствѣ повелѣваетъ *чада имѣть въ послушаніи* (1 Тим. 3, 4.), потому что производимое ими безчиніе, какъ и чадъ священника Илія, переходитъ на отцовъ. Да и покорность всѣхъ людей Богу, когда всѣ, соединившись другъ съ другомъ посредствомъ вѣры, дѣлаемся единымъ тѣломъ сущаго во всѣхъ Господа, апостолъ называетъ покорностію Сына Отцу (1 Кор. 15, 28.), потому что единодушно всѣми: небесными, земными и преисподними совершаемое поклоненіе Сыну переходитъ въ славу Отца, какъ говоритъ Павелъ, что Сыну *поклонится всяко колено небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филип. 2, 10. 11.). А что по совершеніи сего сущій во всѣхъ Сынъ покорностію всѣхъ, въ комъ есть Сынъ, Самъ покорится Отцу, сіе утверждаетъ великая мудрость Павлова. Посему какую однажды навсегда покорность назначаетъ Духу Евномій? Изъ сказанныхъ имъ напереді сего словъ

нельзя узнать, покорность ли неразумныхъ, или военноплѣнныхъ, или домочадцевъ, или цѣломудренныхъ чадъ, или спасаемыхъ за покорность; потому что покорность людей Богу есть спасеніе для покаяющихся, по слову пророка, въ которомъ сказано: *Богу повинется душа*, потому что за повиновеніе бываетъ *отъ Того спасеніе* (Пса. 61, 2.), такъ что повиновеніе есть предохранительное врачество отъ гибели. Посему, какъ лечебное искусство уважается больными, такъ и покорность имѣющими нужду во спасеніи. Духъ же Святыи всеоживотворяющій, въ какой жизни имѣеть нужду, чтобы покорностію приобрѣтать себѣ спасеніе? Итакъ, поелику Евномій не имѣеть ни одного божественнаго изреченія, на основаніи котораго могъ бы разглашать подобное сему о Духѣ, и въ слѣдствіе справедливыхъ умозаключеній дойти до этой хулы на Духа Святаго: то для имѣющихъ умъ будетъ явно, что онъ изъявляетъ предъ Духомъ ничѣмъ неоправдваемое нечестіе, не подтверждаемое какимъ либо свидѣтельствомъ Писанія, ни послѣдовательностію умозаключеній.

Присовокупляетъ къ сему Евномій: «ни по Отцѣ, ни со Отцемъ несочислимъ Духъ, потому что единъ и единственъ Отецъ, сый надъ всѣми Богъ; ни съ Сыномъ не сравнимъ, потому что Сынъ едиnorodенъ, не имѣеть ни одного

Ему сроднаго». А я, если бы Евномій присоединилъ къ слову только это, что Духъ Святый не Отецъ Сыну, призналъ бы напраснымъ дѣломъ останавливаться надъ тѣмъ, о чемъ никто не спорить, воспрещая думать о Духѣ, чего не подумаетъ даже никто изъ крайне неразумныхъ. Но поелику Евномій и тѣмъ, что несвойственно и не идетъ къ дѣлу, предприемлетъ утвердить нечестіе, и когда говоритъ, что Духъ Святый не Отецъ Единороднаго, думаетъ симъ доказать, что Духъ подчиненъ и подвластенъ: то посему въ обличеніе сего неразумія его привелъ я на память слова сн. Онъ думаетъ доказать подчиненность Духа Отцу тѣмъ, что Духъ не Отецъ Единороднаго. Какою необходимостію доказывается такая мысль, что, если не Отецъ, то безъ сомнѣнія, подчиненъ? Если бы доказано было, что слова: Отецъ, и самоуправный властитель, значать одно и то же, слѣдовало бы, умопредставляя въ Отцѣ самоуправство, сказать, что Духъ подчиненъ преимуществующему властію. Но если подъ словомъ Отецъ, разумѣется одно отношеніе къ Сыну, и симъ реченіемъ не привносится никакой мысли о самоуправствѣ и властительствѣ; то какъ изъ того, что Духъ не Отецъ Сыну, слѣдуетъ, что онъ подчиненъ? «Ни съ Сыномъ несравнимъ», говоритъ Евномій. А почему говоритъ онъ это? Подлинно «несравнимъ». Ибо непревратность, непремѣнное недопущеніе зла,

всегда одинаковое пребываніе въ добрѣ ничѣмъ не разнятся и въ Сынѣ и въ Духѣ: и нетлѣніе Духа равно чуждо тлѣнія, и благодать по естеству столько же удалена отъ противнаго ей, и совершенство во всякомъ добрѣ одинаково не имѣеть нужды въ большемъ.

Все же сіе говорить о Духѣ учить богодуховенное Писаніе, присвоая Духу названіе *благаго*, премудраго, *нетлѣннаго* (Прем. Сол. 12, 1.), безсмертнаго, и всякое высокое и боголѣпное о Немъ понятіе и имя. Если же ни въ чемъ тѣзъ сего не умамень Духъ; то въ чемъ вымѣряеть Евномій неравенство Сына и Духа? «Потому что, говорить онъ, Сынъ единороденъ, не имѣеть сроднаго Ему брата». Но о томъ, что Единороднаго не должно представлять имѣющимъ братьевъ, разсуждали мы въ словѣ о Перворожденномъ всея твари. Теперь же злонамѣренно вставленнаго въ слово Евноміемъ не слѣдуетъ проходить безъ изслѣдованія. Ибо церковный догматъ провозглашаетъ, что во Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ—одна сила, одна благодать, одна сущность, одна слава, таково же и все прочее, исключая разность вѣпостасей. А Евномій, когда хочеть сущность Единороднаго обобщить съ тварію, называетъ Его, по предвѣчному бытію, перворожденнымъ всей твари, симъ реченіемъ утверждая, что все умопредставляемое въ твари въ братскомъ родствѣ Господу;

потому что первородный перворожденъ, конечно, не среди инокровныхъ, но среди однородныхъ. Когда же отдѣляетъ Духа отъ союза съ Сыномъ, тогда называетъ Сына единокровнымъ, не имѣющимъ однороднаго брата, не для того чтобы представлять его не имѣющимъ братьевъ, но для того, чтобы доказать симъ о Духѣ, что по сущности чуждъ онъ Сыну. Какъ Духа Святаго не называть братомъ Сыну научены мы Писаніемъ; такъ нигдѣ не показано въ Божіемъ словѣ, что не должно называть Духа и однороднымъ съ Сыномъ. Если животворящая сила, каковая во Отцѣ и Сынѣ, по евангельскому слову, оказывается и въ Духѣ Святомъ (Іоан. 6, 63.); если нетлѣніе, непреходимость, недопущеніе до себя всякаго зла, благость, правота, владычественность, возможность дѣйствовать вся во всѣхъ, *якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.),—если все сему подобное одинаково можно видѣть въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ: то какъ при тождествѣ въ этомъ представить себѣ инокровность? Поэтому ученіе благочестія соглашается въ томъ, что у Единокровнаго не должно видѣть какого либо братства; а послѣдовательностію ученія ясно доказывается, что еретическому злоумію принадлежитъ мысль, будто бы не однородны Духъ съ Сыномъ, правый съ правымъ, благій съ благимъ, животворящій съ животворящимъ.

Посему въ чемъ же чрезъ это терпитъ ущербъ величіе Духа? Ибо ни одно изъ боголѣпныхъ понятій не можетъ произвести приувеличенія или умаленія. Поелику всѣ они въ святомъ Писаніи равно прилагаются къ Сыну и къ Духу: то въ чемъ Евномій видитъ неравенство? Не можетъ онъ сказать этого. Напротивъ того ничѣмъ не прикрытое, не складное, нисколько не связанное ученіе нечестія произноситъ о Святомъ Духѣ. «Ни съ кѣмъ другимъ», говоритъ Евномій, «не состоитъ Духъ въ одномъ чину: потому что всякое произведеніе, приведенное въ бытіе Сыномъ, превзошелъ происхожденіемъ, естествомъ, славою, вѣдѣніемъ, какъ первое и существенное, величайшее и прекраснѣйшее дѣло Единороднаго». Но другимъ предоставляю осмѣивать невѣжественность и грубость сего выраженія, признавая неприличнымъ для старческой сѣдины невѣжественныя реченія ставить въ укоръ нечестующему предъ достопокланяемымъ Словомъ, присовокуплю же къ изслѣдованію слѣдующее. Если Духъ превзошелъ всѣ произведенія Сына (употреблю это неправильное и малосмысленное реченіе еретика, лучше же сказать, яснѣе выражу мысль сію собственнымъ своимъ словомъ); если преимуществуетъ предъ всѣмъ, получившимъ бытіе отъ Сына: то Духъ Святый не можетъ быть поставляемъ въ одномъ чинѣ съ прочею тварію. И если, какъ гово-

ритъ Евномій, «преимуществовъ тѣмъ, что приведенъ въ бытіе прежде другихъ»; то совершенно необходимо признать ему и о другой твари, что предшествующее въ порядкѣ приведенія въ бытіе предпочтительнѣе послѣдующаго. Но устроеніе человѣка предварено естествомъ безсловесныхъ; слѣдовательно, Евномій, конечно, ведетъ симъ къ тому, что неразумная сущность предпочтительнѣе сущности разумной. Такъ и Каинъ, по Евноміеву ученію, окажется лучшимъ Авеля, по рожденію предупреждая временемъ. Такъ покажется и естество звѣздъ ниже и недостаточнѣе всѣхъ произрастеній земныхъ: потому что первыя произошли изъ земли въ третій день, а *свѣтила великая* и всѣ звѣзды, по сказанію Моисееву, сотворены въ день четвертый (Быт. 1, 16. 19.). Однакоже не будетъ никто столько неразуменъ, чтобы по старѣйшинству времени траву земную предпочесть чудесамъ небеснымъ, или Каину отдать верхъ предъ Авелемъ, или безсловеснымъ подчинить человѣка, сотвореннаго послѣ нихъ. Слѣдовательно никакого склада не имѣетъ то, что говоритъ Евномій, будто бы Духъ, потому что приведенъ въ бытіе прежде другихъ, имѣетъ естество, которое предпочтительнѣе пришедшаго въ бытіе послѣ Него.

Но посмотримъ, что приноситъ въ даръ славѣ Духа отдѣлившій Его отъ общенія съ

Сыномъ. «И Онъ», говоритъ Евномій, «есть единый первый, единственный, по сущности и естественному достоинству преимуществующій предъ всѣми произведеніями Сына, всякое дѣйствіе и ученіе совершающій въ угодность Сыну, Имъ посылается, отъ Него пріемлетъ, возвѣщаетъ поучаемымъ, и возводитъ къ истинѣ». По словамъ Евномія, Духъ Святой «совершаетъ всякое дѣйствіе и ученіе». Какое дѣйствіе? То ли, которое, по слову Господа, производятъ Отецъ и Сынъ, *досель* содѣвающій спасеніе людей (Іоан. 5, 17.), или другое какое, кромѣ этого? Если производить одно и то же съ Сыномъ, то, конечно, имѣетъ одну и ту же съ Нимъ силу и то же естество, и инородное съ Богомъ не имѣетъ мѣста въ Духѣ. Какъ, если чтó производитъ свойственное огню, также свѣтя и грѣя, то сіе, конечно, есть огонь: такъ, если Духъ творитъ дѣла Отца, то симъ, безъ сомнѣнія, признается, что Онъ одного съ Отцемъ естества. Если же содѣваетъ Онъ что либо иное, а не спасеніе наше, и если оказываетъ дѣятельность на чемъ либо противоположномъ; то изъ сего будетъ явствовать, что инаго Онъ естества и иной сущности. Но само Слово свидѣтельствуетъ, что Духъ животворитъ подобно Отцу и Сыну. Слѣдовательно изъ тожества дѣйствій открывается, что Духъ, безъ сомнѣнія, по естеству не чуждъ Отцу и Сыну. И мы не споримъ,

что Духъ въ угодность Сыну совершаетъ дѣйствіе и ученіе Отца. Ибо одно общее естество свидѣтельствуемъ, что однохотѣніе у Отца и Сына и Святаго Духа. Посему, если Духъ Святой хочетъ того, что угодно Сыну; то общая воля ясно показываетъ единство сущности. Но Евномій говоритъ: «Имъ посылается, отъ Него пріемлетъ, возвѣщаетъ поучаемымъ, и возводитъ къ истинѣ». Если бы Евномій напередъ не сказалъ сего о Духѣ; то, конечно, слушатель подумалъ бы, что говорится это о какомъ либо учителѣ—человѣкѣ. Ибо посланнымъ быть значитъ то же, что идти съ порученіемъ, не имѣть ничего отъ себя, но получать по милости посылающаго, учащимся служить словомъ, заблуждающихся возводить къ истинѣ. Ибо и нынѣшнимъ пастырямъ и учителямъ свойственно все это: быть посылаемыми, принимать, возвѣщать, учить, внушать истину,—все, что Евномій уступаетъ въ даръ Духу Святому. Но сказавъ передъ этимъ: «я есть единый, первый, единственный, преимуществующій предъ всѣми», если бы остановилъ на семъ рѣчь; то показался бы защитникомъ догматовъ истины. Ибо дѣйствительно единый, неотлучно созерцаемый въ Единомъ, первый въ первомъ, единственный въ единственномъ. Какъ *духъ чловѣка*, который *въ немъ*, и самъ чловѣкъ суть одинъ чловѣкъ: *также и Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11.) -- Тотъ,

Который въ Богѣ, и самъ Богъ, единымъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть наименованъ Богомъ, и первымъ, и единственнымъ, такимъ, что не возможно его отдѣлить отъ Того, въ Комъ Онъ. Но теперь присовокупивъ: «преимуществоющій предъ всѣми произведеніями Сына», Евномій показалъ, что хульное его ученіе есть мутное извращеніе, въ которомъ Тому, Кто *идъже хочетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8.) и *вся во всѣхъ дѣйствуетъ* (1 Кор. 12, 6.), предоставляется предпочтеніе сравнительно съ прочими тварями.

Посмотримъ же, что и еще приложилъ къ этому: «освящаетъ святыхъ», продолжаетъ Евномій. Кто скажетъ это объ Отцѣ и Сынѣ, тотъ скажетъ истину. Ибо въ комъ бываетъ Святый, тѣхъ дѣлаетъ святыми, какъ и Благій дѣлаетъ благими. Но святъ и благъ, по доказанному, и Отецъ и Сынъ и Духъ Святый. «Тайноводствуетъ приступающихъ къ таинству», говоритъ еще Евномій. Это хорошо сказать объ Аполосѣ, *напаяющемъ* Павлово насажденіе (1 Кор. 3, 6.); потому что апостоль ученіемъ насаждаетъ, а Аполосъ напаяетъ, крестя таинственнымъ возрожденіемъ, оглашенныхъ Павломъ приводя къ таинству. Итакъ Евномій возводитъ Духа въ равночестіе съ Аполосомъ, какъ совершающаго людей крещеніемъ. «Удѣляетъ всякій даръ», говоритъ еще. Съ этимъ согласны и

мы: ибо все, что ни есть добраго, составляет часть даровъ Святаго Духа: «содѣйствуетъ вѣрнымъ», говоритъ далѣе, «къ обозрѣнію и уразумѣнію установленнаго». Но не присовокунивъ, къмъ установлено, сдѣлавъ онъ рѣчь сомнительною, признать ли ее правильною, или какою иною. Мы же сказанное небольшимъ добавленіемъ приблизимъ къ благочестію. По велику слово ли прелюдности, слово ли разума, сира ли (1 Кор. 12, 8. 9.), заступленіе ли, правленіе ли (28.), или другое что причисляется къ спасительному для насъ, *вся сія дѣйствуетъ единыи и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хочетъ*: то по сему не отвергаемъ слова сказаннаго Евноміемъ, что Духъ содѣйствуетъ вѣрнымъ въ обозрѣніи и уразумѣніи установленнаго самимъ Духомъ; потому что всѣ добрыя наставленія преподаны намъ Имъ. «Даетъ отголосокъ молящимся», присоединяетъ Евномій. Глупо было бы со тщаніемъ избличать смыслъ сего изреченія; потому что для всякаго само собою равно видно, какъ смѣшно и бессмысленно сіе выраженіе. Ибо кто столько разстроень въ умѣ и потерялъ смыслъ, чтобы сталъ онъ ждать отъ насъ, не научимъ ли, что Духъ Святой не звонокъ или не пустая бочка, которая голосомъ молящагося, какъ бы ударомъ какимъ, приводится въ содроганіе, и даетъ отголосокъ? «Путеводитъ къ полезному», говоритъ Евномій. Это и Отецъ и

Сынъ также дѣлаеть: ибо наставляеть на путь, *яко овца Иосифа* (Пса. 79, 2.), и: *наставилъ есть яко овцы люди Своя* (Пса. 76, 21.); и: *Духъ благий* наставляеть насъ на землю праву (Пса. 142, 10.). «Укрѣпляетъ», говорить, «для благочестія». Божиимъ дѣломъ называетъ Давидъ, — укрѣпляетъ человекъ въ благочестіи: ибо пророкъ говорить: *утвержденіе (κρατάωσις) мое и приближище мое еси Ты* (Пса. 30, 4.); и: *Господь утвержденіе людей Своихъ* (Пса. 27, 8.); и *Онъ силу и крѣпость людемъ Своимъ дастъ* (Пса. 28, 11.). Посему, если сказано это въ смыслѣ пророческомъ, то служить свидѣтельствомъ Божества Духа. Если же противно пророчеству, то симъ самымъ обвиняется хула, потому что вводитъ мысль противную святымъ пророкамъ. Потомъ Евномій говорить: «просвѣщаетъ души свѣтомъ вѣдѣнія». Этотъ благодатный даръ ученіемъ благочестія приписывается Отцу и Сыну и Святому Духу: ибо *Господь просвѣщеніемъ* именуется у Давида (Пса. 26, 1.); и отъ Него *свѣтъ вѣдѣнія* въ просвѣщаемыхъ (Ос. 10, 12.). А также и *очищеніе* помысловъ, какъ говорить слово Божіе, свойственно силѣ Господа: потому что *Онъ, сіяніе славы и образъ вѣчности, очищеніе грѣховъ нашихъ* сотворилъ (Евр. 1, 3.). «Изгнать демоновъ» Евномій называетъ свойственнымъ Духу; сіе и единородный Богъ, Который говорить демону: *Азъ ти повелѣваю* (Марк. 9,

25.), приписываетъ силѣ Духа, говоря: *аще ли Азъ о Душѣ Божіи изглаголюю бльемъ* (Матѣ. 12, 28.). По этому изложеніе демоновъ служитъ не униженіемъ славы Духа, но доказательствомъ Его Божественной и превысшей силы. «Врачуешь болящихъ», говоритъ еще Евномій, «исцѣляетъ недужныхъ, утѣшаетъ скорбящихъ, укрѣпляетъ ослабѣвшихъ, возстановляетъ въ силахъ утружденныхъ». Это изреченія о Святомъ Духѣ благочестивыхъ: ибо каждаго изъ сихъ дѣйствій никто не припишетъ никому иному кромѣ Бога. Посему если ересь утверждаетъ, что силою Духа совершается, чего никто не можетъ сдѣлать, какъ только одинъ Богъ; то, значитъ, и отъ враговъ имѣемъ свидѣтельство о томъ, что заботимся доказать. Почему у Бога пророкъ ищетъ изцѣленія, говоря: *помилуй мя, Господи, яко немоущиъ есмь: исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя* (Пса. 6, 3.)? Исаія говоритъ Богу: *роса, яже отъ Тебе, исцѣленіе имъ есть* (Иса. 26, 19.). И обращеніе заблуждающихся есть дѣло Божіе; о семъ свидѣтельствуется пророчество, ибо говоритъ: *заблудиша въ пустыни безводный* (Пса. 106, 4.), и присовокупило: *и настави я на путь правъ, внити во градъ обительный* (7.), и: *всегда возвратити Господу пльиъ Сионъ* (Пса. 125, 1.). А также и утѣшеніе скорбящихъ возводится къ Богу, потому что такъ говоритъ Павелъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа,*

утѣшай насъ о всякой скорби нашей (2 Кор. 1, 3. 4.), и пророкъ отъ лица Божія говоритъ: въ скорби призвалъ Мя еси, и обрѣлъ я Тебя (Пса. 80, 8.). А укрѣпленіе ослабѣвшихъ, на что тысячи способовъ показываесть Писаніе, состоитъ въ силѣ Господней: *отриновеи превратихся пасты, и Господь пріятъ мя* (Пса. 117, 13.); *и: егда падетъ, не разбѣтается: яко Господь подкрѣпляетъ руку ею* (Пса. 36, 24.); *и: Господь возводитъ низверженныя* (Пса. 145, 8.). И возстановленіе въ силахъ утружденныхъ приводитъ къ исповѣданію Божія человѣколюбія, если только Евномій замѣтилъ, чему научены мы пророчествомъ, какъ говоритъ слово Божіе: *положилъ еси скорби на хребтъ нашъ. Возвелъ еси чловѣки на главы наша: проидохоуъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пса. 65, 11. 12.).

Такъ доселѣ свидѣтельствомъ враговъ доказываесть величіе Духа. Но въ послѣдующемъ за симъ чистота благочестія снова оскверняется еретическою типою. Ибо Евномій говоритъ о Духѣ: «воскликаніями содѣйствуетъ подвизающимся». За это обвинить должно въ крайнемъ неразуміи и нечестіи. Ибо на поприщахъ иные назначаютъ подвиги намѣревающимся показать подвижническую крѣпость; иные, превосходя другихъ силою и искусствомъ, состязуются о побѣдѣ, вступая во взаимныя борьбы другъ съ другомъ; про-

чіе же, раздѣляясь между собою своими чувствами къ борцамъ, во время борьбы, сколько у каждаго есть усердія и расположенія къ кому либо изъ подвижниковъ, восклицаніями дають ему знать, чтобы или предусматриваль вредъ, или припоминаль употребляемыя въ борьбѣ хитрости, или искусно сохраняль себя отъ паденія. Посему уразумѣйте изъ сказаннаго, въ какой разрядъ Духа Святаго поставилъ Евномій? На поприщахъ, гдѣ одни распоряжаются подвигами, другіе оцѣнивають законную борьбу, иные борются, а иные восклицаніями сопровождаютъ борющихся, послѣдніе признаются гораздо низшими борющихся. Евномій смотритъ на Духа Святаго, какъ на одного изъ толпы зрителей, или какъ на кого либо изъ прислуживающихъ подвижникамъ. Онъ ни подвигами не распоряжается, ни побѣды не оцѣниваетъ, ни съ противникомъ не борется, да и восклицаніями нисколько не содѣйствуетъ побѣдѣ; потому что не раздѣляетъ подвига, не придаетъ силъ на это самое, а только хочется Ему, чтобы тотъ, о комъ Онъ заботится, не оказался вторымъ изъ противниковъ. И у Павла борьба *къ началомъ, и ко властемъ, и къ мїродержителемъ тмы, и къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12.). А *Духъ силы* (2 Тим. 1, 7.) не укрѣпляетъ подвижниковъ, не раздастъ подвижникамъ дарованій, *раздѣляя властію коелуждо,*

яко же хоцетъ (1 Кор. 12, 11.), но имѣть только силу вступившихъ въ борьбу сопровождать восклицаніями.

Говорить Евномій еще: «придаетъ смѣлость трепещущимъ отъ страха». Но хотя еретикъ въ словѣ своемъ продолжаетъ предыдущую хулу на Духа, однакоже и въ устахъ врага обнаруживается истина. Ибо придавать смѣлость боящимся не иному кому свойственно, какъ единому Богу, Который говоритъ боящемуся: *не бойся, съ тобою есмь* (Иса. 41, 10.); нимаго не приходи въ робость, какъ говоритъ пророкъ о себѣ: *аще бо пойду посредь сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пса. 22, 4.). Да и Самъ Владыка говоритъ боящимся: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ* (Іоан. 14, 27.), и: *что́ страшливи есте мало-вѣри* (Матѳ. 8, 26.)? и: *держайте, Азъ есмь, не бойтесь* (Марк. 6, 50.); и еще: *держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33.). Посему и противъ воли Евномія самымъ вражескимъ словомъ его даетъ о себѣ знать благочестіе. Но съ предыдущимъ Евноміевымъ словомъ согласно и послѣдующее. Еретикъ говоритъ: «о всемъ печется, прилагаетъ всю заботу и промышленіе». Имѣть о всемъ заботу и попеченіе по истинѣ свойственно единому Богу; потому что такъ говоритъ о семъ великій Давидъ: *азъ нищъ есмь и убогъ, Господь попечется о мнѣ* (Пса. 39, 18.). Если же прочее у Евно-

мія безъ смысла производить только шумъ пустыми реченіями; то пусть никто не винить его, видя безсильнымъ и невѣжественнымъ въ большей части всякаго благоразумнаго понятія. Ибо что разумѣя, говоритъ онъ: «къ приведенію благосмысленнѣйшихъ и охраненію болѣе вѣрующихъ», этого ни самъ онъ не скажетъ, не скажутъ и тѣ, которые неразумно дивятся словамъ его. О Христѣ Іисусѣ, Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

1. Третія сія книга показываеь третіе паденіе Евномія, такъ какъ онъ самъ себя обличаетъ, и иногда говоритъ, что Единороднаго, какъ по естеству рожденнаго, должно именовать Сыномъ, что, прибавляетъ онъ, свыше изъявлено святымъ Писаніемъ, а иногда утверждаетъ, что Его, потому что сотворень, называть должно не Сыномъ, но тварію.

2. Потомъ прекрасно, складно и стройно изслѣдовавъ, снова излагаетъ изреченіе: *Господь созда мя* (Прит. 8, 22.).

3. Послѣ сего примѣрами, взятыми съ Адама, Авеля и другихъ, доказываетъ, что не чужды по сущности рожденный и перожденный.

4. А такимъ образомъ даетъ видѣть единство вѣчнаго съ Отцемъ, тожество сущности, общее

естество, при чемъ излагаетъ естествословіе о рожденіи вина, и говоритъ, что при названіи Единороднаго слова: сынъ и порожденіе имѣютъ родственную близость.

5. При семъ представляетъ непостижимость Божіей сущности, и толкуетъ сказанное самарянкѣ: *вы кланяетесь, его же не вѣсте* (Іоан. 4, 22.).

6. А послѣ сего объясняетъ названія: сынъ и порожденіе, также показываетъ множество разностей между сынами Божіими, человѣческими, овними, и еще сынами погибели, свѣта, дня.

7. При этомъ объяснивъ Божескія и человѣческія наименованія Единороднаго, изслѣдовавъ слова: рожденный и нерожденный, заключаетъ симъ слово.

1. Для подвизающагося законно тотъ конецъ подвижническихъ трудовъ, что сопротивникъ или, совершенно отказавшись отъ трудовъ, добровольно уступаетъ побѣду одержавшему верхъ, или, согласно съ подвижническимъ закономъ, тоекратно повергается на землю, послѣ чего по суду цѣнителей съ торжественнымъ провозглашеніемъ при вѣнцѣ воздается побѣдившему слава. Итакъ, поелику Евномій, дважды уже низложенный въ предшествующихъ кни-

гахъ, не дозволяетъ еще истинѣ воспользоваться плодами побѣды надъ ложью, но и въ третій еще разъ на обычномъ поприщѣ лжи возметаетъ пыль словопренія противъ благочестія, напрягая силы свои устоять въ обманѣ; то по необходимости и нынѣ къ низложенію лжи противопоставляемъ ей слово истины, на самаго Побѣдодавца и Подвигоположника возложивъ надежду побѣдить, и вмѣстѣ почерпая силы въ невѣрныхъ приемахъ борьбы у противника. Ибо безъ стыда признаемся, что къ борьбѣ сей не приготовлено нами ни одного слова изощреннаго риторическимъ искусствомъ, къ преодоленію сдѣланныхъ возраженій не употреблено никакихъ ухищреній діалектической тонкости, которыми неопытные бываютъ нерѣдко заставлены и въ истинѣ подозрѣвать ложь. Напротивъ того въ словѣ, которое у насъ, одна сила стоять противъ лжи. Во первыхъ само истинное Слово, сила нашего слова, повелѣваетъ, чтобы сперва происходило обученіе, но обученіе мудрое, слѣдующее за предварительнымъ обученіемъ, а потомъ имѣло мѣсто наставленіе заимствованное изъ притчи. Ибо говоритъ Писаніе, что притчи суть *слова мудрости*, открывающія цѣль *извѣтій* (Прит. 1, 2. 3.); потому что не прямо разумѣемое для уразумѣнія сокровеннаго имѣетъ нужду въ нѣкоторомъ извѣтіи. И какъ Павелъ, намѣреваясь исторію предложить воззрѣнію въ

видѣ иносказанія, обѣщалъ *измѣнить гласъ* свой (Гал. 4, 20.); такъ и здѣсь обнаруженіе сокровеннаго называется у Соломона *извитіе* изъ слова, какъ будто было бы не возможно уразумѣть красоту мыслей, если бы кто не усмотрѣлъ сокровеннаго сіянія мысли, видимое въ словѣ извративъ въ нѣчто другое; какъ бываетъ это съ перомъ, которымъ у павлина убранъ хвостъ. Ибо кто увидитъ у него задъ пера, по некрасивости и безобразію не обратитъ, конечно, и вниманія на сіе зрѣлище, какъ ничего не стоящее. А если кто, оборотивъ его, сдѣлаетъ видною другую сторону, то увидитъ разнообразную живопись природы, половину круга сіяющую посрединѣ багрянымъ цвѣтомъ и около круга златовидный воздухъ, опоясанный по краямъ и блистающій многоцвѣтными радугами. И такъ, поелику въ доступномъ всякому смыслѣ реченій никакой нѣтъ красоты, потому что, по сказанному, *вся слава дочери царицы внутри* (Пса. 44, 14.), въ золотыхъ мысляхъ сіяетъ сокровеннымъ убранствомъ; то Соломонъ читающимъ книгу сію по необходимости предлагаетъ извитіе слова, чтобы изъ него уразумѣли *притчу и телное слово, реченія же премудрыхъ и гаданія* (Прит. 1, 5.).

А какъ это и содержитъ въ себѣ приточное сіе ученіе, то всякій здравомыслящій ничего предлагаемаго въ этой книгѣ не приметъ безъ

изслѣдованія и безъ разсмотрѣнія, хотя читаетъ что либо съ перваго взгляда всего болѣе ясное и знакомое. Ибо и на то, что, повидимому, явно, непремѣнно возможно нѣкое высшее воззрѣнiе. Если же и доступныя разумѣнiю мѣста сего писанія необходимо требуютъ тончайшаго изслѣдованія; то кольми паче требуютъ того тѣ мѣста, гдѣ самое уразумѣнiе представляетъ много неяснаго и необозримаго. Почему по связи рѣчи въ семь мѣстѣ изслѣдуемъ, есть ли что ясное въ подлежащемъ намъ чтенiи. Слово изображаетъ, что премудрость изглашаетъ нѣкоторыя реченiя отъ собственнаго своего лица. А кто любознательнъ, тому, конечно, извѣстно, о чемъ говорится въ томъ мѣстѣ, гдѣ *премудрость вселяетъ совѣтъ, призываетъ разумъ и смыслъ*, говоритъ, что имѣеть у себя *стяжанiе, крѣпость и разумъ*, сама же именуется разумѣнiемъ, умѣеть ходить въ *путехъ правды*, и жить *посредь стезей оправданiя*; говоритъ о себѣ, что ею *царіе царствуютъ, сильнiи пишутъ правду, и властители держатъ землю свою* (Прит. 8, 12. 14. 15. 16. 18. 20.). Ибо для всякаго явно, что разсудительный ничего въ сказанномъ не приметъ безъ изслѣдованія по готовому значенiю словъ. Ибо если ею цари вводятся во владычество, отъ нея имѣеть силу владычество; то по всей необходимости премудрость представится намъ виновницею самовластиа и на себя приметъ укоризны,

заслуженныя дурно правящими царствомъ. Но мы знаемъ царей, которые подъ руководствомъ премудрости дѣйствительно достигаютъ нескончаемо продолжающагося начальства ; это—*нищійи духомъ*, стяжаніемъ которыхъ есть *царствіе небесное*, какъ возвѣщаетъ Господь, Который есть евангельская премудрость (Матѳ. 5, 3.). Таковыми же признаемъ тѣхъ властителей, которые владѣютъ надъ страстями, не порабощены владѣтельству грѣха, которые, какъ бы на листѣ какомъ, въ собственной жизни своей пишутъ правду. Такъ и похвальное самовластіе, при содѣйствіи мудрости, многовластіе страстей обративъ въ единовластіе ума, порабощаетъ необузданно стремящееся къ худой свободѣ, разумѣю всѣ плотскія и земныя мудрованія. *Плоть бо похотствуетъ на духа* (Гал. 5, 11.), и возстаетъ противъ начальства души. Сію-то землю держитъ таковой самовластитель, поставленный ея начальникомъ при первомъ сотвореніи Словомъ.

2. Посему, какъ, по признанію всѣхъ здравомыслящихъ, лучше читать въ подобномъ смыслѣ, нежели въ смыслѣ представляющемся въ словахъ съ перваго взгляда, такъ на семъ основаніи справедливо здравомыслящимъ не просто и не безъ излѣдованія принимать въ связи съ этимъ оное написанное изреченіе. *Аще възвѣщу вамъ*, говоритъ Премудрость, *бывающая*

на всякъ день, помяну, яже отъ вѣка, исходи. *Господь созда Мя* (Прит. 8, 21. 22.). Что скажетъ мнѣ на это изреченіе рабъ буквы, по іудейски останавливающійся на звукъ слоговъ? Ужели это словосочиненіе не представляется вносящимъ странность въ слухъ болѣе внимательныхъ? *Аще возвѣщу вамъ бывающая на всякъ день. Господь созда Мя.* Какъ будто, если не возвѣститъ бывающаго на всякъ день, то въ слѣдствіе того непременно будетъ отрицать, что создана. Ибо кто сказалъ: я созданъ, если возвѣщу, тотъ умалчиваемымъ далъ разумѣть: я не созданъ, если не возвѣщу. *Господь созда мя,* говоритъ Премудрость, *начало путей своихъ въ дѣла своя: прежде вѣкъ основа мя: въ началъ, прежде неже землю сотворити, прежде неже бездны содѣлати, прежде неже произыти источникомъ водъ, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ разидаетъ мя* (22—25.). Какой новый порядокъ въ устроеніи сей твари! Сперва создается, потомъ полагается ей основаніе, и тогда уже раждается. *Господь сотвори,* продолжаетъ Премудрость, *страны населенныя, и концы населенныя поднебесныя* (26.). Какого Господа называетъ творцомъ населенной страны и вселенной? Конечно Сотворившаго и Премудрость; ибо одного и того же лица и то и другое слово, и сказующее: *Господь созда мя;* и присовокупившее: *Господь сотвори*

страны и ненаселенныя. Поэтому Господь равно будетъ зиждителемъ, какъ самой Премудрости, такъ вселенной и ненаселенной страны. Посему какъ же *вся Сыномъ была, и безъ Него ничто же бысть* (Іоан. 1, 3.)? Ибо если одинъ и тотъ же Господь творить и Премудрость, подъ именемъ которой совѣтують разумѣть Сына, и по одиначкѣ все, что имѣеть въ себѣ тварь; то гдѣ же истина возвышеннаго Іоанна, который говорить: *вся Тьма была?* На сей гласъ евангелія отзывается само Писаніе, Создавшему Премудрость приписывающее со-твореніе необитаемой и населенной страны. А такъ и все слѣдующее за симъ: описываетъ нѣкій *престолъ* Божій отлучаемый *на вѣтрехъ*, сказуетъ, что крѣпкими дѣлаются *вышнія облаки*, и твердыми *источники поднебесныя* (Прит. 8, 27. 28.), и много подобнаго содержится въ цѣлой связи рѣчи, что должно имѣть обширный смыслъ, въ сказанномъ предъ симъ находимый нѣкимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ. Какой это *на вѣтрехъ* отлучаемый престолъ? Какая твердость поднебесныхъ источниковъ? Какъ вышнія облака дѣлаются крѣпкими? Если кто о словѣ семъ судить будетъ по видимому, то найдетъ много несогласнаго между самыми вещами и сказуемымъ о нихъ. Ибо кому неизвѣстно, что крайніе предѣлы поднебесной, или потому, что въ прензбыткѣ пользуются теплотою солнечною, или потому,

что крайне отдалены отъ оной, по несообразности того и другаго не обитаемы? Иное стало сухо и сверхъ мѣры разгорячено; другое изобилуетъ влагой и охлаждено морозомъ, обитаемы же тѣ только мѣста, которыя равно отстоятъ отъ каждаго изъ сихъ двухъ противоположныхъ предѣловъ. Если же середина земли населена людьми; то почему притча говорить, что населены концы поднебесной? Какая крѣпость можетъ быть усмотрена въ облакахъ, чтобы, по смыслу, представляющемуся съ перваго взгляда, истинно было слово, по которому крѣпкими сдѣлались *вышнія облаки*? Ибо природа облака есть нѣкій разрѣженный паръ, разлитый въ воздухъ, который, по великой утонченности сдѣлавшись легкимъ, носится воздушнымъ вѣтромъ. Отъ сгущенія же слившись самъ въ себѣ, падаетъ онъ изъ поддерживающаго воздуха, ставъ тяжелою каплею. Посему какая же крѣпость въ томъ, чѣмъ не производится никакого ощущенія въ прикасающемся? Ибо разрѣженность и текучесть воздуха можно видѣть и въ облакѣ. Какъ же еще на непостоянномъ естествѣ вѣтровъ *отмучается Божій престолъ*? А сказанному: быть сперва созданнымъ, подъ конецъ быть рожденнымъ, и въ среднѣ между тѣмъ быть основаннымъ, укажетъ ли кто какое либо основаніе, согласное съ понятіями общими и представляющимися съ перваго взгляда? И прежде

сего сомнительно въ словѣ, почему возвѣщеніе бывающаго *на всякъ день*, напоминаніе объ изочтеніи, *яже отъ вѣка*, дѣлается какъ бы нѣкою причиною тому, что премудрость сказается сотворенною отъ Бога.

Итакъ поелику сказанное ясно даетъ видѣть, что въ представленныхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего такого, что безъ разсмотрѣнія и безъ изслѣдованія могло бы принято быть въ словѣ; то хорошо было бы, подобно прочему, и сіе: *Господь созда мя*, истолковать не въ томъ смыслѣ, какой самъ собою представляется намъ въ изреченіи, но со всѣмъ вниманіемъ и тщаніемъ поискать благочестиво разумѣмаго въ сказуемомъ. Но въ точности постигнуть смыслъ предложеннаго свойственно тѣмъ однимъ, которые Духомъ Святымъ испытуютъ глубины, и о божественныхъ тайнахъ умѣютъ глаголатъ духовно. Наше же слово займется предложеннымъ въ такой мѣрѣ, въ какой нужно, чтобы не вовсе осталась не разсмотрѣнною невидимая ясно въ этомъ цѣль. Посему какое же наше слово? Невозможно, думаю, чтобы Божественнымъ просвѣщеніемъ сообщенная кому либо премудрость пребывала одна безъ прочихъ дарованій духа; напротивъ того непременно надобно придти съ нею вмѣстѣ и пророчественной благодати. Ибо если премудрости собственно принадлежитъ постиженіе истины существъ, а пророчество содер-

жить въ себѣ уясненіе будущаго; то не будетъ обладать полнымъ дарованіемъ премудрости, кто и будущаго не будетъ обнимать вѣдѣніемъ при содѣйствіи пророчественнаго дара. Итакъ, поелику не о человѣческой какой премудрости свидѣтельствуемъ въ себѣ Соломонъ, сказавшій: *Богъ научи мя премудрости* (Прит. 30, 3.), и всякое слово имъ произнесенное восписавшій Богу, когда говорить: *моя словеса рекошася отъ Бога* (31, 1.); то хорошо будетъ изслѣдовать въ этой части притчей къ премудрости примѣшанное пророчество. Посему утверждаемъ, что Соломонъ, въ предыдущихъ словахъ сказавъ: *Премудрость созда себѣ домъ* (Прит. 9, 1.), даетъ въ словѣ семъ гадательно разумѣть устройство плоти Господней. Ибо не въ чуждомъ зданіи обитала истинная премудрость, но сама изъ дѣвическаго чрева создала себѣ обитель. А здѣсь Соломонъ придаетъ Слову, что соединено изъ того и другаго, разумѣю домъ и премудрость, создавшую домъ, то есть человѣчество и сраженное съ человѣкомъ Божество; къ каждому же изъ нихъ приурочиваетъ соответствующія и приличныя реченія, что, какъ можно видѣть, дѣлается и въ евангеліяхъ, гдѣ приспособленіе слова примѣнительно къ подлежащему высшимъ и боголѣпнѣйшимъ значеніемъ указываетъ на Божество, а низкимъ и неподъемлющимся отъ земли—на человѣчество.

Такъ можно видѣть, что Соломонъ и въ этой части подвигнуть пророчески, и всецѣло предалъ тайнство домостроительства. Ибо сперва представляетъ предвѣчную силу и дѣятельность премудрости, при чемъ нѣкоторымъ образомъ и въ самыхъ словахъ согласуется съ евангелистомъ. Ибо какъ евангелистъ многообъемлющимъ реченіемъ одного и того же провозглашаетъ виновникомъ и зиждителемъ всѣхъ; такъ и Соломонъ говоритъ, что Имъ по одиначкѣ приведено въ бытіе все исчисляемое во вселенной. *Богъ*, говоритъ онъ, *премудростію основа землю, уютова же небеса разумомъ* (Прит. 3, 19.), и все, что по порядку за симъ слѣдуетъ сказаннаго въ томъ же смыслѣ. И чтобы не подать мысли, будто бы даръ добродѣтели въ людяхъ оставляетъ не упомянутымъ, опять отъ лица Премудрости описываетъ, говоря упомянутое нами нѣсколько прежде: *вселихъ соуть и разумъ и смыслъ* (Прит. 8, 12.), и все, что свойственно ученію умственному и расширяющему свѣдѣнія.

Изложивъ сіе и подобное сему, Соломонъ присовокупляетъ ученіе о домостроительствѣ касательно человѣка, для чего *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.). Ибо такъ какъ для всѣхъ явно, что сущій надъ всѣми Богъ не имѣетъ въ Себѣ ничего сотвореннаго, или вводнаго, ни силы, ни премудрости, ни свѣта, ни слова, ни жизни, ни истины, ни вообще чего либо

умопредставляемаго въ полнотѣ Божественнаго лона, все это есть *Единородный Богъ, Сый во лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.); то ни къ чему умопредставляемому въ Богѣ не можетъ по справедливости приложено быть имя твари, такъ что Сыну во Отцѣ, или Слову въ началѣ, или свѣту во свѣтѣ, или жизни въ жизни, или премудрости въ премудрости прилично было бы сказать: *Господь созда мя*. Ибо если создана Богомъ премудрость, Христось же *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.); то, конечно, Богъ возимѣлъ премудрость вводную, въ послѣдствіи изъ приуготовленнаго воспріявъ то, чего не имѣлъ съ начала. Но однако же Тотъ, Кто въ лонѣ Отчемъ, не позволяетъ намъ представлять себѣ Отчее лono когда либо празднымъ отъ Него; слѣдовательно не есть ничто приходящее въ лono совнѣ. Напротивъ того Сущій въ началѣ, будучи полнотою всякаго блага, конечно, представляется во Отцѣ, не ожидающимъ придти въ Немъ въ бытіе посредствомъ сотворенія, потому что Отець не можетъ быть представляемъ не имѣющимъ когда либо въ себѣ благъ. Но представляемый сущимъ въ вѣчности Отчаго Божества, всегда въ Немъ, какъ сила и жизнь, и истина, и свѣтъ, и премудрость, и тому подобное. Поэтому изреченіе: *созда мя*, не Божествомъ и нетлѣннымъ изглаговано, но тѣмъ, что, по сказанному, срастворено по до-

мостроительству съ нашимъ тварнымъ ествомъ.

Посему, какъ же одно и то же, такъ называемое премудростію и разумомъ и божественнымъ чувствомъ, и полагаетъ основаніе земли, и уготовляетъ небеса, и разверзаетъ бездны, и здѣсь создается въ начало дѣлъ? Не безъ важной причины, сказано, пріемлется въ содѣйствіе такое домостроительство. Напротивъ того, поелику люди, пріявъ заповѣдь о томъ, что надлежитъ намъ соблюдать, изринули изъ памяти благодать, по причинѣ преслушанія пребывая въ забвеніи благъ; то поэтому, да *возвѣщу вамъ снова бывающая на всякъ день къ вашему спасенію и помяну, яже отъ вѣка, исчисливъ, что вы забыли* (потому что не новое какое евангеліе возвѣщаю теперь, но тружусь надъ возстановленіемъ вашимъ въ первобытное состояніе); поэтому-то создана я, всегда сущая, и для того, чтобы имѣть бытіе, ни мало не имѣющая нужды въ созданіи, чтобы стать мнѣ началомъ *путей въ дѣла* Божіи, разумѣю людей. Послику поврежденъ былъ путь первый; то должно было для заблудшихъ обновиться опять пути новому и живому, мнѣ самой, которая есмь путь. А что смыслъ словъ: *созда мя* относится къ человѣчеству, яснѣе представляетъ намъ это Божественный апостоль въ собственныхъ словахъ своихъ, въ которыхъ повелѣваетъ: *облецытея Господемъ*

Иисусъ Христосъ (Римл. 13, 14.), и сверхъ этого, гдѣ, повторяя тоже самое слово, говоритъ: *облецытеся въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу* (Еф. 4, 24.). Ибо если спасительное облаченіе одно, и это есть Христось; то никто не скажетъ, что новый чловѣкъ, созданный по Богу, есть кто другой, кромѣ Христа; напротивъ того явно, что облекшійся во Христа облекся въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу. Ибо тотъ единъ въ собственномъ смыслѣ справедливо именуется чловѣкомъ новымъ, Кто явился въ чловѣческой жизни не извѣстными и обычными путями естества. Напротивъ того въ Немъ одномъ обновлено какое-то отличное и особенное созданіе. Посему-то апостоль одного и того же, имѣя въ виду необычайность рожденія, именуетъ новымъ чловѣкомъ, созданнымъ по Богу, а взирая на Божеское естество, срастворенное въ твореніи сего новаго чловѣка, называетъ его Христомъ; такъ что одному и тому же приданы два наименованія, разумѣю наименованіе Христа, и наименованіе новаго чловѣка, созданнаго по Богу.

Итакъ поелику Премудрость есть Христось, то разумный слушатель пусть разберетъ слово и противоборствующихъ намъ и наше, и рѣшить, чье благочестивѣе. Кто въ изреченіи паче сохраняетъ боголѣпныя понятія: тотъ ли, кто утверждаетъ, что Творецъ и Господь все-

ленной сотворенъ, и доказываетъ, что Онъ равночестенъ служебной твари, или тотъ, кто взираетъ наче на домостроительство, и сохраняетъ приличествующее понятію о Божествѣ и понятію о человѣчествѣ. Ученіе сіе подтверждаетъ и великій Павелъ, который въ новомъ человѣкѣ видитъ тварь, а въ истинной Премудрости обладаніе тварію. Съ симъ воззрѣніемъ на ученіе согласенъ и порядокъ слова. Ибо, если бы не создано было въ насъ начало путей, то не было бы положено основанія ожидаемымъ вѣкамъ; Господь не содѣлался бы для насъ отцемъ *будущаго вѣка*, если бы, по слову Исаи, *отроча палг* не родилось (Иса. 9, 6.), и не было наречено имя Его, и не наречены были всѣ другія имена, какія нарекъ пророкъ, вмѣстѣ же со всѣми и имя отца *будущаго вѣка*. Посему сперва совершились таинство дѣвства и домостроительство страданія; потомъ мудрые здатели вѣры положили основаніе вѣры. А это есть Христосъ, *отецъ будущаго вѣка*; на Немъ домостроительствуется жизнь нескончаемыхъ вѣковъ. Поелику же совершается сіе, чтобы въ каждомъ изъ увѣровавшихъ пришли въ исполненіе Божественныя изволенія евангельскаго закона, и воздѣйствовали многоразличныя дарованія Святаго Духа (все же это Божественное Писаніе въ сродномъ нѣкоемъ значеніи иносказательно именуется горами и холмами, горами

Божіими именуя правду, безднами же называя суды, а землю—землю, засѣваемую Словомъ и приносящую обильный плодъ; или, какъ въ другомъ мѣстѣ у Давида подѣ именемъ горъ узнаемъ миръ, а подѣ именемъ холмовъ правду (Пса. 71, 3.); то въ вѣрныхъ необходимо раждается премудрость и истинное слово. Ибо Сущій въ пріавшихъ Его не родился еще въ невѣрныхъ. Посему, чтобы произошло сіе и въ насъ, необходимо въ насъ родиться Жидителю сего. Такъ и слѣдующее за симъ будемъ разумѣть по связи съ этимъ. Ибо если рождена въ насъ премудрость, то въ каждомъ уготовляется тогда Богомъ *страна* и *страна населенная*, *страна*—сердце, пріемлющее всѣяніе и воздѣланіе слова, *страна ненаселенная*—сердце лишаемое лукавыхъ обитателей. И такимъ образомъ вселеніе наше будетъ на концахъ земли. Поелику на землѣ иное есть глубина, а иное поверхность; то, когда кто не дѣлается ни подземнымъ, ни пещернымъ по мудрованію о дольномъ (какова жизнь живущихъ во грѣхѣхъ, погрязшихъ въ зыбкой тинѣ глубины, для которыхъ жизнь настоящая дѣйствительно есть кладязь, по слову псалмопѣнія, которое говоритъ: *ниже сведетъ о мнѣ ровенникъ устъ своихъ* (Пса. 68, 16.)), поэтому, если кто послѣ рожденной въ немъ премудрости начинаетъ держаться горняго образа мыслей, столько касаясь земли, сколько это

необходимо; тогда онъ вселяется на концахъ поднебесной, не углублясь въ земное мудрованіе. Ему, вмѣсто земли уготовляющему въ себѣ небо, соприсуща премудрость. И когда ученіе *вышнихъ облаковъ* творитъ онъ для себя *крѣпкимъ*, приводя въ исполненіе заповѣди, а великое и пространное море порока ограничивая строгимъ житіемъ, какъ бы берегомъ какимъ, препятствуетъ возмущенной водѣ идти мимо *устъ*, и если дарованіемъ ученія низведенъ къ источникамъ, съ осторожностію изливая струю слова, чтобы вмѣсто чистой воды въ питіе кому не подать мутной смѣси; и если, ставъ выше всякаго земнаго шествія, сдѣлается по жизни воздушнымъ, поживъ духовнымъ жительствомъ, которое въ словѣ наименовано *вѣтрами* (27.), чтобы отлученнымъ быть въ престолъ возсѣдшему на немъ, какимъ былъ отлученный въ благовѣстіе Павелъ, чтобы стать сосудомъ избраннымъ *пронести иля Божіе* (Дѣян. 9, 15.); то какъ бы новымъ престоломъ для Слова содѣлался носящій на себѣ возсѣдшаго на немъ. Когда съ успѣхомъ достигнуто сіе и подобное сему, такъ что веселится уже *совершившій* въ себѣ *вселенную* (31.) Божію, веселясь, что сталъ отцемъ не звѣрей какихъ и безсловесныхъ, но чловѣковъ, ими же будутъ Божественные помыслы, по Божіему образу образуемые вѣрою въ созданнаго въ насъ и рожденнаго; а подъ именемъ вѣры,

по слову Павлову, разумѣется основаніе; при ней вѣрнымъ раждается премудрость и производится все сказанное; тогда-то дѣйствительно блаженною дѣлается жизнь преуспѣващаго. Съ нимъ согласна премудрость и *веселится на всякое время* о немъ, на *всякъ день* веселящемся о ней одной. Ибо Господь веселится о преподобныхъ своихъ, и *радость бываетъ* на небеси о спасаемыхъ (Лук. 15, 10.); и Христосъ отецъ празднуетъ при спасеніи сына. Послѣ же сего кратко нами сказаннаго, трудолюбивый читатель, вникнувъ въ основанія Божественнаго Писанія, къ симъ воззрѣніямъ да приспособляетъ загадочныя изреченія, разсудивъ, не гораздо ли лучше думать, что смыслъ загадокъ заключается въ этой мысли, а не въ той, какая представляется съ перваго взгляда. Ибо невозможно признать истиннымъ Іоаннова богословія, провозгласившаго, что все созданное есть дѣло Слова, если повѣримъ, что именуемый здѣсь создавшимъ премудрость и все прочее сотворилъ вмѣстѣ съ нею; ибо тогда не все уже будетъ чрезъ нее, но и она причислится ко всему пришедшему въ бытіе.

А что къ сему клонятся загадочныя рѣчи, сіе ясно открывается въ продолженіи слова, которое говоритъ: *нынѣ убо сыне послушай мене* (Прит. 8, 32.), и: *блаженъ, иже пути Моя сохранитъ* (34.), путями, очевидно, называя стези къ добродѣтели, началомъ которыхъ бы-

ваеть пріобрѣтеніе премудрости. Посему кто же, взирая на Божественное Писаніе, не согласится, что враги истины и нечестивы и вмѣстѣ клеветники? Нечестивы, потому что, сколько имъ возможно, уничиживъ неизреченную славу едиnorodнаго Бога, ставятъ Его въ одинъ рядъ съ тварію, усиливаясь доказать, что одинъ изъ приведенныхъ имъ въ бытіе есть Самъ Господь, едиnorodность Котораго есть владычество надъ всѣмъ. Клеветники же потому, что, когда Писаніе не подаетъ имъ никакого предлога къ такимъ предположеніямъ, они, какъ будто изъ Писанія приводя свидѣтельство, вооружаются противъ благочестія. И такъ, поелику ни въ одномъ изъ святыхъ Писаній не могутъ показать какого либо реченія, которое на предвѣчную славу едиnorodнаго Бога совѣтовало бы взирать, какъ и на славу подчиненной твари; то, когда доказано сіе уже нами, хорошо будетъ слову благочестія приписать побѣду надъ ложью, и отвергнувъ всѣ сіи ухищренныя ихъ именованія, которыми приводятъ въ сходство тварь съ Сотворшимъ и созданіе съ Создавшимъ, исповѣдать, какъ учитъ небесное Евангеліе, Сына возлюбленнаго, неложнаго, не подкинутаго, и подъ словомъ: сынъ, разумѣя всякое естественное сродство, Того, Кто отъ истиннаго Бога, назвать Богомъ истиннымъ, и вѣровать, что и въ Немъ также есть все, что усматри-

вается во Отцѣ; потому что оба суть едино, и въ единомъ умопредставляется и другой непревосходящимъ и неумаленнымъ, ни по одному боголѣпному и доброму отличительному качеству не отмѣннымъ и неинаковымъ.

Итакъ, поелику явную сдѣлалась борьба Евномія съ самимъ собою, когда онъ обличенъ въ противорѣчїи самому себѣ (разумѣю же противорѣчїе въ томъ, что одному и тому же должно то, какъ рожденному по естеству, именоваться Сыномъ, то опять, какъ созданному, называться уже не Сыномъ, но тварію); то разумно и основательно понимающему дѣло, такъ какъ при двухъ противорѣчущихъ одно другому понятїяхъ не возможно равно находится истинѣ въ томъ и другомъ, прилично, думаю, отринуть въ обоихъ нечестивое и хульное, разумѣю слова: созданіе и тварь, остановиться же на одномъ, имѣющемъ въ виду благочестіе и признающемъ, что наименованіе Сына по естеству приличествуетъ едиnorodному Богу, чтобы и по словамъ враговъ ученіе благочестія имѣло состоятельность.

3. Говорю же опять, повторяя Евноміево слово, которое предложилъ я въ началѣ: «Сына, какъ рожденнаго, говоритъ Евномій, не отказываемся назвать и рожденіемъ, потому что сама рожденная сущность и наименованіе Сынъ требуютъ такого соотношенія именъ». Посему, кто съ разсужденіемъ слушаетъ слова сїи,

пусть помнитъ, что Евномій говоритъ пока о рожденной сущности, какъ еще не принимающей вмѣстѣ слова: сущность, ни слова: нерожденность, ни слова: рожденіе; но отдѣльно беретъ сущность, и отдѣльно по усматриваемымъ въ ней свойствамъ разумѣтъ, что она рождена, или не рождена. Выразумѣемъ же тщательно сказанное о семъ слово. Евномій говоритъ, что сущность рождена, а Сынъ есть имя рожденной сущности. Но наше о семъ ученіе обличить слово его двумя возраженіями, изъ которыхъ одно есть обвиненіе въ злонамѣренномъ предпріятіи, а другое—обличеніе въ безсиліи сего противъ насъ предпріятія. Ибо злонамѣренно поступаетъ, говоря о рожденіи сущности, чтобы доказать противоположность сущностей, рожденнымъ и нерожденнымъ раздѣленныхъ между собою до инаковости естества. А безсиліе предпріятія обличается тѣмъ самымъ, чѣмъ пользуется злонамѣренность. Ибо сказавшій, что сущность рождена, ясно тѣмъ опредѣляетъ, что рожденіе есть нѣчто иное съ сущностію, такъ что значеніе рожденія непримѣнимо къ понятію о сущности. Ибо въ разсужденіи сего не сдѣлалъ онъ того же, что доказалъ во многомъ другомъ; не сказалъ, что рожденіе есть самая сущность, напротивъ того признаетъ, что сущность рождена, чтобы въ слушающихъ составилось раздѣльное понятіе о каждомъ реченіи. Ибо иная нѣкая мысль

происходитъ въ слышащемъ, что нѣчто рождено, и иная при имени: сущность. Но яснѣе будетъ для насъ слово сіе изъ примѣровъ. Господь сказалъ въ Евангеліи, что женщина, когда приближаются муки рожденія, бываетъ въ скорби; а послѣ сего радостію радуется, *яко родися чловѣкъ въ міръ* (Іоан. 16, 21.). Посему какъ въ этомъ случаѣ узнаемъ изъ евангелія два разныя понятія, одно чадорожденіе, которое разумѣемъ подъ словомъ: рожденіе, а другое то самое, что бываетъ слѣдствіемъ чадорожденія (ибо чадорожденіе — не чловѣкъ, напротивъ того чловѣкъ произведеніе чадорожденія); такъ и здѣсь, поелику Евномій призналъ, что сущность рождена; то предшествующимъ реченіемъ научены мы, что рождена отъ чего-то, а изъ слѣдующаго уразумѣли самое подлежащее, происшедшее отъ чего-то. Поелику, если иное есть означаемое словомъ: сущность, а иное предполагаемъ разумѣть подъ словомъ: рожденіе; то распадутся внезапно мудрыя ихъ ухищренія, какъ глиняные сосуды, одинъ съ другимъ сведенные и одинъ о другой сокрушенные; потому что имъ, разность рожденнаго съ нерожденнымъ переносящимъ на сущность Сына и Отца, не будетъ уже дозволено взаимное разногласіе именъ переносить и на самыя предметы. Ибо, когда Евномій призналъ, что сущность рождена; то, какъ подобную сему мысль

изъясняетъ евангельскій примѣръ, изъ котораго дознавъ, что рожденъ человѣкъ, не признали мы человѣка тождественнымъ съ рожденіемъ, но при каждомъ имени составили себѣ особое понятіе; такъ, безъ сомнѣнія, не будетъ имѣть мѣста ересь, учащая на основаніи подобныхъ реченій, признавать инаковость сущностей.

Но чтобы гораздо яснѣе раскрылось для насъ понятіе о семъ, разберемъ еще подлежащее такъ: въ началѣ человѣческое естество сотворилъ вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ Устроитель всего; и послѣ того, какъ приведенъ въ бытіе Адамъ, тогда уже узаконилъ людямъ рожденіе одного отъ другаго, сказавъ: *раститеся и множитесь* (Быт. 1, 28.). Поэтому, такъ какъ Авель произошелъ рожденно, кто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что, по самому значенію человѣческаго рожденія, Адамъ произошелъ нерожденно? Но первый человѣкъ имѣлъ въ себѣ всецѣлую мѣру человѣческой сущности, и также и рожденный отъ него состоитъ въ томъ же соотношеніи сущности. А если бы кромѣ нерожденной сущности была создана какая нибудь другая рожденная; то не приличествовало бы обоимъ одно и то же соотношеніе сущности. Ибо у кого сущности разныя, у тѣхъ и соотношеніе сущности не одно и то же. Поэтому, такъ какъ сущность Адама и Авеля означается одними и тѣми же

отличительными свойствами; то по всей необходимости должно согласиться, что хотя сущность обоихъ одна, однакоже въ одномъ и томъ же ествѣ видимъ то одинъ, то другій. Ибо Адамъ и Авель, два человѣка, въ разсужденіи естества суть нѣчто единое, но по отличительнымъ свойствамъ, усматриваемымъ въ каждомъ изъ нихъ, имѣютъ неслитное между собою различіе. Посему нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ, будто бы Адамъ родилъ другую кромѣ себя сущность; но справедливѣе будетъ говорить, что Адамъ родилъ отъ себя другаго себя; и въ этомъ другомъ рождено вмѣстѣ все то, что есть въ сущности родившаго. Посему, что дознали мы о человѣческомъ ествѣ тѣмъ путемъ, какой напередъ послѣдовательно указанъ намъ разумомъ, то самое, думаю, должно признать намъ въ руководство и къ непогрѣшному уразумѣнію Божественныхъ догматовъ. Ибо отринувъ всякое плотское и вещественное понятіе о Божественныхъ и высокихъ догматахъ, въ оставшемся умопредставленіи, когда оно будетъ очищено отъ подобныхъ представленій, найдемъ самое безопасное руководство къ высокому и недоступному. И противники исповѣдуютъ, что Сущій надъ всѣми Богъ и есть и именуется Отцемъ Единороднаго; да и единороднаго Бога, сущаго изъ Отца, называютъ рожденнымъ, потому что рожденъ. Итакъ, по-

елику у людей имя: отецъ имѣеть въ себѣ нѣкія сопряженныя съ нимъ значенія, чуждыя Естеству пречистому; то, оставивъ всѣ вещественныя представленія, какія входятъ въ плотское значеніе слова: отецъ, надлежитъ нане-чатлѣть въ себѣ нѣкую боголѣпную мысль, показывающую одну близость къ Богу Отцу. Поэтому, такъ какъ въ понятіи о человѣчскомъ отцѣ заключается не только то, къ пред-ставленію чего даетъ поводъ плоть, но въ человѣческомъ отчествѣ непременно подразу-мѣвается вмѣстѣ понятіе о какомъ-то проме-жуткѣ; то хорошо будетъ въ разсужденіи о Божественномъ рожденіи вмѣстѣ съ тѣлесною скверною отринуть и понятіе о промежуткѣ, чтобы превысшее рождество, будучи очищено во всемъ отъ свойственнаго веществу, стало чисто отъ всякаго умопредставленія не только о страстномъ, но и о промежуточномъ. Посему кто Бога называетъ Отцемъ, тотъ въ понятіи, что Богъ есть, сообщемлетъ и то, чтó такое Онъ есть. Ибо кому бытіе принадлежитъ съ какого либо начала, для того, конечно, и быть чѣмъ либо начинается съ чего либо. А въ разсужденіи чего не началъ онъ бытія (если и иное чтó умопредставляется въ Немъ), то не съ чего либо имѣеть начало. Напротивъ того, Богъ есть Отецъ: слѣдовательно отъ вѣчности Онъ то, чѣмъ есть; потому что не сталъ Отцемъ, но есть Отецъ. У Бога, чтó

было, то и есть, и будетъ; а если чего когда либо не было, того и нѣтъ и не будетъ; потому что признаемъ Его Отцемъ не чего либо такого, безъ чего сущимъ когда либо въ самомъ себѣ было бы благочестиво представить Бога. Ибо Отецъ есть Отецъ жизни, и истины, и премудрости, и свѣта, и святыни, и силы, и всего тому подобнаго, что есть и чѣмъ именуется Единородный. Посему, когда противники доказываютъ, что нѣтъ иногда свѣта; не знаю, кому болѣе ущерба, самому ли свѣту, когда Онъ не свѣтъ, или не имѣвшему когда либо у себя свѣта. Такъ должно сказать и о жизни, и объ истинѣ, и о силѣ, и о всемъ прочемъ, чѣмъ наполняетъ Отчее лоно Единородный, сущій всѣмъ этимъ въ собственной своей полнотѣ; въ разсужденіи того и другаго одинаковая открывается несообразность, и хулъ на Сына равносильно нечестіе предъ Отцемъ. Сказавъ, что когда нибудь нѣтъ Господа, не просто допустишь, что нѣтъ силы, но выразишь симъ, что нѣтъ силы Божіей, нѣтъ силы Отчей. Слѣдовательно утверждаемое въ твоёмъ словѣ о небытіи нѣкогда Сына, не иное что утверждаетъ, какъ отсутствіе всякаго блага у Отца. Смотри, къ чему обращается остроуміе мудрыхъ, и сколько истины въ Господнемъ о семъ словѣ, которое говоритъ: *отметаясь Мене, отметаея пославшаго Мя* (Лук. 10, 16.). Ибо чѣмъ отвергаютъ вѣчное

бытіе Единороднаго, тѣмъ самымъ безчестятъ Отца, словомъ своимъ отъемя у славы Отчей всякое доброе именованіе и представленіе о ней.

Посему сказаннымъ ясно обнаружено безсиліе злоухищренія у писателя, который, намѣреваясь доказать противоположность сущности Единороднаго и сущности Отца наименованіемъ одной нерожденною, а другой рожденною, изобличаетъ себя въ томъ, что усиливается утверждать несостоятельное. Ибо изъ словъ его явствовало вопервыхъ, что иное есть имя сущности, а иное — рожденія, а потомъ, что сущность въ Сынѣ не какая либо новая и отличная отъ сущности Отца. Напротивъ того, что есть Отецъ въ отношеніи къ естеству, то же есть и Тотъ, Кто отъ Него; потому что, по доказанной уже нами истинѣ сего слова, естество въ лицѣ Сына не измѣнилось въ ипакость. Сущность Авеля не произвела переменны естества: такъ, по чистому ученію, Единородный Богъ, исшедши отъ Отца и во Отцѣ пребывая, какъ говоритъ евангеліе (Іоан. 16, 28. 17, 21.), рожденіемъ Своимъ нимало не измѣнилъ въ Себѣ сущности нерожденнаго, но, по простому и не хитрому слововыраженію нашей вѣры, есть свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, Сущій всѣмъ тѣмъ, чѣмъ есть Отецъ, кромѣ сего единаго, что Тотъ — Отецъ. О цѣли же, съ которой Евномій

разсуждаетъ о семъ такъ утонченно, не должно, думаю, и говорить въ настоящемъ случаѣ. Дерзко и опасно, или позволительно и безопасно превращать изъ одного въ другое реченія, означающія естество Божіе, и Рожденнаго называть рожденіемъ;—оставляю это безъ изслѣдованія, чтобы слово наше, сверхъ должной мѣры занявшись споромъ о мелочахъ, не вознерадѣло о важнѣйшемъ.

Но должно, какъ разсуждаю, въ точности выразумѣть, естественно ли то отношеніе, которымъ вводится употребленіе сихъ именованій; ибо Евномій, безъ сомнѣнія, утверждаетъ, что съ свойствомъ именованій вводится вмѣстѣ и существенное свойствó. Онъ, конечно, не скажетъ, что одни именованія, сами по себѣ взятыя отдѣльно отъ представленія означаемого ими, имѣютъ какое либо соотношеніе и свойствó между собою; напротивъ того въ значеніяхъ выражаемыхъ реченіями различаемъ, что сродно и что чуждо въ именованіяхъ. Посему, если Евномій признаетъ, что Сынъ имѣетъ естественное отношеніе къ Отцу; то, оставляя именованія, выразумѣемъ силу, заключающуюся въ означаемомъ, что подразумѣвается при этомъ свойствó: то ли, что Они чужды по сущности, или то, что сродны и свои между собою. Сказать, что Они чужды, — признакъ явнаго безумія. Ибо какъ соблюсти связный и сродный порядокъ

въ именахъ того, что одно другому чуждо и одно съ другимъ не имѣеть общенія, когда сама рожденная сущность, какъ говоритъ Евномій, и наименованіе Сына усвояютъ себѣ такое отношеніе именъ? Если же скажетъ, что сродное означается сими именоваіями: то по свойству именъ необходимо окажется защитникомъ общей сущности. И доказывая, что сими именами означается связь подлежащихъ, многократно дѣлая это въ своемъ сочиненіи, не умѣеть сего сдѣлать. Ибо чѣмъ предприемлетъ испровергнуть истину, тѣмъ самымъ противъ воли увлекается часто къ защищенію противныхъ ему догматовъ. Подобное нѣчто знаемъ и изъ исторіи о Саулѣ, а именно, что, движимый гнѣвомъ на пророчествующихъ, былъ нѣкогда пренобѣжденъ благодатию, и сталъ однимъ изъ богодвижимыхъ; потому что, думаю, пророческій Духъ восхотѣлъ самъ собою наставить отступниковъ. Почему необычайность событія въ послѣдующее время стала притчею для живущихъ, когда исторія на удивленіе рассказывала подобное: *еда и Саулъ во пророцльхъ* (1 Цар. 10, 1.)?

4. Посему въ чемъ же Евномій соглашается съ истиною? Въ томъ, что говоритъ: «Самъ Господь, Сынъ Бога живаго, не стыдясъ рожденія отъ Дѣвы, въ рѣчахъ Своихъ часто именуетъ Себя Сыномъ человѣческимъ». Слово это приводимъ и мы въ доказательство общей

сущности; потому что имя Сына указываетъ на одинаковую общность естества съ тѣмъ и другимъ: какъ Сыномъ человѣческимъ называется по сродству плоти Его съ тою, отъ которой рожденъ; такъ, конечно, и Сыномъ Божіимъ умопредставляется по связи сущности Его съ тою, отъ которой Онъ происходитъ. И это слово есть величайшее оружіе истины. Ибо *Ходатая Бога и челоѡкѡвъ*, какъ наименовалъ великій апостолъ (1 Тим. 2, 5.), ничто столько не указываетъ, какъ имя Сына, равно прилагаемое къ тому и другому естеству, и къ Божескому и къ человѣческому. Ибо одинъ и тотъ же и есть Сынъ Божій, и по домостроительству содѣлался Сыномъ человѣческимъ, чтобы общеніемъ съ тѣмъ и другимъ связать Собою, чтó разстоитъ по естеству. Посему если бы, содѣлавшись Сыномъ человѣческимъ, былъ Онъ непричастенъ человѣческаго естества: то справедливо было бы сказать, что Онъ, будучи Сыномъ Божіимъ, не имѣетъ общенія съ Божіею сущностію. Если же было въ Немъ все сраствореніе человѣчества (потому что искушенъ былъ *по всяческимъ по подобію, развѣрѣха* (Евр. 4, 15.)); то по всей необходимости должно вѣровать, что въ Сынѣ (такъ какъ слово Его одинаково приписуетъ Ему то и другое: въ челоѡкѣ — человѣческое, и въ Богѣ—Божеское) есть всякое отличительное свойство превысшей сущности.

Итакъ , если наименованія, какъ говорить Евномій, показываютъ свойствó, свойствó же усматривается въ предметахъ, а не въ простыхъ звукахъ именъ (подъ именемъ же предметовъ, которые умопредставляются сами по себѣ, если не дерзко такъ выразиться, разумѣю Сына и Отца): то станетъ ли кто оспаривать, что самъ защитникъ хулы едва не увлеченъ, не примѣчая того, въ защитники благочестиваго ученія, самъ собою опровергая собственныя свои слова, и проповѣдуя въ божественныхъ догматахъ общность сущности? Ибо не лжетъ въ этомъ, невольно въ пользу истины брошенное Евноміемъ слово, что не назывался бы и Сыномъ, если бы не оправдывало названія естественное значеніе имѣть. Ибо скамья не называется сыномъ художника, и никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что зодчій родилъ домъ; и виноградъ не называемъ рожденіемъ виноградаря; напротивъ того, какъ сдѣланное человѣкомъ зовемъ дѣломъ его, такъ сыномъ человѣка называемъ рожденнаго имъ, чтобы, какъ думаю, именами означалось въ подлежащихъ свойственное имъ. Такъ и Единороднаго Божія наученные именовать Сыномъ, въ слѣдствіе сего наименованія стали умопредставлять не твореніемъ Божиимъ, но тѣмъ, что дѣйствительно указываетъ въ означаемомъ слово: Сынъ. Если же въ Писаніи и вино именуется порожденіемъ винограда; то

отъ этой подобоименности не потерпитъ вреда ученіе о догматахъ благочестія. Ибо не называемъ вина порожденіемъ дуба, или желудка порожденіемъ виноградной лозы; напротивъ того такое названіе имѣетъ мѣсто, ежели у порожденія съ тѣмъ, изъ чего оно, есть что либо общее по естеству. Ибо влага въ виноградной лозѣ, основаніемъ корня извлекаемая въ сердцевину растенія, по силѣ своей есть вода; но въ нѣкоторомъ порядкѣ проходя естественными путями, и съ нижнихъ путей переливаясь въ верхнія части, качество влаги прелагаетъ въ вино при нѣкоемъ содѣйствіи солнечнаго луча, который, теплотою извлекая влагу изъ глубины въ растеніе, свойственнымъ и приличнымъ перевариваніемъ жидкости дѣлаетъ изъ нея вино, такъ что заключающаяся въ виноградной лозѣ влага естественно не имѣетъ никакой инаковости съ виномъ, ею порожденнымъ; потому что изъ одной влаги происходитъ другая влага, и никто не скажетъ, что иная какая либо причина винной жидкости, а не влажность, естественно находящаяся въ вѣтвяхъ; разности же качествъ происходятъ не отъ видоизмѣненій влаги, но, послѣку нѣкое особое свойство винную влагу отличаетъ отъ сгущенной въ вѣтвяхъ, или сладостію или водянистостію сопровождая ту или другую влажность, такъ что въ подлежащемъ влаги суть одно и то же, различаются же разностями

качествъ. Слѣдовательно, какъ слыша, что въ Писаніи Единородный Богъ называется Сыномъ человѣческимъ, по отношенію имени дознали мы близкое сродство съ истиннымъ человѣкомъ; такъ, если Сынъ, по ученію противника, названъ будетъ рожденіемъ, тѣмъ не менѣе и изъ сего дознаемъ сродство Его въ сущности съ Родшимъ; потому что вино, называемое порожденіемъ виноградной лозы, относительно къ влагѣ найдено не чуждымъ естественной силѣ, заключающейся въ виноградной лозѣ. Но утверждаемое противниками, если кто здраво изслѣдуетъ это, клонится къ нашему ученію; смыслъ словъ ихъ противорѣчить собственнымъ ихъ доказательствамъ, какъ ни стараются они повсюду утверждать разность по сущности. И вовсе не легко отгадать, чѣмъ приведены они къ подобнымъ понятіямъ. Ибо если наименованіе: Сынъ означаетъ не просто бытіе отъ кого нибудь, но означаемымъ указываетъ собственно на естественную близость, какъ говоритъ самъ Евномій; и вино не называется порожденіемъ дуба, и *порожденія ехиднова*, какъ говоритъ евангеліе, суть змѣя (Матѳ. 23, 33.), а не овцы: то явно, что и въ разсужденіи Единороднаго, наименованія: Сынъ и рожденіе имѣютъ свойство не съ инороднымъ. Но если, по словамъ противниковъ, называется и рожденіемъ, и названіе Сыномъ, какъ и они признаютъ, со-

гласно съ естествомъ: то, конечно, Сынъ изъ сущности Родшаго, а не изъ чего либо инаго, представляющагося внѣ естества. Если же дѣйствительно изъ сущности; то, конечно, не чуждъ Того, изъ чего Онъ, какъ доказано и другими примѣрами, а именно, что всякое существо, отъ чего бы рождено ни было, непременно однородно съ тѣмъ, отъ чего получило бытіе.

5. Если же кто потребуетъ какого либо истолкованія, описанія и изложенія Божіей сущности: то не отречемся, что несвѣдуши въ такой премудрости, исповѣдуя только то, что безпредѣльное по естеству не можетъ быть объято какимъ либо примышленіемъ реченій. А что Божіе величіе не имѣетъ предѣла, о семъ ясно гласитъ пророческое слово, проповѣдуя, что *великолѣпно, слава, святинь Его нѣсть конца* (Пса. 144, 3. 5.). Если же свойства Его безконечны; то гораздо паче Самъ Онъ по сущности во всемъ, что Онъ есть, не объемлетъ ни какимъ предѣломъ и ни въ какой части. Посему если истолкованіе посредствомъ именъ и реченій значеніемъ своимъ объемлетъ сколько нибудь подлежащее; безпредѣльное же объято быть не можетъ: то несправедливо сталъ бы кто обвинять насъ въ невѣжествѣ, когда не отваживаемся, на что и отваживаться не должно. Ибо какимъ именемъ объять мнѣ необъятное? Какимъ рече-

ніемъ высказать неизглаголанное? И такъ поелику Божество превосходитъ и выше всякаго означенія именами: то научились мы молчаніемъ чувствовать превышающее и слово и разумніе. И если на сію осторожность въ словѣ и нападаетъ мудрствующій паче, нежели должно мудрствовать, и обращая въ смѣхъ наше невѣдніе неостыжимаго, въ неизобразимомъ, неограниченномъ, неопредѣлимомъ по величинѣ и количеству, разумію Отца и Сына и Святаго Духа, познаеть разность въ несходствѣ, и представляетъ въ обличеніе нашего невѣжества это, всегда указуемое учениками прелести, изреченіе: *вы кланяетесь Еюже не вѣстѣ* (Іоан. 4, 22.), если не знаете сущности Покланяемаго: то, по совѣту пророка, не убоимся *укоренія безразсудныхъ, по причинѣ похуленія ихъ* (Иса. 51, 7.) не отважимся на неизглаголанное, учителемъ превышающихъ вѣдніе тайнъ дѣлая простца въ словѣ Павла, который столько далекъ отъ мысли естество Божіе признать доступнымъ человѣческому постиженію, что *и судоуе Божіи называетъ неиспытанными и путіе неизслѣдованными* (Римл. 11, 33.), и утверждаетъ, что обѣщаніе Богомъ любящимъ Его за преслѣванія въ настоящей жизни выше постиженія, почему не возможно сего ни окомъ объять, ни слухомъ пріять, ни въ сердцѣ вмѣстить (1 Кор. 2, 9.). Посему, дознавъ отъ Павла, смѣло утвержда-

емъ, что не только суды Божіи выше силы покушающихся изслѣдовать ихъ, но и пути вѣдѣнія донынѣ остаются непроложенными и непроходимыми. Ибо сіе, какъ думаемъ, намѣреваясь означить, апостоль сказалъ, что неизслѣдовани путіе, ведущіе къ Непостижимому, показывая симъ выраженіемъ, что оное вѣдѣніе недоступно человѣческимъ помысламъ, и никто еще не направлялъ своего разумѣнія къ такому разумному шествію, и не показывалъ какого либо слѣда и признака, что постиженіемъ своимъ приступилъ онъ къ непостижимому.

Итакъ, дознавъ отъ великой апостольской души, заключаемъ изъ сказаннаго, что, если суды не могутъ быть испытываемы, и пути не изслѣдываются, и обѣтованіе благъ превосходитъ всякое гадательное представленіе: то въ какой паче сего мѣрѣ по неизглагоманности и недоступности само Божество превосходитъ и выше всего умопредставляемаго окрестъ Его, о чемъ никакого нѣтъ вѣдѣнія, какъ утверждаетъ наученный Богомъ Павелъ?—И поэтому твердо содержимъ въ себѣ самихъ осмѣиваемое ученіе, исповѣдуя, что по вѣдѣнію мы ниже превышающаго вѣдѣніе, и говоримъ, что дѣйствительно кланяемся, *Его же вѣлы*. Вѣдаемъ же высоту славы Покланяемаго, изъ того самаго, что не можемъ обнять помыслами, заключая о несравнимомъ величій; и сказаннос

Господомъ самарянкѣ, врагами же прилагаемое къ намъ, да будетъ скорѣе въ собственномъ смыслѣ сказано имъ. Ибо сіе: *вы кланяетесь, Еложе не вѣсте*, Господь говоритъ самарянкѣ, въ мнѣніяхъ о Богѣ предзанятой плотскими понятіями; и чувствительно касается ея рѣчь, потому что самаряне, думая поклоняться Богу, и потомъ полагая, что Божество тѣлесно пребываетъ на мѣстѣ, чтуть Бога только на словахъ, поклоняясь чему-то иному, а не Богу. Ибо Божество не есть что либо умопредставляемое въ очертаніи. Напротивъ того Боже-ству свойственно—быть вездѣ, все пронизать и ничѣмъ не ограничиваться. Посему въ обвиненіе христорборцевъ обращается слово, приводимое ими противъ насъ. Ибо какъ самаряне, думая, что Божество объемлетъ мѣстнымъ нѣкимъ очертаніемъ, укорены были тѣмъ, что услышали: *вы кланяетесь, Еложе не вѣсте*; и служеніе, вами совершаемое предъ Богомъ, дѣлается бесполезнымъ, потому что Богъ, почитаемый пребывающимъ на какомъ либо мѣ-стѣ, не есть Богъ: такъ въ собственномъ смы-слѣ можно сказать и новымъ самарянамъ: име-немъ нерожденности предполагая объять Бо-жественную сущность какъ бы мѣстомъ ка-кимъ, *вы кланяетесь, Еложе не вѣсте*, совер-шая служеніе какъ Богу, по не зная, что без-предѣльность Божія не подходитъ ни подъ какое значеніе и ни подъ какій объемъ име-нованій.

Но рѣчь наша, слѣдуя всегда за представляющимся по связи, далеко уклонилась отъ предполагаемаго. Посему опять возвратимся къ порядку; потому что представленное Евноміемъ изреченіе достаточно, думаю, объяснено въ сказанномъ, какъ противорѣчащее не только истинѣ, но и самому себѣ. Ибо если по словамъ еретиковъ наименованіемъ: Сынъ устанавливается естественное отношеніе Сына къ Отцу, рожденія къ родшему, такъ какъ, по какой-то грамматической вольности въ словѣ, мудрость ихъ выраженія, означающія естество Божіе, легко преобразуетъ въ видъ именъ: то никто уже не усумнится, что взаимное отношеніе именъ, естественно составившееся, дѣлается доказательствомъ ихъ близости, лучше же сказать, тожества по сущности. Но слово наше да не извращаетъ реченія противоположнаго, чтобы не показалось, будто бы ученіе благочестія почерпаетъ силу въ одномъ безсиліи противоборствующихъ, а не въ себѣ самомъ наипаче имѣетъ силу. Поэтому, сколько можно, усильнѣйшею защитою пусть будетъ съ нашей стороны подкрѣплено ими противопоставленное намъ слово, чтобы превосходство силы могло быть дознано изъ великой увѣренности, когда и опущенное противниками употребимъ въ дѣло при точномъ испытаніи истины. Ибо утвердившійся въ противномъ мнѣніи, можетъ быть, скажетъ, что на-

званія: Сынъ и рожденіе, конечно, не доказываютъ непременно естественнаго сродства. И въ Писаніи называется иный *чадомъ ильва* (Еф. 2, 31.), *сыномъ погибели* (2 Сол. 2, 3.), рожденіемъ ехидны (Матѳ. 3, 7.), и въ такихъ наименованіяхъ не видно еще какой либо общности естества. Ибо не одно и тоже въ подлежащемъ Іуда, названный сыномъ погибели, и самая, по умопредставленію, погибель; иное означаетъ словомъ: Іуда, и иное словомъ: погибель. Подобно сему такое же доказательство найдетъ себѣ рѣчь и отъ противнаго. Ибо называемые сынами какаго-то свѣта и сынами дня въ отношеніи къ естеству не одно и тоже съ свѣтомъ и съ днемъ; и камни содѣлываются чадами Авраама (Лук. 3, 8.), когда вѣрою и дѣлами усвояютъ себѣ сродство съ нимъ; и *Духомъ Божиимъ водимые*, какъ говоритъ апостоль, называются *сынове Божіи* (Римл. 8, 14.), не будучи однимъ и тѣмъ же съ Богомъ по естеству. И много подобнаго собрать можно въ богодухновенномъ Писаніи, чѣмъ прикрывшись, обольщеніе, подобно какой-то картинѣ, иснещренной свидѣтельствами Писанія, ложно представляетъ изъ себя образъ истины.

6. Итакъ что же скажемъ на это мы? Божественное Писаніе умѣетъ въ обоихъ значеніяхъ употреблять реченіе: сынъ, такъ что у иныхъ наименованіе сіе отъ естества, а иными

оно приобрѣтено и усвоено. Когда Писаніе говоритъ о сынахъ человѣческихъ и сынахъ овнихъ, означаетъ отношеніе по сущности рожденнаго къ тому, къмъ онъ рожденъ. Когда же называетъ сынами силы или чадами Божиими, представляетъ близкое средство состоявшееся по произволенію. И даже въ противоположномъ смыслѣ одни и тѣже наименованы и *сынове Или* и *сынове погибельни* (1 Цар. 2, 12.), такъ какъ названіе сыновей весьма сообразно было съ каждымъ изъ сихъ понятій. Названіе: *сынове Или* свидѣтельствовало объ естественномъ ихъ родствѣ съ Илиемъ; а наименованіемъ: *сынове погибельни* обвиняемы они были въ дурномъ произволеніи, въ томъ, что не отцу соревновали въ жизни, но произволеніе свое сроднили съ порокомъ. Посему въ отношеніи къ дольному естеству и къ дѣламъ нашимъ, по одинаковой склонности челоуѣчества къ тому и другому, разумью къ пороку и къ добродѣтели, отъ насъ зависитъ сдѣлаться сынами или ночи, или дня, между тѣмъ какъ природа наша относительно къ главному въ ней остается въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. И сдѣлавшійся чадомъ гнѣва за свою порочность не сталъ чуждымъ челоуѣческаго рожденія, и по произволенію сроднившій себя съ добромъ благопристойностію своихъ поступковъ не отвергъ того, что происходитъ отъ людей. Напротивъ того природа

остаётся тою же въ томъ и другомъ, но разности въ произволеніяхъ пріемлютъ на себя свойственныя тому именованія; одни за добродѣтель дѣлаются чадами Божиими, другіе за порочность—чадами противника.

Въ разсужденіи же божественныхъ догматовъ сохраняющей естественный порядокъ, Евномій (употребляю собственныя реченія сочинителя), оставаясь на читанномъ выше, и Рожденнаго не переставая называть рожденіемъ, потому что, по словамъ Евномія, рождена самая сущность, и именованіе: сынъ, усвоетъ себѣ такое отношеніе имень, почему дѣлаетъ Рожденнаго чуждымъ сродства съ Родшимъ по сущности? Ибо объ именуемыхъ сынами или порожденіями въ обвиненіе, или еще о тѣхъ, кому таковыми наименованіями сопровождается какая либо похвала, нельзя сказать, что такой-то называется чадомъ гнѣва, потому что дѣйствительно рождень гнѣвомъ; или также, что своею матерью по тѣлу имѣлъ свѣтлость дня и потому наименованъ ея сыномъ; напротивъ того разность произволеній производитъ имена такового родства. Здѣсь же Евномій говоритъ: рожденнаго, дѣйствительнаго сына не отказываемся наименовать рожденіемъ; потому что, по словамъ его, «рождена сущность, и названіе: сынъ, усвоетъ себѣ такое отношеніе имень». Итакъ, если признаетъ, что Сынъ, какъ дѣйствительное рожденіе, усвоетъ себѣ такое

отношеніе именъ: то имѣеть ли какой поводъ подобную причину наименованій прилагать къ называемымъ въ смыслѣ переносномъ, по несобственному словоупотребленію, и тамъ, гдѣ, какъ говоритъ Евномій, естественное отношеніе присвоеть себѣ таковое названіе? Итакъ дѣйствительно возможно этому подобное въ разсужденіи тѣхъ однихъ, у кого естество сопредѣльно и добродѣтели и пороку, отъ чего иный не рѣдко принимаетъ на себя противоположныя именования, дѣлаясь чадомъ то свѣта, то опять тмы, по сродненію своему съ хорощимъ, или съ противоположнымъ тому. А гдѣ не имѣеть мѣста противоположное, тамъ никто не скажетъ, что реченіе: сынъ употребляется въ переносномъ смыслѣ, какъ и о томъ, чему названіе это усвоется по произволению. Ибо не дойдетъ до того, чтобы сказать: какъ чловѣкъ, отложившій дѣла темныя, въ слѣдствіе благообразной жизни дѣлается чадомъ свѣта: такъ и единородный Богъ за перемѣну изъ худшаго воспріемлетъ предпочтительнѣйшее. Ибо кто, будучи чловѣкомъ, дѣлается сыномъ Божиимъ, тотъ посредствомъ духовнаго рожденія вступаетъ въ единеніе со Христомъ; а кто самъ собою дѣлаеть чловѣка сыномъ Божиимъ, тотъ самъ не имѣеть нужды въ иномъ сынѣ, дарующемъ Ему сыноположеніе; но что Онъ есть по естеству, тѣмъ и именуется. Чловѣкъ самъ себя измѣняетъ, изъ ветхаго

превращаясь въ новаго; Богу же во что превратиться, чтобы пріобрѣсть, чего не имѣеть? Человѣкъ, совлекаясь себя самаго, облекается въ естество божественное; а Кто всегда одинаковъ, Тому что отложить, или что воспріять? Человѣкъ дѣлается сыномъ Божиимъ, воспріавъ, чего не имѣеть, и отложивъ, что имѣеть; но Кто никогда не имѣлъ порока, Тому нечего ни воспріять, ни оставить. Еще человѣкъ можетъ быть названъ чѣмъ либо сыномъ, иногда дѣйствительнымъ, когда называетъ его кто, смотря на естество, иногда по неточному словоупотребленію, когда произволеніе жизни налагаетъ на него имя. Но Богъ, какъ единое благо, въ простомъ и несложномъ естествѣ, имѣеть всегда одну и ту же цѣль и никогда не измѣняется въ стремленіяхъ своего произволенія; но всегда хочетъ тѣмъ быть, что Онъ есть, и всегда есть то самое, чѣмъ хочетъ быть. Въ слѣдствіе сего въ собственномъ смыслѣ и дѣйствительно именуется Сыномъ Божиимъ по тому и по другому, и по тому, что естество въ Себѣ самомъ имѣеть благо, и по тому, что произволеніе не отступаетъ отъ лучшаго: а посему и названіе сіе придается ему не по неточному словоупотребленію. Слѣдовательно и возраженіе, какое сдѣлали мы сами себѣ отъ лица противниковъ о сродствѣ по естеству, и ими будто бы произносимое на основаніи Писанія, никакого не имѣеть мѣста.

Но не знаю, почему, или за что, ненавидя истину, и отвращаясь отъ нея, хотя именуютъ Единороднаго Сыномъ, однакоже, какъ будто симъ реченіемъ не можетъ быть засвидѣтельствовано, что имѣеть съ Отцемъ общее по сущности, и лишая слово значенія, заключающагося въ имени, оставляютъ Единородному пустое и ничего незначащее именованіе Сына, уступая Ему одинъ звукъ реченія. И что говорю это справедливо, и не ошибаюсь въ намѣреніи противниковъ, сіе ясно можно дознать изъ того самаго, что противопоставляютъ истинѣ. Ибо вотъ что представляютъ они въ сложеніе хулы: узнали мы изъ божественнаго Писанія много именъ Единороднаго, каковы: камень (*λίθος*, 1 Пет. 2, 7.), сѣкира (Матѳ. 3, 10.), камень (*πέτρα* 1 Кор. 10, 4.), основаніе (1 Кор. 3, 10.), хлѣбъ (1 Кор. 10, 17.), виноградная лоза (Іоан. 15, 1.), дверь (Іоан. 10, 9.), путь (Матѳ. 7, 14.), пастырь (Іоан. 10, 11.), источникъ (Іоан. 4, 14.), древо, воскресеніе (Іоан. 11, 25.), учитель (Матѳ. 23, 8.), свѣтъ (Іоан. 1, 4.), и многія иныя имъ подобныя; но ни одного изъ сихъ именъ, взятаго въ его значеніи, представляющемся съ перваго взгляда, не будетъ благочестиво употреблять, разумѣя о Господѣ; ибо весьма нелѣпо было бы думать, что безплотное, невещественное, простое, не имѣющее вида можетъ быть изображено какими либо видимо представляемыми значеніями

именъ, такъ что, услышавъ о сѣкирѣ, не же-
 лѣзо опредѣленнаго вида представляемъ, или
 не разлитый въ воздухъ свѣтъ, или не вино-
 градную лозу среди вѣтвей растенія, или иное
 чтó, какъ предлагаетъ представлять себѣ обы-
 чай, напротивъ же того значенія этихъ именъ
 перенося на боголѣпнѣйшее, хотя такъ имену-
 емъ, но представляемъ себѣ нѣчто иное, не
 потому, что дѣйствительно таково что либо
 изъ этого относительно къ естеству, но потому
 что, хотя и называется это, однакоже разумѣ-
 мое есть нѣчто иное съ называемымъ. Если
 же таковы имена, и они дѣйствительно при-
 даются едиnorodному Богу, и не заключаютъ
 въ себѣ указанія на естество: то слѣдуетъ,
 говорятъ еретики, и значеніе именованія: сынъ,
 не принимать, согласно съ преобладающимъ
 обычаемъ, въ показаніе естества, но искать въ
 этомъ словѣ какого либо другаго значенія,
 кромѣ общаго и представляющагося съ перваго
 взгляда. Такъ и подобно сему любомудрству-
 ютъ они для доказательства, что Сынъ не то,
 чтó Онъ есть и чѣмъ именуется. Но къ иному
 близка была наша рѣчь, и именно готова была
 доказать, что новое сочиненіе Евномія живо
 и несостоятельно, несогласно ни съ истиною,
 ни само съ собою. Но поелику тѣмъ самымъ,
 чѣмъ обвиняемъ ихъ ученіе, внесена въ рѣчь
 какъ бы нѣкая защита хулы: то хорошо будетъ
 сначала кратко разсудить объ этомъ, а потомъ
 уже возвратиться къ порядку написаннаго.

7. Посему, что же сказавъ на подобное сему, можно не погрѣшить противъ надлежащаго? То, что именъ, которыя Писаніе придаетъ Единородному, какъ и они говорятъ, много; но ни одно изъ прочихъ именъ, какъ утверждаемъ, не сродно такъ по отношенію къ Родшему. Ибо не въ томъ отношеніи къ Богу всяческихъ называемъ какъ Сыномъ Отца, такъ или камнемъ, или воскресеніемъ, или пастыремъ, или свѣтомъ, или чѣмъ либо инымъ. Напротивъ того какъ бы съ нѣкимъ искусствомъ и правиломъ Божескія имена по ихъ значенію дѣлать должно на двѣ части. Ибо одни содержатъ въ себѣ указаніе высокой и неизреченной славы, а другія указываютъ на многообразность промыслительнаго домостроительства, такъ что предположительно, если бы не было пользующихся благодѣянїями, то не приличны были бы въ этомъ случаѣ и сіи реченїя, указующія на благодѣаніе. Тѣже реченїя, которыя выражаютъ боголѣпное, и безъ отношенїя къ состоящимъ подъ домостроительствомъ съ полнымъ приличіемъ, и въ собственномъ смыслѣ, придаются Единородному Богу. Но чтобы въ большей ясности раскрылось намъ таковое ученіе, бросимъ взглядъ на самыя имена. Господь наименованъ виноградною лозою не ради чего инаго, какъ ради возвращенїя въ Немъ укорененныхъ; не именовался бы пастыремъ, если бы не гибли овцы дома

Израилева; и врачомъ названъ не ради чего, какъ ради болящихъ; не принялъ бы на Себя и прочихъ именъ, если бы по нѣкоей промыслительной дѣятельности не присвоилъ Себѣ сихъ реченій къ пользѣ благодѣтельствуемыхъ. Ибо должно ли, говоря о каждомъ реченіи отдѣльно, дить рѣчь о томъ, что признается всѣми? Сыномъ же, десницею, Единороднымъ, Словомъ, Премудростію, силою, и всякимъ подобнымъ реченіемъ, какимъ нарицаемъ, имѣя что либо въ виду, нарицается какъ бы въ нѣкоемъ относительномъ сопряженіи съ Отцемъ всѣхъ, съ Нимъ вмѣстѣ именуемый. Ибо именуется силою Божіею, десницею Божіею, Премудростію Божіею, Сыномъ Отчимъ, Единороднымъ, Словомъ у Бога, и подобными сему именами. Поэтому слѣдуетъ видѣть соответственное и приличное подлежащему значеніе каждаго изъ сказанныхъ именъ, чтобы уклоненіемъ отъ праваго разумѣнія не погрѣшить намъ въ ученіи благочестія. Посему, какъ въ другихъ именахъ, перелагая каждое изъ нихъ въ что либо боголѣпное, отместемъ первоначальное о нихъ понятіе, такъ что и свѣтъ разумѣемъ не какой либо вещественный, и путь не ногами протоптанный, и хлѣбъ не изъ земли произращенный, и Слово, не изъ реченій составленное, напротивъ того вмѣсто сего разумѣемъ все то, что представляетъ величіе силы Слова Божія: такъ, если кто отри-

нетъ обычное и естественное значеніе слова. Сынъ, изъ котораго дознаемъ, что Именуемый изъ сущности Родшаго, то, конечно, предложитъ имя сіе въ какое либо боголѣпнѣе толкуемое. Ибо какъ дѣлаемое предложеніе всякаго инаго имени въ другое славнѣйшее служило къ показанію Божеской силы; такъ, конечно, слѣдуетъ и означаемому симъ именемъ прелататься въ болѣе возвышенное. Посему какой же долженъ боголѣпнѣйшій смыслъ заключаться въ наименованіи Сыномъ, если, по ученію противниковъ, отринуто будетъ естественное отношеніе къ Родшему? Ибо, можетъ быть, никто не будетъ столько дерзокъ на нечестіе, чтобы въ понятіяхъ о Божіемъ естествѣ низкое и по землѣ пресмыкающееся почестъ болѣе приличнымъ, нежели возвышенное и великое. Посему, если находятъ какой либо болѣе величественный смыслъ сего имени, такъ что кажется имъ недостойнымъ Единороднаго представлять себѣ о Немъ, что Онъ отъ Отчаго естества: то пусть скажутъ, знаютъ ли они, по невыразимой своей мудрости, что либо высшее Отчаго естества, чтобы до сего превознести Единороднаго Бога, поставить Его выше отношенія къ Отцу. Если же величіе Божія естества превышаетъ всякую высоту, и превосходитъ всякую удивительную силу: то остается ли еще какое понятіе, которымъ бы истолкованіе названія: Сынъ возводилось къ

высшему еще смыслу? И такъ, поемлику признаетъ Евномій, что всякое выраженіе, означающее Единороднаго, хотя именованіе сіе берется изъ дошняго обычая, въ понятіяхъ преложенное въ высшее значеніе, говорится въ собственномъ смыслѣ; доказывається же, что невозможно найти какаго либо понятія, которое было бы возвышеннѣе именованія Сынъ, представляющаго естественную связь съ Родшимъ: то нѣтъ, думаю, надобности замедлять долѣе на этомъ мѣстѣ, достаточно доказавъ сказаннымъ, что не надлежитъ толковать по подобію прочихъ именъ и наименованіе Сынъ.

Но взглядъ свой снова должно обратить намъ на книгу. Не одно и тоже, не отказываться Рожденнаго называть рожденіемъ (ибо употреблять буду собственныя ихъ реченія), потому что сама рожденная сущность и наименованіе Сыномъ присвояютъ себѣ таковое отношеніе именъ; и еще естественныя именованія прелагать въ переносныя замѣненія, такъ что выходитъ одно изъ двухъ, или первый рядъ доказательствъ у нихъ распадается, и напрасно прибѣгаютъ къ естественному чину въ подтвержденіе того, что Рожденнаго должно называть рожденіемъ, или если утверждается это по надлежащему, разрушится другое основаніе доказаннаго прежде. Ибо именуемому у нихъ рожденіемъ, по тому что рожденъ, не естественно по сему самому называться про-

изведеніемъ и тварію. Весьма большая разность въ означаемомъ каждымъ изъ сихъ именъ, и съ разсудительностію пользующемуся реченіями надлежитъ употреблять слова, имѣя въ виду подлежащее, чтобы не произошло у насъ слитности понятій, когда одни реченія измѣнять станемъ въ другія, несвойственныя ихъ значенію. Посему дѣломъ художника именуемъ произведенное искусствомъ, а сыномъ чело-вѣка называемъ рожденнаго чело-вѣкомъ. Но никто изъ здравомыслящихъ не назоветъ дѣла сыномъ, ни сына дѣломъ: ибо сливающему и смѣшивающему истинное значеніе въ погрѣшительномъ употребленіи именъ свойственно это. По сему одно изъ сихъ двухъ понятій по необходимости справедливо въ разсужденіи Единороднаго. Если Онъ Сынъ, то не можетъ называться тварію; а если одинъ изъ тварей, то чуждо Ему названіе Сына; какъ и небо, и земля, и море, и каждая по порядку тварь не пріемлетъ на себя имени: сынъ. А поелику Евномій свидѣтельствуемъ, что Единородный Богъ рожденъ, свидѣтельство же враговъ сильнѣе другихъ въ утверженіи истины; то сказавъ, что Онъ рожденъ, симъ самымъ засвидѣтельствовалъ, что не сотворенъ. Но о семъ довольно. Поелику много притекаетъ у насъ рѣчей, то чтобы множество ихъ не дошло до безмѣрности, удовольствуемся сказаннымъ о предложенномъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

1. Четвертая книга содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о происхожденіи слова: порожденіе, и о безстрастномъ рожденіи Единороднаго; ясно истолковываетъ сказанное: *въ началѣ бы Слово* (Іоан. 1, 1.), и еще рожденіе отъ Дѣвы.

2. Послѣ сего, обличивъ Евномія, что имъ объ Единородномъ сказано приличное земному существу, показываетъ намѣреніе его доказать, что Единородный измѣняемъ и сотворенъ.

3. Потомъ чудесно излагаетъ еще понятіе о Первородномъ, четырекратно упомянутое апостоломъ.

4. Послѣ этого излагаетъ опять безстрастіе Господня рожденія и неразуміе Евномія, какъ онъ сказалъ, что рожденной сущности при-

надлежитъ названіе: Сынъ, и опять забывается сіе, и отрицаетъ отношеніе Сына къ Отцу; между этимъ идетъ рѣчь о Цирцеѣ и о врачевствѣ: Мандрагоры.

5. Еще доказываетъ, что Евномій, вынужденный истинною, дѣлается защитникомъ права догмата исповѣдующимъ въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ именуемою и первою сущность не только Отца, но и Единороднаго.

6. Потомъ входитъ въ разсужденіе о рожденномъ, о произведеніи, и о твари, и показываетъ у Евномія и Θεогноста нечестиво сказанное о непосредственности и недѣлимости сущности и объ отношеніи къ Сотворшему и произведшему.

7. При семъ показываетъ, что приведенное въ бытіе послѣ Сына съ Нимъ несравнимо, явственно и искусно обличаетъ скрытное идолопоклонство, злонамѣренно придуманное Евноміемъ къ обольщенію слушающихъ именованіемъ Единороднаго Сына.

8. А послѣ сего доказываетъ, что сущность Отца и Сына не измѣняема; при чемъ объясняетъ многіе виды различія и согласія, а также образъ, и печать, и отличительное свойство.

9. Послѣ этого, объяснивъ реченія: сущность и рожденіе, Евномія суесловіе и пустословіе называетъ похожимъ на гремушку. За симъ сказанное великимъ Василиемъ о рожден-

ніи Единороднаго, и подвергнутое худому отзыву Евноміемъ, представивъ въ ясномъ видѣ, заключаетъ тѣмъ слово.

1. Полезно будетъ изслѣдовать происхожденіе слова: порожденіе, съ такимъ любомудріемъ тщательно изложенное въ сочиненіи Евномія. Итакъ, говоритъ Евномій (передаю буквально изукрашенное имъ слово противъ истины): «кто столько нерадивъ и такъ мало вникалъ въ естество существъ, что о тѣлахъ, которыя изслѣдуются на землѣ, когда рождаются и рождаются, дѣйствуютъ и страждутъ, не знаетъ, что раждающія передаютъ собственную сущность, а раждаемыя воспріемлютъ обыкновенно сію сущность: посему, такъ какъ вещественная причина общая, и отвиѣ притекаетъ содѣйствіе, и раждаемое рождается по страсти, и рождающее по естеству не имѣетъ чистой дѣятельности, потому что естество сопряжено со страстями всякаго рода». Смотрите, какъ благоприлично представляетъ въ своемъ взглядѣ предвѣчное рожденіе сущаго въ началѣ Бога Слова, со тщательностію обозрѣвающей естество существъ, тѣла на землѣ и вещественную причину, и страсть раждающихъ и раждаемыхъ, и все подобное тому, чего инъій изъ имѣющихъ умъ постыдился бы, если бы говорилось сіе и о насъ, въ словѣ выставлялось на позоръ

наше страстное естество. Но блистательно подобное разсужденіе писателя объ естествѣ едиnorodнаго Бога! А мы, отложивъ въ сторону негодованіе (вбо стenanіе поможетъ ли намъ сколько нибудь къ низложенію злобы враговъ?), сколько будемъ въ силахъ, раскроемъ смыслъ сказаннаго.

На какое рожденіе предлежитъ взгляды, на рожденіе ли, происходящее по плоти, или на рожденіе едиnorodнаго Бога? Поелику взгляды двоякій и на жизнь Божественную, простую и невещественную, и на существо вещественное и страстное, и въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ равно о рожденіи; то необходимо сдѣлать ясное и неслитное опредѣленіе означаемаго, чтобы подобоименность слова: рожденіе не превратила истины въ ложь. Посему такъ какъ плотское вступленіе въ бытіе есть какое-то вещественное, и сопровождается страстями; а безплотное, не осязаемое, не имѣющее вида, свободное отъ вещественнаго смѣшенія, чуждо всякаго страстнаго расположенія: то надлежитъ разсмотрѣть, о какомъ рожденіи былъ вопросъ, о чистомъ ли и Божественномъ, или о страстномъ и нечистомъ. Но никто не станетъ спорить, что обзорнію слова предлежало предвѣчное осуществленіе едиnorodнаго Бога. Посему для чего же Евномій останавливается на семъ тѣлесномъ естествословіи, украшая слово мерзостями, оскверняя естество, и описывая

страсти, дѣйствующія при человѣческомъ рожденіи, а между тѣмъ оставляя подлежащій ему предметъ? Нужно намъ было изучить не это скотское, при посредствѣ плоти совершаемое, рожденіе. И кто столько простъ, что, смотря на самага себя, и разумѣя въ себѣ человѣческое, станетъ искать инаго объясненія своему естеству, и возымѣетъ нужду дознать всѣ тѣ необходимыя страданія, какія усматриваются при рожденіи тѣла; потому что, хотя раждаетъ кто иначе, однакоже и иначе раждаемое бываетъ въ страданіи, такъ что изъ сего ученія человѣкъ дознаетъ, что и самъ раждаетъ съ страданіемъ, и страданіе началось у него съ рожденія? Ибо умолчано ли это, или сказано, слѣдствіе одно и то же; напишетъ ли кто, разглашая сокровенное, или прикроетъ молчаніемъ, о чемъ не должно говорить, не остаемся въ невѣдѣніи, что естество наше происходитъ путемъ страданій. Но мы домогаемся, чтобы объяснило намъ слово то возвышенное и неизреченное осуществленіе Единороднаго, какимъ, какъ вѣруемъ, Онъ отъ Отца.

Итакъ изслѣдованію подлежитъ это, и новый богословъ предлагаетъ въ словѣ и теченіи, и страданіи, и вещественную причину, и какое-то дѣйствованіе, не очищенное отъ скверны, и содѣйствіе, притекающее отъ нѣ, и все тому подобное. Не знаю, въ какомъ состояніи по

преизбытку мудрости утверждающій о себѣ, что въ его вѣдѣнія не остается ничего не постижимаго, и общающій объяснить неизреченное рожденіе Сына, отступивъ отъ предположеннаго, подобно угрю, погружается въ грязную тину помысловъ, по примѣру онаго ночью приходившаго Никодима, который, когда Господь училъ о рожденіи свыше, увлекался помыслами въ нѣдра матерняго чрева, и недоумѣвалъ, какъ можно. въ другой разъ быть опять внутри ложеснѣ, говоря: какъ можетъ быть сіе? Думая, что старцу невозможно быть снова зачатымъ въ матерней утробѣ, духовное рожденіе обличалъ въ несостоятельности. Но погрѣшительное мнѣніе Никодима исправляетъ Господь, говоря, что свойства плоти и духа не должны быть смѣшиваемы. Пусть и Евномій, если угодно, исправится въ подобныхъ мысляхъ. Ибо думаю, что заботящемуся объ истинѣ должно разсматривать предложенное въ свойственномъ ему, а не по сужденію о вещественномъ клеветать и на невещественное. Ибо, если человѣкъ, или вошь, или другое чтó изъ раждаемаго по плоти, нечисто отъ страстей, когда рождаетъ или рождается; то сіе значить ли чтó для естества безстрастнаго и чистаго? Тѣмъ, что мы смертны, не отвергается безсмертіе Единороднаго; удобопревртностію людей въ порокъ не подвергается сомнѣнію непревратность естества Божественнаго; и ничто

другое свойственное намъ не переносится и на Бога. Напротивъ того особенныя свойства человѣческой и Божественной жизни суть нѣчто несмѣшиваемое и несообщимое, и отличительныя свойства во всемъ различны, такъ что ни человѣческія не заключаются въ божественномъ, ни обратно божественныя въ человѣческомъ.

Итакъ почему же Евномій, когда предположено говорить о Божественномъ рожденіи, оставивъ предположенное, описываетъ земное, хотя о семъ нѣтъ у насъ съ нимъ нималаго спора? Но цѣль искусника очевидна—оухужденіемъ за страсть уничтожить рожденіе Господа. И въ этомъ, не говоря о хулѣ, дивлюсь тонкости ума въ человѣкѣ, какъ помнить, о чемъ у него забота, и сказаннымъ прежде приводя къ заключенію, что Сыну должно быть и называться рожденіемъ, теперь спорить, что рожденія о Сынѣ и представлять себѣ не надлежитъ. Ибо если всякое рожденіе, какъ думаетъ Евномій, тѣсно связано съ страстнымъ расположеніемъ; то по всей необходимости въ слѣдствіе сего признается, что чуждое страданію вмѣстѣ съ тѣмъ непременно чуждо и рожденію. Если и страданіе и рожденіе представляются въ мысли соединенными между собою, то непричастный одного изъ нихъ не можетъ имѣть общенія съ другимъ. Посему какъ же въ слѣдствіе рожденія называетъ порожденіемъ Того, о Комъ, на основаніи ска-

заннаго теперь, самимъ же доказано, что Онъ не рожденъ? Изъ за чего же Евномій спорить съ нашимъ учителемъ (а), который совѣтуетъ не осмѣливаться на составленіе именъ въ Божественныхъ догматахъ, но хотя признавать, что Сынъ рожденъ, понятіе сего однакоже не превращать въ видъ имени, такъ чтобы рожденнаго называть порожденіемъ, такъ какъ слово сіе въ Писаніи употребляется собственно о вещахъ неодушевленныхъ, или взятыхъ въ образъ злости? Но когда гѣворится у насъ, что слово: порожденіе должно быть умалчиваемо, Евномій употребляетъ въ дѣло неодолимую оную реторику, взявъ въ споборничество и грамматическую холодность рѣчи, и съ помощію искусственнаго или производства, или подбора именъ, или, не зная, какъ прилично назвать сіе должно, дѣлаетъ изъ сего умозаключенія, не запрещаая Рожденнаго называть порожденіемъ. Когда же, принявъ это, подвергнемъ разсмотрѣнію понятіе имени, чтобы доказывать изъ сего общность сущности; опять беретъ именованія въ особенномъ смыслѣ, и утверждаетъ, что порожденіе не рождено, срамнымъ естествословіемъ тѣлеснаго рожденія уничижая чистое, божественное и безстрастное рожденіе Господа, какъ будто въ Богѣ не возможно сойдтись вмѣстѣ тому и другому,

(а) Василиемъ Великимъ.

и истинному рожденію отъ Отца, и безстрастію естества; напротивъ того, если рожденіе безстрастно, то не будетъ сіе рожденіемъ; если же кто признасть оное истиннымъ, то вмѣстѣ съ рожденіемъ допускается непременно и страданіе.

Не такъ таинство богословія проповѣдуетъ возвышенный Іоаннъ, не такъ этотъ громовый гласъ, который и Сыномъ называетъ Божіимъ, и проповѣдь очищаетъ отъ всякой страстной мысли. Ибо вотъ какъ предуготовляетъ слухъ въ началѣ Евангелія! Сколько предупредительности въ учителѣ, чтобы кто либо изъ слушающихъ не впалъ въ низкія мысли, и по невѣжеству не поползнулся въ какія либо нелѣпыя предположенія! Чтобы не приобученный слухъ, сколько можно, далѣе отвести отъ понятія: страсть, не упомянулъ онъ въ началѣ ни Сына, ни Отца, ни рожденія, съ тою цѣлю, чтобы кто, въ первыхъ словахъ, или услышавъ объ Отцѣ, не увлекся ближайшимъ значеніемъ имени, или дознавъ о проповѣдуемомъ Сынѣ, не понялъ имени по здѣшнему обычаю, или не палъ при словѣ: рожденіе, какъ при камнѣ преткновенія. Но вмѣсто Отца именуетъ *начало*, вмѣсто родился—*бъ*, вмѣсто Сына—*Слово*, и говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.). Скажи мнѣ, какая страсть въ сихъ реченіяхъ: *бѣ*, и *Слово*? страсть ли—*начало*? въ страсти ли *бѣ*? отъ страсти

ли Слово? Или, поелику нѣтъ страсти въ сказанномъ, то не выражается проповѣдію и родственнаго? Впрочемъ какъ же иначе, а не сими реченіями, выразится лучше общность и близость сущности и совѣчность Слова съ Началомъ? Іоаннъ не сказалъ: отъ Начала родилось Слово, чтобы понятіемъ какого либо протяженія не разъединить Слова съ Началомъ; но проповѣдалъ о Слово́ совокупно съ Началомъ, вообще сказавъ о Началѣ и о Слово́: *бъ*, чтобы Слово не опоздало противъ Начала, но коснулось слуха проповѣдію прежде, нежели принято имъ одно начало, войдя съ вѣрою въ начало. Потомъ говоритъ: *и Слово бѣ у Бога*. Еще убоялся евангелистъ нашей неопытности; еще боится нашего младенчества и невѣжества, еще не ввѣряетъ слуху названія: Отецъ, чтобы кто изъ болѣе плотскихъ, узнавъ объ Отцѣ, въ слѣдъ за симъ не вообразилъ мысленно и о матери. Но не именуетъ еще въ проповѣди и Сына; потому что подозрѣваетъ еще въ насъ привычку къ дольному естеству, чтобы иный, услышавъ о Сынѣ, и божественнаго не превратилъ въ человѣческое по страстному образу мыслей. Посему-то евангелистъ, продолжая проповѣдь, опять наименовалъ Слово, такъ естествослова о семъ тебѣ невѣрному: какъ твое слово является изъ ума, и не требуетъ въ посредство страсти: такъ и тамъ, услышавъ Слово, ни чьей не примѣ-

тишь страсти. Посему-то Иоаннъ, возобновляя опять проповѣдь, говорить: *и Слово бѣ у Бога*. О, какъ съ Богомъ соразмѣряетъ Слово! Лучше сказать, какъ съ Безпредѣльнымъ распрости-
раетъ безпредѣльное! *Слово бѣ у Бога*, у всецѣлаго Бога, конечно, всецѣлое Слово. Посему сколько неизмѣримъ Богъ, столько же именно неизмѣримо и Слово сущее у Него; а если объемлетъ предѣлами Богъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ предѣлъ и Слово. Если же безпредѣльность Божія престоупаетъ предѣлъ, то и Слово, умопредставляемое у Бога, не объемлется предѣлами и мѣрами. Ибо никто не скажетъ, что не во всемъ Божествѣ Отца умопредставляется Слово, такъ что въ Богѣ иное будетъ съ Словомъ, а другое окажется лишеннымъ Слова. Снова отеческій слышенъ гласъ Иоанна, снова евангелистъ напоеваетъ проповѣдію слухъ младенчествующихъ; при первыхъ звукахъ не возрали еще мы до того, чтобы, услышавъ слово: Сынъ, не поползнуться намъ, увлекшись обычнымъ значеніемъ. Посему-то проповѣдникъ, еще въ третій разъ возобновляя рѣчь, провозгласилъ: Слово, а не Сынъ, сказавъ: *и Богъ бѣ Слово*. Сперва сказавъ, гдѣ *бѣ Слово*, потомъ у Кого *бѣ*, теперь уже скажетъ что Оно такое. Троекратнымъ повтореніемъ достигаетъ цѣли проповѣди. Говоритъ евангелистъ: не какое либо слово, въ обыкновенномъ смыслѣ разумѣемое, но Бога проповѣдую подѣ

наименованіемъ Слова. Сіе-то Слово, Которое было въ началѣ, было у Бога, и было не иное что, кромѣ Бога, но самъ Богъ. И повтореніемъ непрестанно усиливая громогласныя воззванія, проповѣдникъ сказуетъ, что сей есть Богъ открываемый въ проповѣди, сей самый, Кѣмъ *вся быша; и животъ бѣ, и свѣтъ челоувѣкомъ, и свѣтъ истинный во тмѣ сіяющій, и тмою не помрачаемый, во своя приходящій, и своими не приємлемый, содѣлавшійся плотію, и плотію вселившійся въ челоувѣческомъ естествѣ* (Іоан. 1, 3—14.). Перечисливъ все сіе и подобное сему, тогда называетъ Отца и именууетъ Единороднаго, когда уже не было никакой опасности очищенному столькими предвареніями, при значеніи слова: Отецъ, поползнуться въ какое либо нечистое разумѣніе.

Видѣхомъ, сказано; славу Ею, славу яко Единороднаго отъ Отца (Іоан. 1, 14.). Скажи на это евангелисту, скажи, Евномій, сіи мудрыя твои положенія, какъ въ словѣ именуешь Отца, какъ именуешь Единороднаго, когда всякое тѣлесное рожденіе совершается со страстію? Конечно, за него отвѣчаетъ тебѣ истина: иное дѣло—богословское таинство, и иное—естествословіе бранныхъ тѣлъ; великой средою раздѣлены они между собою. Для чего въ соприкосновеніе приводишь словомъ несмѣшиваемое? Для чего нечистымъ словомъ оскверняешь чистоту Божественнаго рожденія? Для

чего тѣлесными страстями объясняешь безтѣлесное? Не по долънему толкуй и о горнемъ. Господь—Сынъ Божій, проповѣдую вамъ. Евангеліе съ небесъ изъ свѣтлаго облака проповѣдало такъ; ибо говоритъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. 3, 17.). Но когда преподано мнѣ, что Онъ Сынъ; тогда симъ именемъ не былъ я увлеченъ къ земнымъ значеніямъ слова: сынъ, напротивъ того знаю, что Онъ родился отъ Отца, но не знаю, чтобы по страсти. Присовокуплю еще къ сказанному и то, что знаю и тѣлесное нѣкое рожденіе, чистое отъ страсти; почему Евноміево естествословіе тѣлеснаго рожденія и въ этомъ уличается, что оно ложно, если найдется только рожденіе тѣла не пріившее страсти. Скажи: правда ли, что *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.), или нѣтъ? Не можешь сказать, что не было. Слѣдовательно *бысть*, и нѣтъ отрицающаго это. Посему какъ *Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16.)? Конечно, скажешь: въ рожденіи. Какое же припомнивъ рожденіе? Очевидно, припомнивъ рожденіе отъ Дѣвы, и припомнивъ, что *рождавшаяся въ ней было отъ Духа Свята* (Матѳ. 1, 20.), и что, когда исполнились дни родить ей, родила, и тѣмъ не менѣе въ рожденіи сохранилась нерастлѣнность. Потомъ, что рожденіе со стороны жены чисто отъ страсти, сему вѣруешь (если только вѣруешь), но рожденія Божественнаго и пречистаго отъ Отца не до-

пускаешь, не умопредставляя при рожденіи и страсти. Но ясно знаю, что не избѣжна въ догматѣ страсть для того, кто, не обращаетъ вниманія на начало въ Божественномъ и пречистомъ естествѣ; напротивъ того, къ отрицанію единороднаго Бога употребивъ въ содѣйственники лицемѣрное опасеніе допустить страсть, доказываетъ то, чтобы Творецъ всей твари признаваемъ былъ частію твари.

2. И это явственно показываетъ въ томъ, чѣмъ снова оспариваетъ сказанное, говоря: «отъ Отца рождена сущность Сына, не въ слѣдствіе растяженія изринутая, не въ слѣдствіе истеченія или отдѣленія отъ естественной связи съ Родшимъ отторгшаяся, не въ слѣдствіе приращенія достигшая совершенства, не въ слѣдствіе измѣненія принявшая на себя образъ, но по одному изволенію Родшаго получившая бытіе». Ибо не всякій ли, у кого не вовсе оглушены чувствилища души, познаетъ изъ этого, что, по доказываемому въ Евноміевыхъ словахъ, Сынъ есть часть твари? Что препятствуетъ все это, отъ слова до слова, сказать и о всякой другой вещи, усматриваемой въ твари? И если угодно, приложимъ рѣчь къ чему либо видимому въ твари; ежели не то же будетъ слѣдствіе, всю рѣчь обратимъ въ осужденіе себѣ самимъ, какъ злонамѣренно, а не съ надлежащею заботливостію объ истинѣ, изслѣдующимъ слово. Посему, измѣнивъ

имя: Сынъ, Евноміеву рѣчь прочитаемъ буквально. Скажемъ: отъ Отца рождена сущность земли, не въ слѣдствіе растяженія или отдѣленія отторгшаяся отъ естественной связи съ Родшимъ, не въ слѣдствіе приращенія достигшая совершенства, не въ слѣдствіе измѣненія изринутая, но по единому изволенію Родшаго получившая бытіе. Есть ли въ сказанномъ какая несообразность съ существомъ земли? Никто, думаю, не скажетъ, что есть; потому что Богъ не въ слѣдствіе растяженія изринуть землю, не источивъ, илиотдѣливъ Себя самаго отъ связи съ Собою, составилъ сущность земли, не постепеннымъ возвращеніемъ изъ малаго въ великое довелъ до совершенства, не какому либо подвергнувъ Себя превращенію и измѣненію, преобразился въ видъ земли, но изволенія достаточно Ему было для составленія сущности Имъ произведеннаго. Ибо *Той рече, и быша* (Пса. 32, 2.); такъ что имя: рожденіе не разногласитъ съ выраженіемъ: составленіе земли. Посему, если можно справедливо сказать сіе о частяхъ міра, то какое еще остается сомнѣніе объ ученіи противниковъ? А именно, что, именуя на словахъ Сыномъ, доказываютъ, что Онъ одинъ изъ приведенныхъ въ бытіе твореніемъ, преимуществуетъ предъ другими тварями однимъ старшинствомъ въ порядкѣ происхожденія; какъ можно сказать и о кузницѣ, что всѣ ея произведенія изъ желѣза, но

производству прочихъ предшествуютъ орудія: щипцы и молотъ, которыми желѣзо обдѣлывается, смотря по потребности. Но потому только, что орудіе предшествуетъ произведенію, нѣтъ уже какой либо разности въ веществѣ у обдѣлывающаго орудія и у обдѣлываемаго орудіемъ желѣза. И то и другое желѣзо, но по наружности одно старше другаго.

Таково богословіе ереси о Сынѣ. Евномій думаетъ, что по сущности ни чѣмъ не разнятся и Самъ Господь, и приведенное Имъ въ бытіе, исключая одну разность въ порядкѣ происхожденія. Посему кто же изъ принадлежащихъ, сколько нибудь, къ христіанамъ согласится, что одно и то же достоинство сущности и у частей міра и у Сотворившаго міръ? Ужасаюсь хулы, зная, что у кого одно достоинство, у тѣхъ, конечно, и естество не разное. Какъ у Петра, у Іоанна и у прочихъ людей и достоинство сущности общее, и естество одно, такимъ же образомъ, если Господь по естеству въ равномъ достоинствѣ съ частями міра; то, если примѣтятъ что въ разсужденіи сихъ частей, по необходимости должны признать, что и Господь подлежитъ тому же. Но міръ не навсегда пребудетъ; значить, по миѣнію ихъ, вмѣстѣ съ небомъ и землею преидетъ и Господь, если однороденъ Онъ съ міромъ. А если Его исповѣдуемъ вѣчнымъ, то по всей необходимости признается и міръ не лишен-

нымъ доли въ Божественномъ ествѣ, если только сходенъ съ Единороднымъ, какъ съ тварію. Видишь, куда, по прекрасному этому слѣдствію, стремится слово, подобно какому-то камню, оторвавшемуся отъ вершины горы, и собственною своею тяжестію гонимому по склону. Ибо необходимо или стихіямъ міра оказаться, по еллинской суетности, досточтимыми, или не поклоняться и Сыну. Но посмотримъ на сіе такъ. Мы утверждаемъ, что тварь, и умопостигаемая, и вся принадлежащая къ чувственному еству, приведена въ бытіе изъ ничего; они тоже проповѣдуютъ и о Господѣ. Мы говоримъ, что все существующее Божіею волею приведено въ бытіе; они тоже разглашаютъ и объ Единородномъ. Мы вѣруемъ, что не изъ сущности Сотворшаго — тварь и въ ангельскомъ и въ этомъ мірѣ; они и Его подобно отчуждаютъ отъ Отчей сущности. Мы исповѣдуемъ, что все служебно волѣ Сотворшаго; они понятіе сіе имѣютъ и объ Единородномъ. Посему необходимо и все иное, что только представляютъ себѣ о твари, прилагаютъ и къ Единородному, и чему бы ни повѣрили въ разсужденіи Единороднаго, предполагаютъ сіе и о твари, такъ что, если Господа исповѣдуютъ Богомъ, то обоготворятъ и прочую тварь; и если утверждаютъ, что тварь непричастна Божественнаго ества, не будутъ отрицать того же мнѣнія и объ Единор-

родномъ. Но ни одинъ здравомыслящій не будетъ приписывать божества твари. Не умолятъ ли мнѣ остальнаго, чтобы не употреблять языка на хулу противниковъ? Что, какъ слѣдствіе, присовокупляется къ прежнему, пусть скажутъ тѣ, у кого уста обучены къ хулѣ. Слово же и смалчивающихъ явно. Ибо необходимо будутъ два противныя слѣдствія: или явно отвергнуть едиnorodнаго Бога, утверждая, что у нихъ Его и нѣтъ и не именуется; или, если припишутъ Ему божество, то равно припишутъ оное и всей твари. Или на послѣдокъ,—избѣгая нечестія, обнаруживающагося въ томъ и другомъ, прибѣгнутъ къ благочестивому слову, и безъ сомнѣнія согласятся, что Единородный не сотворенъ, чтобы исповѣдывать, что Онъ дѣйствительно Богъ.

3. Должно ли продолжать рѣчь, повторяя всѣ другія хулы, какія Евномій, въ слѣдствіе сего начала, необходимо помѣстилъ въ словѣ? Ибо кто смотритъ на послѣдствіе, тотъ изъ сказаннаго уразумѣетъ, что отцу жи, виновнику смерти, изобрѣтателю порока, сотворенному естествомъ умнымъ и безплотнымъ, естество сіе не воспрепятствовало по превращеніи стать тѣмъ, что онъ есть. При превратности сущности, свободно движимой туда и сюда, сила естества послѣдуетъ наклонности произвола, такъ что естество дѣлается тѣмъ, къ чему поведетъ его произволь. Поэтому и о

Господѣ полагають, что можетъ принимать въ Себя противоположности, чтобы въ слѣдствіе сотворенія низвести Его до равночестія съ Ангелами. Но пусть выслушаютъ великое слово Павла: какъ говорить, что одинъ Онъ названъ Сыномъ, потому что не ангельскаго, но лучшаго естества? *Кому бо рече когда отъ Ангелъ: Сынъ Мой еси Ты? И егда пакы вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи. И ко Ангеломъ убо глаголетъ: творяй ангелы Своя духи, и слуги Своя оныя палящъ: къ Сыну же: престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости жезлъ царствія Твоего* (Евр. 1, 5—8.). Такъ апостоль продолжаетъ, и что иное послѣ сего изрекло богословствующее пророчество. Присовокупляетъ же относящееся сюда и изъ другаго пѣснопѣнія: *въ началъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса, и все слѣдующее до словъ: Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (10—12), гдѣ описываетъ неизмѣняемость и вѣчность естества. Поэтому, если Божество Единороднаго на столько выше естества ангельскаго, на сколько обладающій разнится отъ рабовъ; то почему обобщають или съ чувственною тварію Господа твари, или съ естествомъ ангельскимъ Того, Кому поклоняются Ангелы? Такъ о способѣ существованія Единороднаго еретики употребляютъ выраженія, которыя въ собственномъ смыслѣ

приличествовать будутъ каждой вещи, усматриваемой въ твари, какъ уже показали мы, что изреченное ересію слово о Господѣ сродно и свойственно устройству земли. Но чтобы въ трудахъ нашихъ не оставалось чего либо сомнительнаго для читающихъ, и то изъ богодухновеннаго Писанія, въ чемъ заключается нѣкоторое оправданіе еретическихъ ученій, достойно будетъ присовокупленія къ изслѣдованному нами.

Ибо на основаніи упомянутыхъ нами апостольскихъ словъ спросятъ, можетъ быть: почему названъ первороднымъ твари, если Онъ не то же, что тварь? Всякій первородный первороденъ не между инородными, но между однородными, какъ Рувимъ, по роженію первенствуя предъ счисляемыми послѣ него, былъ первородный человѣкъ въ числѣ другихъ людей, и многіе другіе называются первородными между счисляемыми вмѣстѣ съ ними братьями. Посему еретики говорятъ: «какою представимъ себѣ сущность всей твари, и о Перворожденномъ ея говоримъ, что Онъ той же сущности. Поэтому, если вся тварь единосущна Отцу всяческихъ, то не отрицаемъ, что таковъ же и Первородный твари. Если же Богъ всяческихъ различенъ отъ твари по сущности, то совершенно необходимо и о Первородномъ твари сказать, что не имѣетъ ничего общаго съ сущностію Божіею». Такова сила возраже-

ція, противопоставляемого нами слову, и оно, думаю, ничѣмъ не ниже того, какое борющимся съ нами и слѣдовало намъ сдѣлать. Но что надлежитъ для сего знать, сколько въ нашихъ силахъ, объяснено теперь будетъ въ словѣ. У апостола во всѣхъ его посланіяхъ четырекратно употреблено имя: первородный, но упоминаніе сего имени дѣлается различно, а не однимъ и тѣмъ же способомъ. Ибо то говоритъ о Первородномъ *всѣя твари* (Кол. 1, 15.); еще сказано о Первородномъ *во многихъ братіяхъ* (Римл. 8, 29.); потомъ о Перворожденномъ *изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.). Въ посланіи же къ Евреямъ имя первородный упомянуто само по себѣ не въ связи съ другими. Ибо говоритъ такъ: *егда же паки вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Его* (Евр. 1, 6.). Такъ раздѣливъ мѣста сіи, хорошо разобрать каждое изъ нихъ само въ себѣ порознь: почему Онъ перворожденъ твари, почему перворожденъ во многихъ братіяхъ, и почему упомянуть безъ каждаго изъ сихъ прибавленій Самъ по себѣ, когда снова вводится во вселенную, и приѣмлетъ поклоненіе отъ всѣхъ своихъ Ангеловъ? Посему, если угодно, разсмотрѣніе предложенныхъ мѣстъ начнемъ съ послѣдняго.

Егда же паки вводитъ Первороднаго во вселенную, говоритъ апостоль. Прибавленіе слова:

паки, по буквальному значенію показываетъ, что происходитъ сіе не въ первый разъ. Ибо такое реченіе употребляемъ о возобновленіи бывшаго уже однажды. Слѣдовательно словомъ симъ означаетъ апостолъ страшное явленіе Единороднаго въ концѣ вѣковъ, когда узрять Его, не въ образѣ раба, но велелѣпно возсѣдающимъ на престолѣ царствія, и приѣмлющимъ поклоненіе отъ всѣхъ окрестъ Его Ангеловъ. Посему единожды Вошедшій во вселенную, ставъ первороднымъ изъ мертвыхъ, въ братіяхъ и всея твари, когда снова войдетъ во вселенную, судя *вселенный въ правду*, какъ говоритъ пророчество (Пса. 9, 9.), не сложитъ съ Себя имени: Первородный, которое единожды принялъ за насъ. Но какъ о имени *Иисусовъ*, еже паче всякаго имени, всяко колѣно поклонится (Фил. 2, 9—10.), такъ и Пришедшему подъ именемъ Первороднаго поклонится полнота всѣхъ Ангеловъ, радующаяся призванію чловѣковъ, какимъ, въ слѣдствіе того, что сдѣлался нашимъ первороднымъ, снова призвалъ опять въ первоначальную благодать. Поелику радость будетъ у Ангеловъ о спасаемыхъ отъ грѣха (потому что она *тварь даже до нынѣ совоздыхаетъ и соболзнуетъ* нашей суетѣ, почитая собственнымъ своимъ ущербомъ нашу гибель), когда послѣдуетъ *откровеніе сыновъ Божіихъ*, котораго за насъ всегда чаютъ и нетерпѣливо ждуть (Римл. 8, 19. 22.),

и когда спасется овца въ горней сотнѣ (овцу же сію составляемъ всѣ мы, все естество человѣческое, и ее-то спасъ благій Пастырь тѣмъ, что сдѣлался Первороднымъ): тогда-то особенно въ усиленномъ благодареніи за насъ совершится поклоненіе Богу, первородствомъ призвавшему удалившагося отъ отческаго дома.

Поелику разумѣемъ сіе такъ, то никто уже да не сомнѣвается о прочемъ, почему дѣлается первороднымъ изъ мертвыхъ, или перворожденнымъ твари, или перворожденнымъ во многихъ братіяхъ. Ибо все сіе клонится къ одной и той жѣ цѣли, хотя въ каждомъ выраженіи выказывается какая нибудь особенная мысль. Первороднымъ изъ мертвыхъ дѣлается, кто первый на Себѣ Самомъ разрѣшилъ болѣзни смерти, чтобы и всѣмъ проложить путь къ рожденію чрезъ воскресеніе. Перворожденнымъ въ братіяхъ дѣлается опять первородившійся въ водѣ новымъ рожденіемъ пакибытія, въ болѣзняхъ котораго оказываетъ помощь пареніе голубя. Посредствомъ онаго участвующихъ съ Нимъ въ подобномъ рожденіи дѣлаетъ Своими братіями, и Самъ дѣлается первороднымъ раждаемыхъ послѣ Него отъ воды и Духа. Короче сказать, поелику три у насъ рожденія, которыми приводится къ жизни естество человѣческое: рожденіе тѣлесное, рожденіе въ таинствѣ пакибытія, и рожденіе въ

ожидаемомъ еще воскресеніи изъ мертвыхъ, то во всѣхъ трехъ дѣлается первороднымъ. Поелику пакибытіе двояко совершается двумя способами: крещеніемъ и вѣскресеніемъ; то Самъ, ставъ вождемъ обоихъ, дѣлается перво-рожденнымъ во плоти, потому что первый и одинъ обновилъ Собою невѣдомое естеству рожденіе отъ Дѣвы, въ чемъ никто не предшествовалъ Ему въ столькихъ родахъ человѣческихъ. Поэтому если понято сіе разумомъ, то не останется неизвѣстнымъ значеніе твари, въ разсужденіи которой Онъ перворожденъ. Ибо знаемъ двоякое твореніе естества нашего: первое, которымъ созданы, и второе, которымъ воссозданы. Но во второмъ твореніи не было бы для насъ потребности, если бы перваго не обратили въ ничто преслушаніемъ. Итакъ, поелику первая тварь обветшала и уничтожена, должна произойти во *Христѣ нова тварь*, какъ говоритъ апостоль (2 Кор. 5, 17.). Ничего обветшавшаго не желаетъ онъ видѣть во второй твари, говоря: *совлекшися ветхаго чловѣка съ дѣянми и похотми его, облещитесь въ новаго, созданнаго по Богу* (Кол. 3, 10. Еф. 4, 24.). И *еще кто во Христѣ*, говоритъ апостоль, *нова тварь: древняя мимодоша, се быша нова* (2 Кор. 5, 17.). Ибо одинъ и тотъ же Творецъ естества чловѣческаго и въ началѣ и въ послѣдствіи. Тогда, взявъ персть отъ земли, сотворилъ чловѣка; и опять, взявъ

персть отъ Дѣвы, не просто сотворилъ чело-
вѣка, но создалъ на Себѣ. Тогда сотворилъ,
а послѣ сего сотворенъ; тогда Слово содѣлало
плоть, а послѣ Слово стало плотію, чтобы пре-
творить въ духъ нашу плоть, сообщившись съ
нами плотію и кровію. По сей-то новой во
Христѣ твари, въ которой Самъ предшество-
валъ, наименованъ первороднымъ, сталъ на-
чаткомъ всѣхъ: и раждаемыхъ въ жизнь, и
мертвыхъ, оживотворяемыхъ воскресеніемъ,
чтобы господствовать надъ мертвыми и жи-
выми, и начаткомъ въ Себѣ соосвятить все
смішеніе. А что не по предвѣчному бытію
придается Сыну имя первороднаго, свидѣтель-
ствуетъ названіе едиnorodнымъ. Ибо дѣйстви-
тельно едиnorodный не имѣетъ братьевъ. Какъ
будетъ едиnorodнымъ признаваемый состоя-
щимъ въ числѣ братьевъ? Но какъ называется
Богомъ и челоѣкомъ, Сыномъ Божиимъ и Сы-
номъ челоѣческимъ, образомъ Божиимъ и зра-
комъ раба, будучи однимъ по дѣйстви-
тельному естеству, и сдѣлавшись другимъ по че-
лоѣколюбивому домостроительству: такъ, бу-
дучи и Едиnorodнымъ Богомъ, дѣлается Пер-
ворожденнымъ всея твари, едиnorodнымъ бу-
дучи въ нѣдрахъ Отчихъ, а перворожденнымъ
твари и дѣлаясь и называясь въ спасаемыхъ
новою тварію. Если же, какъ угодно ереси,
первороднымъ называется потому, что сотво-
ренъ прежде прочей твари, то имя сіе несо-

гласно съ доказаннымъ ими самими объ Единородномъ Богѣ. Ибо не говорятъ того, что Сынъ и все одинаково приведены въ бытіе Отцемъ; но Единороднаго Бога называютъ произведеніемъ Отца, все же иное произведе- ніемъ Единороднаго. Посему на какомъ осно- ваніи уча, что Сынъ сотворенъ, Бога имену- ютъ Отцемъ твари: на томъ же, конечно, основаніи говоря, что все создано Единород- нымъ Богомъ, именуютъ Его не первород- нымъ, но въ болѣе собственномъ смыслѣ Отцемъ созданныхъ Имъ, потому что отноше- ніе обоихъ къ тварямъ одно и то же, а слѣдо- вательно одно производитъ и названіе. Ибо если Сый надъ всѣми Богъ собственной своей твари въ собственномъ смыслѣ называется не первороднымъ, но Отцемъ; то на семъ же, ко- нечно, основаніи и Единородный Богъ въ собственномъ смыслѣ именоваться будетъ От- цемъ, а не первороднымъ собственныхъ Сво- ихъ тварей, такъ что названіе первороднымъ по всему не точно и излишне, и въ ерети- ческомъ смыслѣ не имѣетъ мѣста.

4. Но возвратиться должно къ тѣмъ, кото- рые Божественному рожденію приписываютъ страсть, и потому, чтобы не подразумѣвать страсти, отрицаютъ, что Господь дѣйстви- тельно рожденъ. Ибо говорить, что съ рожде- ніемъ всего сопряжена страсть, и посему ду- мать о Сынѣ, что чуждымъ для Него надле-

жить признавать понятіе о рожденіи, чтобы Божество пребывало чистымъ и внѣ страсти, можетъ быть имѣеть, по видимому, нѣкоторое основаніе для людей легко вдающихся въ обманъ; но для обученныхъ божественнымъ таинствамъ готово обличеніе въ исповѣдуемомъ. Ибо кто не знаетъ, что въ истинную и блаженную жизнь вводитъ насъ рожденіе, которое не одно и то же съ происходящимъ *отъ крове и отъ похоти плотскія* (Іоан. 1, 13.), съ имѣющимъ теченіе, преложеніе, постепенное усовершенствованіе, и все иное, что усматривается въ плотскомъ рожденіи; но инаково, отъ Бога и небесно. О семъ-то рожденіи, какъ говоритъ Евангеліе (Іоан. 1, 13.), вѣруемъ, что оно свыше, и не допускаетъ страданія плоти и крови.

Пусть отважатся противники утверждать одно изъ двухъ: что или нѣтъ рожденія свыше, или ежели и есть, то по страсти. Но они соглашаются, что сіе рожденіе есть, и не находятъ въ немъ страсти. Слѣдовательно не всякое рожденіе соединено со страстію; напротивъ того вещественное страстно, а невещественное чисто отъ страсти. Посему какая необходимость свойственное плоти приписывать пречистому рожденію Сына, и поелику дольнее рожденіе осмѣивается въ непристойномъ описаніи, и Сына не допускать до близости съ Отцемъ? Если же наше рожденіе ве-

детъ къ той и другой жизни, но рожденіе плотское страстно, а духовное чисто, то (можетъ ли кто изъ причисляющихся, какъ ни есть, къ христіанамъ противорѣчить сему?) представляющій себѣ мысленно рожденіе пречистаго естества какъ предположить страсть? Но сверхъ сказаннаго изслѣдуемъ еще слѣдующее. Если по страсти плотскаго рожденія не вѣрятъ безстрастію рожденія Божественнаго, то по тѣмъ же примѣрамъ, какіе, разумѣю, у насъ, пусть не вѣруютъ, что безстрастный Богъ есть Создатель. Ибо если по нашему судятъ о Божественномъ, то признаютъ, что Богъ и не рождаетъ, и не творитъ, потому что въ насъ ни то, ни другое не производится безстрастно. Посему пусть или оба сія дѣйствія, и твореніе и рожденіе, устранять отъ Божественнаго естества, чтобы тѣмъ и другимъ сохранить безстрастіе въ Богѣ, и изъ догмата своего совершенно выбросятъ вѣру въ Единороднаго, чтобы Отецъ сохраненъ былъ отъ страсти, не очерняемый и рожденіемъ; или уступятъ, что Божественная сила въ одномъ дѣйствуетъ безстрастно, да и о другомъ не спорятъ. Ибо если творитъ безъ труда и вещества, то и рождаетъ конечно, безъ труда и истеченія.

И въ этомъ опять словѣ имѣю своимъ защитникомъ Евномія. Но выражусь, обѣкши немного его пустословіе и вкратцѣ повторивъ

всю мысль, а именно, что люди не вещества приготавливаютъ у насъ, но придумываютъ только видъ одинъ веществу. Вотъ содержаніе съ великимъ пустословіемъ сказаннаго еретиками. Посему Евномій, если въ дольнемъ рожденіи представляя себѣ зачатіе и образованіе раждаемаго, отрицаетъ по этому возможность чистаго понятія о рожденіи; то въ слѣдствіе сего, поелику здѣшнсе твореніе трудится надъ однимъ видомъ, а не можетъ доставить вещества для вида, пусть на томъ же основаніи отрицаетъ поэтому и мысль, что Отецъ есть Создатель. Если же творенія въ Богѣ не хочетъ разумѣть по человѣческой мѣрѣ силы, то повидимому въ человѣчествѣ да не оуждаетъ и Божественнаго рожденія. Но чтобы болѣе явными стали Евноміевы точность и осмотрительность въ томъ, что говоритъ онъ, снова повторимъ немногое нѣчто изъ сказаннаго еретиками.

Евномій говоритъ: «дѣйствующее и страждущее имѣютъ между собою общеніе въ естествѣ», и послѣ рожденія отъ тѣль перечисляетъ искусственныя произведенія изъ веществъ. Посему проницательный слушатель пусть усмотритъ изъ сего, какъ блуждающій всегда во встрѣчающемся случайно теряетъ путь къ собственной своей цѣли. Дѣйствующее и страждущее въ раждаемыхъ по плоти Евномій видитъ при той же сущности, такъ что одно

сообщаетъ сущность, другое приобщается оной. Такъ умѣетъ онъ въ естествѣ существъ съ точностію усматривать истину, чтобы отдѣлить отъ сущности и сообщающаго и приобщающагося, и о каждомъ изъ нихъ утверждать, что само по себѣ оно иное съ сущностію. Ибо принимающій или сообщающій, безъ сомнѣнія, инаковъ съ принимаемымъ или подаваемымъ. Почему сперва долженъ быть представляемъ кто либо самъ въ себѣ усматриваемый въ собственной своей вѣности: а потомъ уже можно сказать о семъ, что или даетъ, или имѣетъ, или принимаетъ, чего еще не имѣетъ. И такимъ смѣшнымъ образомъ изрыгнувъ это слово, мудрецъ не чувствуетъ, что въ послѣдующемъ опять самъ себя опровергаетъ. Ибо кто подлежащее вещество съ помощію искусства приводитъ въ какій ему угодно видъ, тотъ, конечно, творитъ нѣчто своею дѣятельностію, и вещество отъ дѣйствующаго съ искусствомъ сообщаемый видъ пріемлетъ съ страданіемъ. Ибо, не безстрастнымъ и нимало не противодѣйствующимъ пребывая, вещество принимаетъ образъ отъ искусства. Посему, если въ томъ, что производится искусствомъ, не произойдетъ ничего, пока къ производимому не стекутся совокупно одно съ другимъ страданіе и дѣйствіе: то какъ же можно думать, что въ слѣдствіе сего въ словахъ своихъ устоитъ писатель, который, утверждая общность

сущности въ страданіи и дѣйствіи, отваживается рожденному не только приписать сколько ни есть общей сущности съ родившимъ, но и всю тварь сдѣлать односущею съ Сотворившимъ, если только опредѣляетъ и дѣйствующее и страждущее однородными между собою по естеству? Слѣдовательно чѣмъ доказываетъ, что ему хотѣлось, тѣмъ ниспровергаетъ, что домогался доказать, усиливая оспориваніемъ своимъ мысль объ единосущіи. Ибо если рожденіе отъ кого либо въ рожденномъ показываетъ сущность родившаго, а искусственное устроеніе, совершаемое съ дѣйствіемъ и страданіемъ, по слову Евномія, дѣйствующее и производимое ведетъ къ общенію сущности: то писатель, во многихъ мѣстахъ собственныхъ своихъ писаній доказывая, что Господь рожденъ, тѣмъ самымъ, чѣмъ отчуждаетъ онъ Господа отъ Отчей сущности, приписываетъ Ему единеніе съ Отцемъ. Ибо если, по слову еретика, ни въ слѣдствіе рожденія, ни въ слѣдствіе устроенія, не усматривается отдѣленія сущности, то, чѣмъ ни предоставитъ быть Господу, тварію или рожденіемъ, въ обоихъ случаяхъ припишетъ сродство по сущности, кто въ дѣйствующемъ и страждущемъ, въ родившемъ и рожденномъ, по наукѣ призналъ общность естества. Но обратимся къ продолженію слова.

Прошу читающихъ не огорчаться точносію изслѣдованія, невольна многорѣчиваго. Ибо не

маловажная грозитъ бѣда, опустивъ изъ вида нѣчто требующее тщательнѣйшаго обзрѣнія, потерпѣть ущербъ въ маломъ; напротивъ того подвергаемся опасности въ томъ, что есть главнаго въ упованіи. Намъ предстоитъ или быть христіанами, не вдаваясь въ еретическую пагубу, или непремѣнно увлечься въ іудейскія и еллинскія мнѣнія. Посему, чтобы не потерпѣть ни того, ни другаго изъ запрещеннаго, то есть, ни отрицаніемъ дѣйствительно рожденнаго Сына не изъявить согласія на іудейскія догматы, ни поклоненіемъ твари не доказать, что пали вмѣстѣ съ идолослужителями, по необходимости продолжимъ рѣчь объ этомъ, остановившись на самомъ реченіи Евномія, читающемся слѣдующимъ образомъ: «въ слѣдствіе сего раздѣленія понятій, иной справедливо скажетъ, что въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая, первая и единая, дѣйствию Отца произведенная сущность принимаетъ на себя названія рожденія, произведенія и твари». И чрезъ нѣсколько словъ Евномій продолжаетъ: «единственный же Сынъ, произведенный дѣятельностію Отца, имѣетъ несообщимое естество и отношеніе къ Родшему». И въ написанномъ предъ симъ говоритъ, что «рожденнаго не отказывается называть порожденіемъ, потому что самая рожденная сущность, и названіе: Сынъ дѣлаютъ свойственнымъ себѣ такое отношеніе именъ».

Итакъ, по причинѣ столь явнаго противорѣчія въ сказанномъ, остается мнѣ дивиться остроумію хвалящихъ сіе ученіе. Ибо всегда останется неизвѣстнымъ, къ чему изъ сказаннаго Евноміемъ обратившись, не погрѣшаютъ въ остальномъ. Первое слово у него доказывало, что рожденная сущность и названіе: Сынъ дѣлаютъ свойственнымъ себѣ такое отношеніе именъ: а настоящее его словоупотребленіе говоритъ тому противное, а именно, что Сынъ имѣетъ несообщимое отношеніе къ Родшему. Если повѣрятъ первому, то, конечно, не допустятъ втораго. Если же будутъ склоняться на послѣднее, то противостанутъ первому мнѣнію. Кто рѣшитъ у нихъ споръ? Кто будетъ посредникомъ въ междоусобной брани? Кто это разногласіе приведетъ въ согласіе, когда самое желаніе, въ слѣдствіе сказаннаго, дѣлится само съ собою, и догматы доходятъ до противорѣчія? Или, можетъ быть, это пророческое гаданіе, сказанное объ іудеяхъ Давидомъ: *раздѣлишася, и не умилишася* (Пса. 34, 15.). Ибо вотъ раздѣляемые до противорѣчія догматовъ не чувствуютъ своего заблужденія, но, подобно сосудамъ носимымъ за ушки, переводятся, куда угодно переставляющему. Угодно было ему сказать, что рожденной сущности естественно названіе: Сынъ; и тотчасъ, какъ засыпающіе, поникли головою, соглашаясь на сказанное. Перемѣнилъ опять рѣчь въ противную,

и отрицаетъ отношеніе Сына къ Родшему; опять и на сіе весьма любезно отвѣчаютъ поклономъ, какъ тѣни отъ тѣлъ, въ самодвижномъ подражаніи примѣняются къ движенію идущаго впереди, склоняясь къ тому, къ чему онъ пожелаетъ, и хотя бы сталъ бороться самъ съ собою, принимаютъ и это. Вотъ нѣкое новое Омирово питіе, не тѣла врачуемыхъ измѣняющее въ видъ безсловесныхъ, но въ душахъ производящее ихъ превращеніе въ нѣчто безсловесное. Ибо о тѣхъ говорить баснь, что твердымъ оставался у нихъ умъ и по измѣненіи ихъ вида въ звѣриный; а здѣсь, когда тѣла у нихъ остаются въ естественномъ состояніи, души претворяются въ безсловесныя. И какъ тамъ чудодѣйствующая поэзія говоритъ, что напоенные измѣняются въ различные виды звѣрей, въ угодность претворяющей естество; то же самое и нынѣ бываетъ отъ этой Церцейной чаши. Ибо упоенные чарующею прелестію Евноміева сочиненія измѣняются въ образы различныхъ догматовъ, преобразуясь нынѣ въ тотъ, а потомъ въ другой. И при этомъ наиболѣе услажденные, по складу басни, любятъ еще доведшаго ихъ до такого безсловесія, и подобно какому-то плоду дерена, или желудямъ, разсѣваемыя имъ слова, припавъ къ землѣ, собираютъ, какъ свиньи, съ жадностію прибѣгая къ ученіямъ, не восходящимъ отъ земли, и не имѣютъ способности возвести

взоръ къ догматамъ высшимъ и небеснымъ. Поэтому не смотрятъ на превращеніе рѣчи въ противоположную, но за встрѣтившееся имъ хватаются безъ изслѣдованія. Подобно тому, что, какъ говорятъ, бываетъ съ усыпленными мандрагоромъ, у которыхъ тѣла приходятъ въ безчувственность, сонъ и неподвижность, въ такомъ же точно расположеніи бываютъ у нихъ чувствилища души, усыпленные и неспособныя уразумѣть прелесть. Хотя тяжело въ слѣдствіе какаго либо лжеумствованія подвергаться скрытому обману, не примѣчая того, однакоже несчастіе сіе извинительно, когда бываетъ невольно; но съ какою-то предусмотрительною и со тщаніемъ привлекаться къ испытанію зла не незнающему этого бѣдствія; это превосходитъ всякую мѣру злосчастія. Ибо не достойно ли негодованія, когда слышимъ, что и изъ рыбъ жадныя бѣгутъ отъ приближающагося къ нимъ голаго желѣза, обольщаемыя же приманкой, въ надеждѣ найдти пищу, тянутъ къ себѣ уду? Но гдѣ зло очевидно, тамъ произвольно бросаться на сію гибель—это бѣдственнѣе и неразумія рыбъ. Ибо тѣ къ скрытой отъ нихъ гибели привлечены прожорливостію; а эти глотаютъ голую уду нечестія, по какому-то неразумному пристрастію любя гибель. Ибо что можетъ быть очевиднѣе сего противорѣчія—утверждать, что одинъ и тотъ же и рожденъ и есть тварь, что сродно Ему

названіе: Сынъ и названію сему чуждо значеніе: Сывъ? Но о семъ довольно.

5. Полезно же будетъ, можетъ быть, видѣть въ связи полную мысль предложеннаго намъ Евноміева изреченія, обратившись къ началу рѣчи. Ибо изслѣдованное теперь явнымъ противорѣчіемъ въ сказанномъ подвигло насъ немедленно начать опроверженіе съ послѣднихъ словъ. Итакъ Евноміемъ сказано слѣдующее: «въ слѣдствіе сего раздѣленія понятій, иный справедливо скажетъ, что въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая, первая и единая, дѣйствиємъ Отца произведенная сущность принимаетъ на себя названія рожденія, произведенія и твари». Посему внимательнымъ къ слову намѣреваюсь сначала напомнить, что въ первомъ сочиненіи Евномій говоритъ: въ самомъ собственномъ смыслѣ называемая сущность есть сущность Отца, и ведетъ рѣчь сими словами: «все наше догматическое ученіе ограничивается превышею и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою сущностію». И здѣсь въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою и первою сущностію признаетъ сущность Единороднаго. Посему Евноміевы реченія изъ этой и другой книги сведя во едино, самаго Евномія представимъ свидѣтелемъ объ общей сущности, утверждавшимъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ нѣчто подобное сему: кому принадлежать одни и тѣже

названія, у тѣхъ и естество не разное; ибо не означалъ бы тождествомъ названій разъединенное по естеству вступающій въ споръ съ самимъ собою. Но поелику въ Отцѣ и Сынѣ сущность по понятію одна, то посему, конечно, говоритъ, что такъ называется въ самомъ собственномъ смыслѣ одна, и въ самомъ же собственномъ смыслѣ другая. Подтверждается же слово сіе и обычаемъ человѣческимъ, не придающимъ значенія въ собственномъ смыслѣ ничему такому, чему имя не оправдывается естествомъ. Такъ по неправильному словоупотребленію подобіе называемъ человѣкомъ, но собственно словомъ симъ называемъ живое существо, показываемое въ естествѣ; а также слово Писанія называетъ иногда богомъ и идола, и бѣса, и даже чрево; но не однимъ и тѣмъ же образомъ оно употребляетъ и собственное названіе, и всѣ другія. Объ иномъ говорится, что въ сонномъ мечтаніи онъ ѣлъ, но мечту нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ пищею. Поэтому если какіе либо два человѣка равно существуютъ въ естествѣ своемъ, то каждаго изъ нихъ въ собственномъ смыслѣ называемъ человѣкомъ. Если же кто и неодушевленный образъ станетъ причислять къ человѣку въ дѣйствительности существующему, и дѣйствительно существующаго и подобіе его назоветъ двумя человѣками, то не возможетъ засвидѣтельствовать, что то и другое

называетъ въ собственномъ смыслѣ. Такъ если бы естество Единороднаго разумѣлось чѣмъ-то инымъ съ сущностію Отца, то писатель не назвалъ бы каждую сущность въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ именуемою. Ибо почему бы кто либо различное по естеству означилъ тожествомъ именъ? Но истина по обычаю обнаруживается и враждующими съ нею, потому что ложь даже и во вражескихъ рѣчахъ не можетъ совершенно пересилить истину. Посему-то устами сопротивныхъ, и незнающихъ, что говорятъ, проповѣдуется слово благочестія, какъ и спасительное страданіе за насъ Господа предсказано Каіафою, незнавшимъ, что говорить. Посему если выраженіе: въ самомъ собственномъ смыслѣ, есть общее сущности того и другаго, разумѣю Отца и Сына: то какое право имѣетъ Евномій говорить, что сущности между собой различны? Или почему усматривается въ нихъ разность съ тѣмъ, что могущественнѣе, важнѣе, и предпочтительнѣе, когда въ самомъ собственномъ смыслѣ называемая сущность не допускаетъ никакого умаленія? Ибо несовершенное, что бы то ни было, не есть въ собственномъ смыслѣ: ни естество, ни сила, ни достоинство, ни что либо другое, усматриваемое отдѣльно. Поэтому превосходство Отца по сущности, какъ угодно ереси, обличаетъ несовершенство сущности Единороднаго. Итакъ если несовер-

шенна, то и не въ собственномъ смыслѣ именуется; если же въ самомъ собственномъ, то конечно и совершенна. Ибо недостаточному называться совершеннымъ не естественно; даже и сравнительно, при сопоставленіи совершеннаго съ совершеннымъ, невозможно представлять себѣ какую либо разность, происходящую отъ избытка или недостатка; потому что совершенство у обоихъ совершенныхъ, какъ у правіла, одно, недопускающее ни углубленій у недостающаго, ни выпуклостей у избыточествующаго. Посему въ сказанномъ достаточно можно видѣть защищеніе нашего догмата Евноміемъ, впрочемъ не попеченіе о насъ, но борьбу съ самимъ собою. Ибо чѣмъ въ словахъ своихъ утверждаетъ нашъ догматъ, тѣмъ на себя обращаетъ свои ухищренія. Но мы опять буквально послѣдуемъ за написаннымъ, чтобы всякому стало явно, что слово ихъ не имѣетъ никакой силы сдѣлать зло, кромѣ одного желанія повредить.

Посему выслушаемъ сказанное. «Справедливо иной скажетъ, что въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая, первая и единая, дѣйствіемъ Отца произведенная сущность принимаетъ на себя названія рожденія, произведенія и твари». Кто не знаетъ, что отдѣляющее церковь отъ ереси есть слово: тварь, употребляемое о Сынѣ? Итакъ поелику разность въ догматѣ признана всѣми; то какъ по-

ступить согласнѣ съ разумомъ намѣревающемуся доказать, что собственныя его понятія справедливыѣ нашихъ? Очевидно не составить ли собственное свое слово, сколько возможно, доказывающее необходимость той мысли о Господѣ, что Онъ сотворенъ? Или оставивъ это, поставить въ законъ слушающимъ сомнительное называть какъ бы всѣми признаннымъ? Я утверждаю первое. Но можетъ быть, и всѣ, у кого есть разумъ, потребуютъ сего отъ противорѣчущихъ, — начало слова утвердивъ сперва на какомъ либо непререкаемомъ основаніи, потомъ уже подвизаться въ послѣдующемъ. А Евномій, оставивъ доказательство надобности почитать Его сотвореннымъ, раскрываетъ дальнѣйшее, прилагая рядъ умозаключеній къ неутвержденному еще положенію. Подобное нѣчто бываетъ съ тѣми, которые углубляются душою въ суетныя пожеланія, развлекаясь мыслями или о царствѣ, или о чемъ либо иномъ, для нихъ вождельнномъ. Помышляютъ не о томъ, чтобы исполнилось съ ними чтó либо изъ желаемого, но о томъ, какъ располагать имъ собою, имѣя это въ рукахъ, и въ угодность себѣ воспользоваться успѣхомъ, съ какимъ-то удовольствіемъ обольщая себя неосуществившимся. Такъ и мудрый нашъ писатель, не знаю гдѣ, усыпивъ пресловутую свою діалектику, прежде чѣмъ доказалъ, чтó требовалось, какъ бы дѣтямъ какимъ передаетъ

намъ въ видѣ басни обманчивое и нескладное пустословіе о своемъ догматѣ. Ибо говорить: «дѣйстви́емъ Отца произведенная сущность принимаетъ названія рожденія, произведенія и твари». На какомъ же основаніи доказано, что Сынъ произведенъ какимъ-то предуготовительнымъ дѣйстви́емъ, а естество Отца пребывало недѣйательнымъ въ разсужденіи уности Сына. Ибо подлежало сомнѣнію и составляло вопросъ слѣдующее: сущность ли Отца родила Сына, или Его произвело нѣчто отънѣ послѣдовавшее за естествомъ? Церковь, по Божественному ученію, вѣруеть, что Единородный дѣйствительно есть Богъ, гнушается же многобожнымъ суевѣріемъ, и посему не допускаеть разности естествъ, чтобы при различіи сущностей Божества не подпали счисленію. А сіе не иное что значить, какъ снова ввести въ міръ многобожіе. Итакъ поелику церковь въ простотѣ сему учитъ, а именно, что отъ сущности истиннаго Бога истинный Богъ по сущности есть Единородный Богъ: то вступающему въ противорѣчіе съ признаннымъ какъ было должно опровергать предзанятое мнѣніе? Не долженъ ли въ опроверженіе составить онъ слово, въ которомъ бы на основаніи какого либо признаваемаго начала доказывалось подлежащее сомнѣнію? Не думаю, чтобы кто изъ имѣющихъ умъ потребовалъ чего либо другаго кромѣ сего? Но Евномій

начинаетъ подлежащимъ спору, и это, какъ доказанное, полагаетъ въ начало послѣдующему слову. Если бы напередъ было доказано, что Сынъ произведенъ какимъ-то дѣйствіемъ: то былъ ли бы возможенъ какій споръ о слѣдующемъ, о сказанномъ, что какимъ то дѣйствіемъ произведенная сущность принимаетъ на себя названіе произведенія? Пока же не доказано предыдущее, почему имѣетъ силу слѣдующее за тѣмъ, пусть скажутъ защитники сего обмана. Ибо если кто допускаетъ, что человѣкъ по предположенію сдѣлался крылатъ, то не допуститъ ли уже и дальнѣйшаго; потому что сдѣлавшійся крылатымъ будетъ, какъ ни есть, летать, поднимется надъ землею вверхъ, превыспренно носясь на крыльяхъ по воздуху. Но должно вникнуть, какъ можно сдѣлаться летающимъ не получившему воздушнаго естества. Поелику же сіе невозможно, то напрасно разсуждать и о послѣдующемъ.

Посему и Евномій пусть сперва докажетъ слѣдующее: церковь напрасно увѣровала, что дѣйствительно есть Единородный Сынъ, не по всыновленію усвоенный лжеименному Отцу, но рожденно по естеству отъ Сущаго Сущій, не отчужденный отъ естества родшаго. Пусть сперва это изобличить, какъ ложное, и тогда уже, разсуждая о послѣдующемъ, будетъ заслуживать вѣроятіе. Но пока не доказано первое, останавливаться на второмъ есть дѣло

пустословія. И пусть никто отъ меня не требуетъ и признаваемое нами подтверждать доказательствомъ; ибо въ доказательство нашего слова достаточно имѣть отъ отцевъ дошедшее къ намъ преданіе, какъ наслѣдство какое, сообщаемое по порядку отъ апостоловъ чрезъ послѣдующихъ святыхъ. Но прелагающіе догматы въ сей новый видъ возъмѣютъ нужду въ великомъ пособіи умствованій, если вознамѣрятся приводить на свою сторону людей не мятущихся, какъ прахъ, и не постоянныхъ, но степенныхъ и твердыхъ умомъ. А пока предлагается имъ не утвержденное и не доказанное слово, кто будетъ столько простъ и несмысленъ, чтобы ученіе евангелистовъ, апостоловъ и послѣ нихъ просіявшихъ въ церкви мужей признать слабѣйшимъ недоказаннаго пустословія.

Но посмотримъ на отличнѣйшую ловкость писателя, какъ легко по преизбытку діалектической опытности малоопытныхъ увлекаетъ въ противоположное. Къ названіямъ: произведеніе и тварь прикинулъ онъ слово: рожденіе, сказавъ, что принимаетъ на себя имена сіи сущность Сына. И какъ бы разглагольствуя въ сборищѣ упившихся, думаетъ, что худое его обращеніе съ догматомъ никому не будетъ въ тягость. Ибо, слово: рожденіе примкнувъ къ словамъ: тварь и произведеніе, думаетъ сопряженіемъ несообщимаго скрасть разность

именъ по значенію. Вотъ мудрыя ухищренія діалектики! Но мы, невѣжды въ словѣ, хотя не отрицаемъ, что въ рѣчи и въ языкѣ есть то самое, что показываетъ о насъ слово, однакоже признаемъ, что и у насъ, какъ говоритъ пророкъ, уши устроены для разумнаго слышанія (Иса. 50, 4.). Посему сочетаніемъ именъ, не имѣющихъ ничего общаго, не приводимся къ сліянню означаемаго. Но если и великій апостолъ вмѣстѣ именуетъ *дрова, сѣно, тростіе, золото, серебро, каменіе честное* (1 Кор. 3, 12.), то и число упоминаемыхъ вещей совокупляемъ во едино, и въ отдѣльности познаемъ естество каждой поименованной вещи. Такъ и теперь, поелику рожденіе и произведеніе упомянуты вмѣстѣ, то, отъ реченій переходя къ означаемому, не одинъ и тотъ же смыслъ усматриваемъ въ каждомъ имени. Ибо иное нѣчто значитъ слово: тварь, и иное — слово: рожденіе; такъ что Евномій смѣшиваетъ не-смѣшиваемое. Смысленный слушатель выслушаетъ раздѣльно, и докажетъ, что названіямъ: рожденіе и тварь невозможно заключать подъ собою какое либо одно естество. Ибо если одно изъ нихъ истинно, то необходимо будетъ ложно другое; такъ что, если тварь, то не рожденіе, и на оборотъ, если названо будетъ рожденіемъ, то чуждымъ сдѣлается наименованію: тварь. Напротивъ того Евномій говоритъ: «сущность Сына принимаетъ на себя названія и рожденія, и произведенія, и твари».

Но въ остальномъ не подтвердилъ ли чѣмъ этого слова, не имѣющаго ни головы, ни корня, тотъ, кто въ началѣ бросилъ это слово, безъ всякой въ немъ силы, въ основаніе доказываемаго? Или и остальное отличается тою же пустотою, не приобрѣтя крѣпости ни отъ какого содѣйствія разсужденій, но оставаясь пространнѣмъ и нескладнѣмъ изложеніемъ хулы, похожимъ на расказъ о сонной грезѣ? Ибо Евномій говоритъ, присовокунивъ къ сказанному слѣдующее: «имѣющая непосредственное рожденіе, нераздѣльно сохраняющая отношеніе къ родшему, произведшему и сотворшему». Ибо если, отложивъ въ сторону слова: непосредственное и нераздѣльное, разсмотримъ смыслъ прочихъ реченій въ самомъ себѣ, то найдемъ, что всюду бросается въ слухъ обольщаемыхъ произвольно стученія, не поддерживаемая никакимъ основаніемъ. Сказано: родшему, сотворшему, произведшему. По видимому, три здѣсь имени имѣютъ значеніе двухъ представленій, потому что два слова по понятію равносильны между собою. Одно и тоже значить произвести и сотворить, иное же съ сказаннымъ значить рожденіе. Итакъ при значеніи словъ, по общему разумѣнію людей дѣлимомъ на различныя понятія, на какомъ основаніи докажутъ намъ, что произведеніе есть одно и тоже съ рожденіемъ, чтобы одну сущность приспособить намъ къ разнымъ реченіямъ? Ибо пока

одерживаетъ верхъ обыкновенное значеніе словъ, не находится никакого основанія къ превращенію знаменованія реченій въ противное; невозможно раздѣлить одно какое либо естество по понятію на произведеніе и рожденіе. Поелику каждое изъ нихъ, само по себѣ названное, имѣетъ особенно ему свойственное толкованіе; то совершенно необходимо собственнымъ и сродственнымъ съ именами представлять себѣ и относительное сопряженіе. Ибо и остальное изъ сказуемаго относительно къ чему либо состоитъ въ свойствѣ не съ чуждымъ и не съ разногласнымъ. Напротивъ того, хотя бы и умолчано было, къ чему относительно говорится, однакоже само собою съ первообразнымъ слышится и сопряженное. Таковы напримѣръ слова: создатель, рабъ, другъ, сынъ, и подобныя симъ. Ибо все то, что входитъ въ разсмотрѣніе по отношенію къ иному высшему, въ наименованіи каждый разъ представляетъ близкое и неразрывное сродство съ означаемымъ, при которомъ общеніе съ инороднымъ несовмѣстно, потому что съ именемъ: сынъ не сопрягается имя: создатель, и слово: рабъ не возводится къ слову: создатель, и слово: другъ не означаетъ раба, и слово: сынъ—владыку. Напротивъ того познаемъ явное и раздѣльное сочетаніе каждаго изъ сихъ названій одного съ другимъ, при имени друга разумѣя инаго друга, при имени раба—госпо-

дина, при имени создателя—дѣло, и при имени отца—сына. Такъ и слово: рожденіе имѣеть собственно къ чему либо относящееся значеніе. Поэтому съ словомъ: рожденіе сопрягается слово: родшій, и съ словомъ: тварь, слово: сотворшій. И если не намѣрены мы перемѣною именъ произвести какой либо слитности въ предметахъ, непременно должно при каждомъ относительномъ реченіи сохранять собственное его значеніе.

Посему, когда явенъ смыслъ сихъ реченій, къ чему относится каждое, то почему по правиламъ діалектики излагающей догматы не вырази́мъ въ сихъ именахъ собственнаго ихъ въ относительномъ употребленіи значенія; но думаетъ приспособить къ произведшему рожденіе и къ родшему—произведеніе, говоря, что сущность Сына приѣмлетъ на себя наименованія рожденія, произведенія и твари, нераздѣльнымъ же сохраняетъ отношеніе къ Родшему, произведшему и сотворшему? Ибо не въ естествѣ вещей одному и тому же дѣлится въ разныхъ отношеніяхъ; напротивъ того какъ Сынъ въ свойствѣ съ Отцемъ и рожденное съ родшимъ, такъ произведеніе возводится къ произведшему, развѣ кто при безразличномъ какомъ употребленіи словъ иное ихъ злоупотре- бленіе почтетъ болѣе свойственнымъ, нежели употребленіе въ естественномъ ихъ значеніи.

Какими же и какого свойства доводами по

оной неодолимой діалектикѣ, мнѣнія многихъ превративъ въ противное, полновластно подтверждаетъ это, а именно, что, поелику сущій надъ всѣми Богъ разумѣется и именуется и Творцемъ и Отцемъ, то Сынъ имѣеть право на оба именованія, равно называемый и тварью и рожденіемъ? Ибо по обычному и съ надлежащею точностію различающему подобныя имена словоупотребленію, имя: рожденіе придается рождающемуся отъ самой сущности, а имя: тварь происходящему отъ того, что внѣ естества, устрояющаго это. И посему-то божественные догматы въ преданномъ ими боговѣдѣніи предали намъ имена Отца и Сына, а не Творца и дѣло, чтобы не было какого либо поползновенія къ хулѣ, когда такое наименованіе отстраняетъ Сына въ нѣчто для Него чуждое и странное, и не наши себѣ доступа безбожныя ученія, отдѣляющія Единороднаго отъ существеннаго сродства со Отцемъ. Кто утверждаетъ, что Сыну прилично названіе: тварь, тотъ, конечно, въ слѣдствіе сего скажетъ и о твари, что ей принадлежитъ названіе: сынъ, такъ что если Сынъ—тварь, то небо—сынъ, и каждая сотворенная вещь, по ученію этого писателя, въ собственномъ смыслѣ называется именемъ сына. Ибо если Сынъ имѣеть имя сіе не по общности естества съ Родшимъ, но поколику сотворенъ, потому и именуется Сыномъ; то по той же самой причинѣ именемъ сына

можно будетъ назвать и агнца, и пса, и лягушку, и все, что существуетъ по волѣ Сотворшаго. Если же каждое изъ сихъ существъ, потому что не принадлежитъ къ естеству Сына, не есть Сынъ, и не называется Богомъ; то, конечно, въ слѣдствіе сего въ собственномъ смыслѣ Сынъ есть Сынъ и исповѣдуются Богомъ, потому что Онъ одного и тогоже естества съ Родшимъ. Но гнушается еретикъ понятіемъ рожденія и гонитъ оное изъ божественныхъ догматовъ, оуждая имя по плотскому его объясненію. Впрочемъ о семъ достаточно сказано выше, а именно, что, по слову пророка, *убоющаяся страха, идъже не бѣ страхъ* (Пса. 13, 5.); ибо доказано, что и у людей не всякое рожденіе совершается по страсти, но вещественное въ слѣдствіе страсти, а духовное чисто и непорочно, потому что раждаемое отъ духа бываетъ духъ, а не плоть, въ духѣ же не усматривается никакого страстнаго расположенія. Поелику въ слѣдствіе представленныхъ нами примѣровъ писателю сему казалось необходимымъ принять во вниманіе божественную силу; то пусть убѣдитъ себя рожденіе божественное по другому способу рожденія разумѣть безстрастнымъ. Напротивъ того, сливая между собою три сіи названія, изъ которыхъ два равносильны, думаетъ онъ общимъ значеніемъ двухъ реченій увлечь съ собою слушателей, чтобы тоже самое думали и о третьемъ. Поелику на-

званіе произведенія и твари показываетъ, что произведенное внѣ естества произведшаго, то присоединяетъ къ симъ реченіямъ и слово: рожденіе, какъ будто и оно толкуется одинаково съ предыдущими. Но такой видъ рѣчи именуется злонамѣренностію, и оболъщеніемъ, и обманомъ, а не обдуманнѣмъ и искуснѣмъ какимъ доказательствомъ; потому что доказательствомъ называется то одно, что посредствомъ общепризнаннаго приводитъ въ извѣстность неизвѣстное. Злонамѣренно же вводитъ въ обманъ, утаивать обличеніе, и явными обманами приводитъ въ замѣшательство смыслъ людей, какъ говоритъ апостолъ, *растльныхъ умомъ* (2 Тим. 3, 6.), сего никто изъ цѣломудренныхъ не назоветъ искуснѣмъ доказательствомъ.

6. Но перейдемъ къ слѣдующему по порядку. Евномій говоритъ, что рожденіе сущности непосредственно и нераздѣльно сохраняетъ отношеніе къ родшему, произведшему и сотворшему. Если бы, сказавъ о нераздѣлимости въ сущности и о неимѣннѣи ея посредственнаго, остановилъ на этомъ рѣчь, то не уклонился бы отъ благочестивой мысли; потому что и нами исповѣдуется неразлучное и непосредственное единеніе Сына съ Отцемъ, такъ что нѣтъ ничего входящаго въ среду ихъ, что оказалось бы связію между Сыномъ и Отцемъ, нѣтъ представленія о какомъ либо промежуткѣ, даже самомъ маломъ, и недѣлимомъ, который,

по разсѣченіи времени на двое, на прошедшее и на будущее, въ настоящемъ представляется нераздѣльнымъ самъ по себѣ, чѣмъ-то такимъ, что не можетъ стать частію ни прошедшаго, ни будущаго, потому что совершенно непротяженно и недѣлимо, и къ чему ни было бы приложено, незамѣтно. Посему что вовсе не имѣетъ среды, о томъ говоримъ, что ничего таковаго посредствующаго у него нѣтъ; потому что раздѣляемое какою либо средою, не было бы еще не имѣющимъ среды. Посему, если бы Евномій, сказавъ, что рожденіе Сына непосредственно, не привнесъ ничего изъ утверждаемаго имъ, то училъ бы благочестиво разумѣемой связи Сына съ Отцемъ. Но поелику, какъ бы раскаявшись въ сказанномъ, немедленно присовокупилъ, что сохраняетъ отношеніе къ Родшему, произведшему и сотворшему, то послѣднимъ осквернилъ первое, къ чистому слову изрыгнувъ хульное реченіе, ибо явно, что и тамъ слово: непосредственное не къ благочестивой клонится мысли, но значить тоже, какъ если бы сказалъ кто: между гвоздемъ и кузнецомъ посредствуетъ молотъ, и устройство послѣдняго непосредственно; потому что до изобрѣтенія искусствомъ орудій, какимъ-то примышленіемъ, при помощи другаго какаго-то орудія, сдѣланъ художникомъ прежде всего молотъ, а такимъ образомъ съ помощію его и другое. Что тоже разумѣетъ сей писатель и объ

Единородномъ, показываетъ выраженіе, непосредственно. И не одинъ Евномій вводится при этомъ въ заблужденіе несообразностію ученія; равное сему можно найти и въ трудахъ Θεогноста, который говоритъ, что Богъ, намѣреваясь устроить вселенную, сперва какъ бы правило какое къ созданію предположилъ себѣ Сына. И Евномій не понялъ нелѣпости въ этомъ словѣ; что бываетъ не ради себя самаго, но ради чего либо другаго, то, безъ сомнѣнія, цѣнится меньше того, для чего имѣетъ оно бытіе; какъ земледѣльческое орудіе устроено ради жизни; но не наравнѣ съ жизнію цѣнимъ плугъ: такъ если и Господь ради міра, а не вселенная ради Его, то предпочтительнѣе Господа будетъ вселенная, ради которой, какъ они говорятъ, и самъ Господь. Къ этой мысли и теперь ведутъ рѣчь, когда усиливаются утверждать, что Сынъ непосредственное имѣетъ отношеніе къ сотворшему и произведшему.

7. Но Евномій снисходительнѣе поступаетъ въ остальномъ, и говоритъ: «не сравнивается ни съ чѣмъ, происходящимъ отъ нея и послѣ нея». Вотъ чѣмъ враги истины услуживаютъ Господу—такими словами, изъ которыхъ очевиднѣйшая устроится хула! Ибо, скажи мнѣ, что изъ остальнаго, сколько касается это твари, имѣетъ сравненіе съ другимъ, потому что всздѣ въ каждой вещи видимо свойство, недопускающее общности съ инороднымъ? У неба

нѣтъ сравненія съ землею, у земли съ звѣздами, у звѣздъ съ моремъ, у воды съ камнемъ, у животныхъ съ деревьями, у живущихъ на сушѣ съ пернатыми, у четвероногихъ съ плавающими, у словесныхъ съ безсловесными. И кто станетъ тратить время, говоря о всемъ подробно и доказывая, что то же самое можно сказать о каждой вещи видимой въ твореніи? И сіе-то самое — не имѣть сравненія ни съ чѣмъ послѣ Него и отъ Него происшедшимъ, какъ преимущество какое кинуту Единородному. Ибо явно, что все, что только можешь разумѣть, какъ само по себѣ сущее, не сравнимо ни со всѣмъ вообще, ни съ каждою вещію порознь, и что дѣйствительно можно сказать о какой бы то ни было твари, то врагами истины, какъ достаточное и вседовольное, удѣляется въ честь и славу Единородному Богу. Доведя до подобной мысли, Евномій въ остальномъ снова величаетъ Его почестями безъ значенія, привѣтствуя Господомъ и Единороднымъ; но чтобы отъ сихъ именъ не родилась въ слушателяхъ какая либо благочестивая мысль, къ благочестному тотъ часъ примѣшиваетъ хульное. Слово же въ слово читается такъ: «поелику рожденная сущность», говоритъ Евномій, «не оставляетъ мѣста для общности чему либо другому (ибо единородна); то и дѣйствованіе содѣлавшаго не усматривается общимъ». Какое оскорбленіе! Какъ

будто обращая слово къ безсловеснымъ и не-
 смысленнымъ , у которыхъ нѣтъ разумѣнія ,
 свободно ведетъ рѣчь исполненную противорѣ-
 чій; или, лучше сказать, допускаетъ до себя
 тоже, что бываетъ съ лишенными зрѣнія; и
 они часто поступаютъ непристойно въ гла-
 захъ зрячихъ, предполагая, что ихъ не видятъ,
 потому что сами не видятъ. Ибо можно ли
 кому не увидѣть противорѣчія въ сказанномъ?
 Сущность, такъ какъ рождена, говоритъ Евно-
 мій, не оставляетъ другимъ мѣста къ общенію
 (ибо единородна). Сказавъ это, какъ бы дѣй-
 ствительно или не видя самъ, или полагая, что
 его не видятъ, къ сказанному, какъ связанное
 съ нимъ, прилагаетъ не имѣющее ничего съ
 тѣмъ общаго , къ сущности Единороднаго
 приспособивъ дѣйствование Сотворшаго; пото-
 му что рожденный къ родшему, и Единород-
 ный къ Отцу по связи непременно имѣетъ
 отношеніе, и кто имѣетъ въ виду истину, тотъ
 въ отношеніи Сына усматриваетъ не дѣйстви-
 вание Сотворшаго, но естество родшаго. А
 онъ, какъ будто припомнивъ растенія, или
 сѣмена, или иное что тварное, дѣйствование
 Сотворшаго прилагаетъ къ вѣпостаси Единород-
 наго. Ибо, если бы воззрѣнію нашему пред-
 лежали камень, или дерево, или что другое
 подобное, то слѣдовало бы предварительно
 представить себѣ въ мысли дѣйствование Со-
 творшаго. Если же и противники исповѣдуютъ,

что Единородный Богъ есть Сынъ и рожденъ, то какъ одни и тѣже реченія приличествуютъ и Ему и самымъ послѣднимъ частямъ творенія? И что справедливо можно сказать о муравѣ, или о комарѣ, то, думаютъ они, благочестиво говорить и о Господѣ. Ибо, если кто изучилъ естество муравья, чѣмъ оно отличается отъ состава прочихъ животныхъ, то онъ, не удаляясь отъ правды, можетъ сказать, что дѣйствованіе сотворшаго на муравья не усматривается общимъ съ дѣйствованиями на другихъ животныхъ. И такъ что говорится о подобныхъ симъ тваряхъ, то утверждаютъ и объ Единородномъ. И какъ говорятъ о ловцахъ, что какими-то ямами пересѣкаютъ путь, которымъ проходятъ животныя, но скрываютъ свой умыселъ, застилая отверстія ямъ чѣмъ нибудь гнилымъ и не твердымъ, чтобы яма приближающемуся казалась гладкимъ мѣстомъ; на подобное нѣчто ухищряется ересь противъ людей, доброзвучными этими и благочестивыми именами, какъ бы нѣкіимъ сверху наложеннымъ покровомъ, застилая яму нечестія, чтобы менѣе разумныхъ, которые, проповѣдь ихъ по сходству реченій почти за одно и тоже съ истинною вѣрою, стеклись на одно имя Сына и Единороднаго, низринуть въ яму, потому что значеніе названій не поддерживаетъ ихъ въ шестви, но ведетъ въ бездну отреченія отъ Христа. Посему-то Евномій упоминаетъ

о рожденной сущности, не оставляющей ничему мѣста для общенія, и именуешь ее единородною; это покровы на ямѣ. Но когда иный ставъ при ней, прежде нежели поглотенъ бездною, къ слову сему, какъ бы руку какую, приложить испытаніе словомъ, тогда увидить въ этомъ ученіи гибельный подкопъ идолослуженія; ибо, приступая, какъ къ Богу, и къ Сыну Божію, находить въ покланяемомъ тварь Божію. Поэтому туда и сюда носятся съ именемъ Единороднаго, чтобы обольщеннымъ и гибель стала не отвратительна, какъ иный, примѣшавъ къ хлѣбу отраву, будетъ угощать смертію имѣющихъ нужду въ пищѣ, которые безъ видимой приманки не согласились бы принять чистую тлетворную отраву. Поэтому премудро съ пользою для себя не опускаетъ Евномій изъ виду предположеннаго имъ. Ибо, если бы изъ ученія своего вовсе исключилъ слово: Сынъ; никто изъ людей не принялъ бы его обмана, когда въ явной проповѣди открыто провозглашалось бы отрицаніе. А теперь, оставивъ одно имя, означаемое же низводя до понятія твари, и возстановляетъ идолослуженіе, и укрываетъ его отъ обличенія. Но велику не устнами заповѣдано намъ чествованіе Бога, и благочестіе оцѣнивается не по звуку голоса, напротивъ того надлежитъ сперва *сердцемъ* увѣровать въ Сына *въ правду*, и тогда уже *усты* исповѣдать *во спасеніе* (Римл. 10,

10.), а тѣ, которые говорятъ въ сердцѣ: *нѣсть Богъ*, хотя устами исповѣдуютъ Господа, *растлѣши* (Пса. 13, 2.), какъ говоритъ пророкъ: то посему утверждаю, что надобно смотрѣть на мысль предлагающихъ слова вѣры, а не увлекаться звуками. Если кто, говоря о Сынѣ, имѣеть при семъ реченіи въ виду не тварь; то онъ нашъ, а не изъ противниковъ нашихъ. Если же кто имя Сына придаетъ твари, то будетъ онъ причисленъ къ идолослужителямъ; потому что и тѣ Дагона и Вила и Змія именовали Богомъ, но въ слѣдствіе этого поклонялись не Богу, ибо и дерево и мѣдь и животное—не Богъ.

8. Но какая нужда, догадываясь о смыслѣ, обнаруживать обманъ, сокрытый въ словѣ, и доставлять, можетъ быть, слушателямъ предлогъ думать, будто бы несправедливо возражаемъ въ этомъ врагамъ. Ибо вотъ Евномій открытую хулу предлагаетъ намъ, никакого покрова не палая на свою ложь, но съ свободою рѣчью смѣло вдаваясь въ нечѣпость. Написано же у него такъ: «поэтому», говоритъ онъ, «кромѣ сущности не находя въ Сынѣ ничего инаго допускающаго рожденіе, думаемъ, что этой же сущности должно придать сіи названія, на словахъ ли только будемъ именовать Сыномъ и рожденнымъ, или отдѣлимъ слова отъ сущности, и на этомъ основаніи даже увѣримся, что сущности различны

одна съ другою». Нимало, думаю, не нужно намъ въ словѣ своемъ обличать нелѣпость, заключающуюся въ сказанномъ. Одно чтеніе написаннаго достаточно выставляетъ на позоръ хулу. Но посмотримъ на сіе такъ. Евномій говоритъ, что различны одна съ другою сущности Сына и Отца. Чтѣ означается словомъ: различны? Сперва изслѣдуемъ самую выразительность сего реченія, чтобы въ истолкованіи слова всего лучше открылась хула. Въ обычномъ словоупотребленіи реченіе: различіе (*παράλλαξις*) говоритъ о тѣлахъ, когда отъ ослабленія (паралича), или отъ другой какой болѣзни, который либо членъ выходитъ изъ естественной стройности; ибо, за противоположность больнаго члена здоровому, перемѣну подвергшагося болѣзни въ худшее называемъ: различіемъ (*παράλλαξις*). А въ различающихся нравственно по добродѣтели и пороку, когда невоздержная жизнь противопоставляется чистой и цѣломудренной, или не праведная правдивой, или кроткой, мирной и безмолвной раздражительная и бранчивая и не удерживающая гнѣва,—вообще все то, чтѣ при сравненіи съ лучшимъ заслуживаетъ обвиненія въ порокѣ, называется пришедшимъ въ разность, потому что признаки того и другаго, разумѣю хорошаго и худаго, не сходятся между собою взаимно. Еще и о качествахъ, усматриваемыхъ въ стихіяхъ, говоримъ, что разнятся всѣ тѣ,

которыя одно другому противоположны, одно для другаго имѣя истребительную силу, какъ напримѣръ теплота и холодъ, сухость и влажность, или вообще, если что состоитъ въ противоположности съ другимъ; и несходное въ нихъ означаемъ реченіемъ: разность. И вообще все разногласящее съ другимъ по усматриваемымъ признакамъ, принадлежитъ къ числу предметовъ разнящихся, какъ здоровье и болѣзнь, смерть и жизнь, миръ и война, добродѣтель и порокъ, и все тому подобообразное.

По такомъ различеніи понятій, обратимъ вниманіе на писателя, въ какомъ смыслѣ говоритъ онъ, что у Отца и у Сына сущности между собою различны? Что разумѣетъ онъ, говоря это? То ли, что Отецъ таковъ по естеству, а Сынъ отличенъ естествомъ? Или этимъ реченіемъ выражаетъ уклоненіе отъ добродѣтели, подъ именемъ разности отдѣляя худое отъ лучшаго, такъ что одну сущность усматриваетъ въ хорошемъ, а другую въ противномъ? Или по понятію о противоположности стихій Евномій усиливается утверждать, что одна божественная сущность разнится съ другою? Или въ какомъ отношеніи война къ миру, и жизнь къ смерти, такимъ же образомъ и въ сущностяхъ видитъ борьбу со всѣмъ подобнымъ, такъ что онѣ не сходятся одна съ другою, потому что смѣсь противоположностей имѣетъ силу истребляющую вошедшее въ смѣсь, какъ

объ ученія этомъ говоритъ приточная премудрость, что *вода и онь не рекутъ: довьлетъ* (Притч. 30, 16.), выражая сею загадкою равности естества въ борьбѣ, и сопротивленіе и взаимное истребленіе противоположностей.

И ни по чему этому, какъ говоритъ, не видить онъ разности въ оныхъ сущностяхъ. Итакъ пусть скажетъ разумѣемое сверхъ этого? Но нечего будетъ сказать ему; хотя и говорить обычное, что Сынъ разнится съ Родшимъ; ибо симъ паче изобличается нелѣпость утверждаемаго имъ. Чтò такъ сродно, и другъ съ другомъ согласно сочетается и соглашается, какъ относительное къ Отцу значеніе Сына? А доказательствомъ сему то, что, хотя и не произнесены два сіи имени, однимъ изъ нихъ означается и умалчиваемое; такъ одно въ другомъ заключается, одно съ другимъ связуется, въ одномъ усматриваются оба, и ни которое изъ нихъ не можетъ быть понимаемо само по себѣ безъ другаго. Различнымъ же и разумѣется и называется что либо непременно по противоположности со сходнымъ; такъ напримѣръ шнуръ ложится по прямой чертѣ, а изогнутое, будучи приложено къ прямой чертѣ, не сходится съ нею. И музыкантамъ обычно согласіе тоновъ называть стройностію, а разнющее и не согласное нестройнымъ. Посему одно и тоже сказать: различно и несогласно. Итакъ, если, по еретическому ученію, естество

Единороднаго Бога различно съ сущностію Отца, то, безъ сомнѣнія, и не согласно, а согласнымъ не можетъ быть въ томъ, съ чѣмъ не можетъ быть согласовано, какъ если на воску и на вырѣзкѣ, какая на печати перстня, изображеніе одно, то, когда на печать перстня налагается опять воскъ съ отпечатаннымъ ею изображеніемъ, тогда сходствуетъ онъ съ очертаніемъ печати, удерживая свои образы въ начертаніи, и входя въ пустоты, а вышуклости на печати перстня принимая въ собственные свои углубленія. Если же на вырѣзку, какая на печати перстня, наложенъ будетъ какой либо чуждый и инаковый оттискъ, то, принимая на себя изображеніе въ несвойственныхъ чертахъ, сдѣлаетъ не ровнымъ и слитнымъ собственный свой образъ. Но *во образъ Божіи сый* (Фил. 2, 6.), не въ иныхъ какихъ чертахъ изображается Отцемъ, какъ *образъ гности* Отчей (Евр. 1, 3.); образъ же Божій, безъ сомнѣнія, одно и тоже съ сущностію. Какъ пришедшій въ образѣ раба, сталъ имѣть на себѣ образъ сущности раба, воспріявъ не простой только образъ, несопряженный съ сущностію, напротивъ того образомъ обозначается сущность; такъ, конечно, сказавшій о себѣ, что Онъ *во образъ Божіи*, словомъ: образъ указалъ на сущность. Посему, если Онъ *во образѣ Божіи*, и будучи *во Отцѣ*, имѣетъ на себѣ знаменіе Отчей славы, какъ

говоритъ евангельскій гласъ, вѣщая: *сего Отецъ знамена Богъ* (Іоан. 6, 27.), почему и *видльвий Сына видль Отца* (Іоан. 14, 9.); то наименованія: образъ благодати, и сіяніе славы, и всѣ другія сему подобныя свидѣтельствуя, что сущность Сына не имѣетъ въ себѣ ничего не приличнаго Отцу.

Такъ сказаннымъ явно обнаруживается несостоятельность хулы сопротивныхъ. Ибо если различное не согласуется между собою, а назменованный Отцемъ, показующій въ Себѣ Отца, во Отцѣ сущій и въ Себѣ имѣющій Отца, всѣмъ доказываетъ и сродство и согласіе: то этимъ сильно обличается нелѣпость противниковъ. Ибо, какъ доказано, что различное несогласно, такъ на оборотъ безъ спора признается, что согласное непременно неразлично; какъ различное не согласуется, такъ согласующееся не различается. Кто говоритъ, что естество Единороднаго различно съ благою сущностію Отца, тотъ, конечно, видитъ различіе въ самомъ благѣ. Но что такое различное съ благомъ? *Уразумльте незлобивіи коварство*, говоритъ притча (Притч. 8, 5.).

Но минуя въ словѣ все это, какъ явно нелѣпое; изслѣдуемъ же предшествующее сему. «Кромѣ сущности Сына, говоритъ Евномій, не находится ничего инаго приѣмлющаго рожденіе». Что разумѣя, говоритъ это? Различивъ одно отъ другаго два имени, и раздѣливъ такъ

же въ словѣ означаемое ими, каждое изъ нихъ полагаетъ само по себѣ,—одно имя—рожденіе, а другое имя—сущность. Сущность, говоритъ, пріемлетъ рожденіе, очевидно, будучи чѣмъ-то инымъ отъ рожденія. Ибо если бы рожденіе было сущностію (что впрочемъ часто утверждаетъ Евномій), такъ что два названія равносильны между собою по выразительности; не сказалъ бы онъ, что сущность пріемлетъ рожденіе; ибо значило бы сказать: сущность пріемлетъ сущность, или рожденіе пріемлетъ рожденіе, если рожденіе тождественно съ сущностію. Посему иное нѣчто разумѣется подъ рожденіемъ, и иное подъ сущностію, которая пріемлетъ рожденіе; ибо пріемлющему невозможно быть однимъ и тѣмъ же съ пріемлемымъ. Итакъ вотъ что говоритъ мудрая ухищренность въ словѣ писателя! Но заключается ли какой смыслъ въ сказанномъ,—пусть изслѣдуетъ слово искусный въ сужденіи; а я опять возвращусь къ тому, что было говорено.

Евномій говоритъ: «кромѣ сущности Сына не находится ничего инаго пріемлющаго рожденіе». Что въ сказанномъ не заключается никакого смысла, явно это всякому, скольконибудь вникнувшему въ слово. Остается вывести наружу ту хулу, которую готовятъ въ сихъ невразумительныхъ реченіяхъ. Ему хочется, хотя и не можетъ по недостатку силъ истолковать сіе, внушить слушателямъ ту

мысль, что значеніе слова: Сынъ показываетъ Его осуществленіе, рожденіемъ же именуется Евномій сіе осуществленіе, самымъ благоприличнымъ словомъ прикрывая ужасъ хулы, чтобы незатруднительнымъ стало согласіе на мысль, что Господь сотворенъ, какъ скоро осуществленіе выражается словомъ: рожденіе. Посему говорить, что сущность пріемлетъ рожденіе, чтобы, какъ и во всякой вещи, усматривалось какое бы то ни было осуществленіе. Никто не скажетъ, что осуществлено, чего нѣтъ. Такъ Евномій естество Единороднаго Бога, какъ бы нѣкое искусственное произведеніе, представляетъ въ словѣ: сотвореніе. Поэтому если пріемлетъ сіе за рожденіе, то говорить это съ намѣреніемъ означить, что Его не было, пока не осуществленъ. Чтѣ же иное изъ усматриваемаго въ твари не было приведено въ бытіе? Небо, земля, воздухъ, море,—все, чтѣ ни есть, конечно, приведено въ бытіе; ничего бы этого не было, если бы не было приведено въ бытіе. Итакъ почему Евномій, какъ нѣчто преимущественное въ естествѣ Единороднаго, усмотрѣлъ то, что въ самую сущность пріемлется Имъ рожденіе (такъ Евномій именуется осуществленіе), какъ будто шмель и комаръ пріемлютъ рожденіе не въ себя самихъ, но во чтѣ-то иное съ собою? Итакъ въ написанномъ признается, что у еретиковъ сущность Единороднаго обобщается съ малѣйшими

частицами твари, и весь рядъ умозаключеній, которымъ доказывается инаковость Сына со Отцемъ, имѣть равную силу и въ разсужденіи чего бы то ни было отдѣльно взятаго. Посему какая нужда Евномію въ этой разнообразной утонченности при доказательствѣ инаковости по естеству? Должно было обратиться на краткій путь отрицанія, явно отказаться отъ признанія имени: Сынъ, и Единороднаго Бога не проповѣдать въ церквахъ, но іудейское служеніе признать предпочтительнѣйшимъ христіанскому исповѣданію, Отца исповѣдуя единымъ Творцемъ и Создателемъ, все же прочее подводя подъ имя и понятіе твари; а въ ряду тварей предпоставленное инымъ дѣло называть произведеніемъ, приведеннымъ въ бытіе какою-то осуществляющею дѣятельностію, вмѣсто единороднаго Бога и истиннаго Сына нарекая Его первозданнымъ.

Поселику сіи понятія у еретиковъ одержали верхъ; то большое для нихъ удобство привести догматъ къ цѣли, такъ какъ на основаніи подобнаго начала всѣ направляемы были, къ чему по надлежащему слѣдовало, а именно, что невозможно имѣть общей съ Богомъ сущности тому, кто не рожденъ, и не Сынъ, но какимъ-то дѣйствованіемъ приведенъ въ бытіе. Но доколѣ имѣютъ силу евангельскія изреченія, въ которыхъ Сынъ проповѣдуется и Единороднымъ и сущимъ отъ Отца и отъ Бога

и тому подобнымъ; то напрасно будетъ безумствовать Евномій, подобнымъ пустословіемъ оглашая и обольщая и себя и своихъ. Поселику названіе : Сынъ вопіетъ о дѣйствительномъ отношеніи къ Отцу: кто столько простъ, что, когда Іоаннъ и Павелъ и прочій сонмъ святыхъ провозглашаютъ сіи подлинныя и показывающія родство именованія, не на нихъ обратить вниманіе, но на ученіе состоящее въ пустыхъ бряцаніяхъ Евноміевыхъ лжеумствованій, и правдивѣе тѣхъ, которые Духомъ глаголютъ тайны и имѣютъ въ себѣ Христа, почтетъ Евномія? Какого же это Евномія? Откуда подъявшася до того, чтобы ему быть руководителемъ христіанъ? Но оставимъ это. Пусть забота о подлежащемъ, сколько можно, успокоитъ наше сердце, по ревности къ вѣрѣ мятущееся противъ хулителей. Ибо какъ не подвигнуться на гнѣвъ и вражду, когда эти презрѣнные безчестятъ нашего Бога и Владыку, Жизнеподателя и Спасителя? Если бы кто сталъ злословить отца моего по плоти, или непріязненно обходиться съ моимъ благодѣтелемъ, то возможно ли было бы безстрастно перенести оскорбленіе любимыхъ? Если же Господь души моей, Который создалъ ее не существовавшую, искупилъ порабощенную, далъ ей вкусить жизни настоящей, уготовалъ для нея жизнь будущую, призываетъ ее въ царствіе, и научаетъ, какъ избѣжать намъ осу-

жденія въ геенну (признаю это мало важнымъ и недостойнымъ еще величія общаго нашего Владыки); если Тотъ, Кому поклоняется всякая тварь: небесная, земная и пренсподняя, Кому предстоятъ тьмы служащихъ на небѣ, къ Кому обращено все, что обитаетъ здѣсь и имѣетъ любовь къ прекрасному; если Онъ подлѣжитъ злословію людей, для которыхъ недостаточно самимъ только раздѣлять долю отступника, напротивъ того, которые признаютъ для себя утратою, если и другихъ не вовлекутъ съ собою въ бездну своимъ писаніемъ, чтобы и для потомковъ не было недостатка въ руководствѣ къ пагубѣ: то ужаси кто будетъ порицать нашъ на нихъ гнѣвъ? Но возвратимся къ слѣдующему по порядку.

9. Въ сказанномъ далѣ Евномій осуждаетъ опять насъ за то, что безчестимъ будто бы рожденіе Сына человѣческими уподобленіями, и припоминаетъ написанное объ этомъ отцемъ нашимъ, именно то мѣсто, гдѣ говоритъ онъ: поелику словомъ: сынъ означаются два понятія: происхожденіе по страсти, и естественная связь съ родшимъ, то неприличное и плотское не согласуется съ Божіимъ словомъ, а что служитъ свидѣтельствомъ славы Единороднаго, то одно пріемлется въ высокихъ догматахъ. Посему кто безчеститъ рожденіе Сына человѣческими предположеніями: тотъ ли, кто изъ божественнаго рожденія исключаетъ страстное

и человѣческое, и безстрастно сочетаваетъ Сына съ родшимъ, или тотъ, кто Приводящаго все въ бытіе обобщаетъ съ дольною тварію? Но подобное, кажется, относящимся къ безчестію признаетъ новая эта мудрость; именно безчестнымъ признаетъ приобщить Сына къ величеству Отца, а великимъ и высокимъ низвести Его въ одно достоинство съ тварію, служебною, какъ и мы. Какое пустое обвиненіе! Василій чтитъ Сына, какъ чувствуется Отецъ, и на него клеветуютъ, что безчеститъ онъ Сына; а Евномій борется за честь Единороднаго, и лишаетъ Его благаго Отчаго естества! Подобной винѣ подвергался нѣкогда у аѳинянь, Павелъ, обвиняемый ими, будто бы возвѣщаетъ новыхъ боговъ, когда обличалъ онъ погрѣшительное вѣрованіе въ боговъ у аѳинянь, до безумія преданныхъ идолопоклонству, и руководилъ къ истинѣ, въ ареопагѣ благовѣствуя воскресеніе. Это же и нынѣ подражателю Павла возражаютъ новые стойки и епикурейцы, которые, какъ исторія говоритъ объ аѳинянахъ, *ни во что же ино упражняются, развѣ глаголати что или слышати новое* (Дѣян. 17, 21.). Ибо найдется ли что новѣе сихъ выраженій: Сынъ дѣятельности, Отецъ твари, новоявленный Богъ происходящій изъ не сущаго, и благо различное отъ блага? Это выраженія тѣхъ, которые, поелику утверждаютъ, что Сынъ не то, что составляетъ есте-

ство родшаго, притворяются воздающими Ему подобающее чествованіе. Ужели Евномій уважаетъ родъ подобнаго чествованія, если кто скажетъ, что Сынъ не съ Отцемъ близокъ по естеству, но имѣеть общеніе съ чѣмъ либо инокроднымъ? Ибо если о томъ, кто Господа твари обобщаетъ съ тварію, утверждается, что онъ этимъ чествуетъ Господа; то пусть чествуетъ и Евномій обобщающій Его по естеству съ безсловеснымъ и безчувственнымъ. Но если общеніе съ худшимъ, по мнѣнію его, есть дѣло трудное и обидное, то почему же Владычествующему *силою Своею вѣкомъ*, какъ говоритъ пророкъ (Иса. 65, 6.), служить въ честь быть поставлену въ одинъ рядъ съ естествомъ подчиненнымъ и рабскимъ? Но о семъ довольно.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

стран.	стр.	
19	9	Евновія
21	14	сн. возставшимъ
23	4	— задремавъ
29	9	св. состязующими
31	1	сн. пожеленія
56	6	св. Кизисъ
71	7	— если и
74	15	сн. высказываетъ
81	2	— истиною
87	11	св. наименованіе
105	11	сн. ученія
148	8	— Онъ Бога
153	3	— бесплодно
157	10	св. къ дѣйствительности
236	10	сн. почититъ
246	9	св. сообща
276	4	сн. Слѣдствіе
313	8	св. словомъ
315	6	сн. того
317	9	— онъ
—	3	— Владыка
325	5	св. и обвиняетъ
327	4	— которами
349	7	— приращенія
352	9	сн. Еф.
353	8	св. Лук. 3,
—	2	сн. 20
363	8	св. Херувимы, Серафимы
364	6 и 7	(17, 4. 8.)

Должно читать:

Евновія
возставшихъ
не задремавъ
состязующимися
пожеланія
Кизикъ
если бы
высказываетъ
Истиною
наименованія
ученіе
Онъ отъ Бога
бесплодно
въ дѣйствительности
почтетъ
сообщая
Въ слѣдствіе
Словомъ
то
Онъ
Владыка твари
когда обвиняетъ
которыми
приращенія славы
Евр.
Лук. 5,
27
Херувимы и Серафимы
(17, 48.)

370	14 св. первая	растѣнія
387	5 св. населенной	ненаселенной
391	12 — чрева	тѣла
402	3 св. вмѣстѣ	вмѣсто
403	12 св. Послѣку	Посему
405	13 — признавъ	принявъ
410	11 — отступниковъ	отступника
416	1 — дознавъ	дознавъ сіе
417	14 св. дознавъ отъ	дознавъ сіе отъ
420	4 — 2, 31.	2, 3.
429	6 св. перевозвести	перевознесши
433	10 — Единороднаго Сына	Единороднаго и Сына
439	6 св. понятіе	понятія
465	11 св. Цирценой	Цирценой
472	2 св. догматъ.	догматъ, излагая въ видѣ разсказа ирраціональнаго уявившемуся.
481	14 — 3, 6	3, 8.
492	3 — согласнымъ	согласное
—	4 св. о себѣ	о Немъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е

СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ V.)

	стран.
Посланіе св. Григорія Нисскаго къ брату его, Петру, епискоцу севастійскому	1
Посланія Петра Севастійскаго къ брату его, св. Гри- горію Нисскому	5
Опроверженіе Евномія	
книга первая	8
книга вторая	261
книга третья	381
книга четвертая	432
